

2

Русская речь

1974

Русская речь

Научно-популярный журнал
Института русского языка Академии наук СССР
Основан в 1967 году. Выходит 6 раз в год
Издательство «Наука». Москва

№ 2, 1974 март—апрель

В номере:

К 250-летию Академии наук СССР

Е. Э. Биржакова. Академия наук и русский язык . . .	3
И. А. Василевская. Российская Академия . . .	10

ЯЗЫК ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

А. И. Ревякин. «Поэт жизни действительной» . .	18
Валентин Дмитриев. Как дописывали Гоголя . .	25
Р. А. Будагов. К. Паустовский о стиле и стиль К. Паустовского	29
М. В. Орешкина. Имена персонажей поэмы С. Есе- нина «Анна Снегина»	36
Э. В. Померанцева. Пословицы и загадки А. Н. Корольковой	44
И. Б. Голуб. Звук и слово в поэзии	50

КУЛЬТУРА РЕЧИ

И. А. Попов. «Приходи вечер, любимый...»	57
И. С. Улуханов. Русская речь на голубом экране	60
Г. Я. Солганик. «Лектору о слове»	66

ГРАММАТИКА. СТИЛИСТИКА

Л. И. Реутова. Незнакомое слово в художественном тексте	68
Д. Я. Вакулин. Приставка <i>под-</i> в <i>подсолнечнике</i> . .	73

СЛОВАРИ РУССКОГО ЯЗЫКА

- В. А. Меркулова. Этимологический словарь русского языка Макса Фасмера 76
-

ХРОНИКА

- Л. Е. Лопатина. VII Международный съезд славистов (Варшава) 78
-

ОБЛАСТНЫЕ ГОВОРЫ

- Л. И. Балахонова. Из истории первых записей диалектных слов 84
-

ИЗ ИСТОРИИ СЛОВ И ВЫРАЖЕНИЙ

- А. С. Елеонская. Слово *польза* в XVIII веке 89
И. Ф. Мазанько. Десный и правый 95
Ж. Ж. Варбот. Лайка — сорт мягкой кожи 100
В. А. Никонов. Что значили русские фамилии 103
-

СТАРАЯ ПИСЬМЕННОСТЬ

- Н. П. Панкратова. Суффиксы лица в частной переписке XVII века 108
Н. С. Коткова. Таможенные книги рассказывают 112
-

ШКОЛА

- К 150-летию со дня рождения К. Д. Ушинского*
А. В. Текучев. Сын Земли русской 117
Е. И. Кедайтене. Язык народа — «цвет всей его духовной жизни» 126
И. М. Подгаецкая. Юному лингвисту 128
-

ПОСТУПАЮЩЕМУ В ВУЗ

- П. А. Бученков. Учить писать сочинение 130
Темы сочинений на вступительных экзаменах по русскому языку и литературе в 1973 году (справка) 129, 136
-

КОНСУЛЬТАЦИИ

- Грамматическая правильность русской речи 139
-

ПОЧТА «РУССКОЙ РЕЧИ»

- Дотла 43
Читая Пушкина; Пушкинские каламбуры; «Фамильные» слова и термины; *Семь* и *седьмой* в русских пословицах и поговорках; По двадцать или по двадцати; «Мягкая игрушка» и «Мягкие игрушки»; Злачный и злаковый; Под спудом; Кондрашка 141
-

*К 250-летию
Академии наук
СССР.*

АКАДЕМИЯ НАУК И РУССКИЙ ЯЗЫК (от Петра I до Ломоносова)

Два с половиной века тому назад, в январе 1724 года, был объявлен именной сенатский указ следующего содержания:

О АКАДЕМИИ, И О СУММЕ, НА СОДЕРЖАНИЕ ОНОЙ.

Генваря 28 дня

Его Императорское Величество указал, учинить Академию, в которой бы учились языкам, также прочим наукам, и знатым художествам, и переводили б книги. А Генваря 22 дня, Его Императорское Величество, будучи в зимнем доме, и слушав о сочинении той Академии проэкта, на котором собственною своею рукою подписать изволил тако: На содержание оных определить доходы, которые збираются с городов Нарвы, Дерпта, Пернова и Аренсбурга, таможенных и лиценционных, 24912 рублей.

Мысль о создании Академии возникла уже в конце XVII века, а в течение первых двух десятилетий XVIII века Петр I неоднократно обсуждал вопрос об Академии в беседах с западноевропейскими учеными Лейбницем, Вольфом, Делилем, Фонтенелем и другими; велись также переговоры об их возможном участии в будущей российской Академии. Однако от даты формального учреждения Академии наук до времени ее реального функционирования прошло около года. Лишь с осени 1725 года начались регулярные академические конференции (заседания), а первое торжественное публичное заседание Академии состоялось 27 декабря 1725 года.

Представление о функциях Академии сложилось не сразу. Вначале Петр предполагал создать Академию как высшее учебное заведение, затем склонялся к мысли учредить «социетет [общество] наук», то есть высшее научно-исследовательское учреждение, «подобно как в Париже, Лондоне, Берлине и прочих местах». Наконец по проекту, составленному по его указанию лейб-медиком Л. Л. Блюментростом, ставшим первым президентом Академии наук, Академия стала совмещать в себе собственно научное учреждение — «социетет художеств и наук» и учебное — университет и гимназию, питомцы которых могли бы впоследствии «учителям своим наследовать», становиться членами Академии.

Вопросы учебного направления деятельности Академии и подготовки умелых переводчиков, очевидно, особенно живо обсуждались на заседаниях сената, где присутствовал и Петр. Это нашло свое отражение в определении задач Академии, изложенных в сенатском указе. В самом же проекте организация собственно Академии предусматривала три отделения, или «класса»: в первом классе — науки математические, во втором — физические, в третьем — все гуманитарные и общественные («элоквенция и студийум антиквитатис», то есть красноречие и изучение древностей, право, политика и этика). Академики должны были сочинять «экстракты» (краткие изложения) научных достижений, совместно обсуждать ученые дела, рассматривать и апробировать предложенные «декуверты» (открытия); кроме того, академиков обязали подготовить на латинском языке «систем или курс в науке своей в пользу учащихся младых людей». После перевода на русский язык эти учебные пособия должны были публиковаться.

Так в России появилось первое государственное высшее научное учреждение, вызванное к жизни потребностью русского общества в развитии науки, культуры, просвещения. В новообразованную Академию были приглашены известные европейские ученые из Германии и Франции такие, как математики Николай и Даниил Бернулли, Л. Эйлер, Я. Герман, Х. Гольдбах, астроном Ж. Делиль, физик Г.-Б. Бюльфингер, натуралисты И. Дювернуа, И. Вейтбрехт, И.-Г. Гмелин и др. Не прошло и десяти лет, как состав Академии стал пополняться русскими учеными. Первым в 1733 году получил ученое звание адъюнкта (помощника профессора) по кафедре высшей математики В. Е. Адодуров; в 1742 году адъюнктом физического класса был утвержден М. В. Ломоносов, а адъюнктом натуральной истории В. Г. Тешлов; первыми русскими профессорами Академии стали в 1745 году В. К. Третьяковский и М. В. Ломоносов.

Свои ученые труды, как это было принято и в большинстве западноевропейских стран, академики писали преимущественно по-латыни, на этом же языке читали доклады на академических конференциях. Протоколы заседаний Академии наук велись на латинском и немецком языках. Петр I хотел, чтобы научные книги публиковались на русском языке. Естественно, что Академии потребовался целый штат переводчиков, причем переводчиков научных текстов. По проекту в каждый класс Академии придавалось по одному переводчику, однако вскоре число переводчиков потребовалось увеличить, а в 1735 году учредить «Российское собрание» переводчиков, которое должно было «иметь тщание в исправлении российского языка слушающихся переводов». Академические переводчики (И. И. Ильинский, И. С. Горлицкий, В. Е. Адодуров, М. П. Сатаров, позднее В. Г. Волков, М. И. Голубков и др.) оказались в трудном положении. Они хорошо знали языки, но многие из них не имели нужной подготовки в области математических и естественных наук. К тому же язык русской науки еще только складывался, научная терминология не устоялась, и для многого не было русских наименований. Недаром перевод первого академического труда, изданного в 1728 году на русском языке под названием «Краткое описание Комментариев», сопровождался таким предисловием:

Не сетуй же на перевод, якобы оный был невразумителен или не весьма красен, ведати бо подобает, что весьма трудная есть вещь

добре преводити, ибо не точию оба оные языки, с которого и на которыя переводится, совершенно знать надлежит, но и самыя преводимыя вещи ясное имети разумение.

Перевод «Комментариев» еще шероховат, переводчики осторожны; стараясь избежать «темноты» текста, не доверяя предлагаемым ими русским соответствиям латинских терминов, они щедро пользуются глоссами и маргинальными (приведением в тексте или на полях латинских терминов). Вот как выглядело, например, начало одной из статей «Комментариев»:

Новейшии Астрономы чрез Кеплеряново предложение (на полях: problema) разумеют вопрос о изобретении истинного места всякия планеты в каком нибудь времени, прешедшем ли или настоящем или будущем, в таком предвзятии (на полях: hypothesis), что круги планет суть эллиптически Эллипсис, юже иннии еичною (на полях: ovalis) называют у математиков есть кривая линия в себе самой замыкающаяся...

Такой прием перевода терминов или малопонятных иноязычных слов был принят на первых порах многими переводчиками. Но целеустремленные поиски русских соответствий и освоение заимствованной терминологической лексики, быстро растущее мастерство перевода, стремление к точной и понятной форме изложения приводят к тому, что уже в 30-е годы язык научных книг становится самым обработанным и совершенным по сравнению с языком других видов литературы.

В дальнейшем Академия рассматривает также переводы частных лиц, одобряя или отвергая их, причем переводы не только учебных и научных, но и самых разнообразных по содержанию книг (исторических повестей, романов, рассуждений, назидательно-моралистических сочинений, исторических, географических описаний, путешествий и пр.).

Практические занятия переводами создают предпосылки и для теоретического осмысления принципов сопоставления разноязычных элементов, логического обоснования отбора определенных словесных пластов, для этимологических разысканий. Сам русский язык становится объектом научного исследования. Этому способствует также и интенсивная работа по составлению словарей и грамматик.

В 1731 году в академической типографии был напечатан «Немецко-латинский и русский лексикон купно с пер-

выми началами русского языка». Он вошел в историю лексикографии как «Вейсманнов лексикон». Хотя этот словарь положил начало целой серии переводных словарей нового типа, переводчики И. Ильинский, М. Сатаров, И. Горлицкий дополнили русским переводом немецко-латинский словарь Вейсмана. Названные ученые заботились не только о точной передаче значений немецких и латинских слов средствами русского языка, но и старались подобрать как можно больше русских соответствий к ним. «Мы ныне, — писали издатели Словаря в его предисловии, — толко о собрании доволнаго числа русских слов и речей тщалися, к чему сей Вейсманнов Лексикон... удобнейшим показался». Вот несколько образцов словарных статей из этого словаря:

Aberwitzig, delirus, безумный, шалный, глупый, сумазбродный, изумленный.

Mittler, intercessor, conciliator, посредник, миритель, примиритель, ходатай, заступник.

Такое направление словарных переводов, воплощенное и в другом большом переводном словаре — «Новом лексиконе на французском, немецком, латинском и на российском языках, переводу асессора Сергея Волчкова» (1755—1764), способствовало накоплению и подбору словесного материала для будущего толкового словаря русского языка, замысел которого зрел в Академии. С этой же целью «тередорщику» (печатнику) академической типографии А. И. Богданову было поручено собирать «все технические выражения, свойственные каждому искусству и науке». Сбором слов занимались многие переводчики (например, вновь поступившие в Академию И. Голубцов, В. Лебедев), а также В. К. Тредиаковский и М. В. Ломоносов. К 1750 году материалы словаря уже занимали четырнадцать рукописных томов. Однако лишь в последнем десятилетии XVIII века увидел свет первый толковый словарь русского языка — «Словарь Академии Российской» в шести томах (1789—1794).

Грамматикой русского языка занимались в первые годы существования Академии почти все академические переводчики. Первые грамматики, в которых русская грамматическая система была четко отделена от церковнославянской, имели практическую цель и предназначались для изучающих русский язык иностранцев. Это были Грамматика И. Горлицкого на французском языке (СПб., 1730)

и краткий грамматический очерк на немецком языке В. Адодурова, приложенный к Вейсманнову лексикону. Ему же принадлежит и более полная и подробная грамматика на русском языке, отдельные части которой были найдены совсем недавно в Архиве Академии наук СССР и перевод которой на шведский язык считался ранее Грамматикой М. Грёнинга (1750.— М. Groening. Российская грамматика. Стокгольм, 1750). К сожалению, эта грамматика была, очевидно, мало известна современникам; во всяком случае, Ломоносов указывает в числе предшественников своей «Грамматики» лишь «малинькую» грамматику при словаре, считая ее «несовершенной и во многих местах неисправной». Создателем первой полной, подробно разработанной и теоретически обоснованной грамматики по праву считается М. В. Ломоносов.

Таким образом, основные направления языковедческой деятельности Академии в первые десятилетия ее существования имели в основном практический или прикладной характер и осуществлялись не столько кафедрами «гуманитарии» (гуманитарных наук), сколько коллегией переводчиков. Еще в 1735 году, выступая на открытии Российского собрания переводчиков, Тредиаковский наметил обширную программу действий. Акт образования Собрания Тредиаковский воспринимал как «о совершенстве русского языка попечение» и полагал, что «не об одном здесь чистом Переводе степенных старых и новых Авторов дело идет». Необходимо думать о «Грамматике доброй и исправной», о «Лексиконе полном и довольном», составление которого Тредиаковский сравнивал с трудом «баснословного» Сизифа, и, наконец, о риторике и основах «стихотворной науки». Не скрывая трудностей в исполнении намечаемых дел, Тредиаковский высказывал убеждение в том, что «всегдашнее тщание, непрерывное размышление, неусышный труд» приведут к их «полезному окончанию».

С приходом Тредиаковского Академия приобрела неутомимого труженика, фанатически преданного своему делу, европейски образованного ученого-филолога. Тредиаковский перевел десятки книг, подвигом его жизни можно считать перевод многотомной «Истории» Роллена, длившийся свыше 30 лет. Он не только много переводил сам, но и призывал своих «соотечественников» переводить «все, что полезнейшее, все, что достойнейшее в чужих языках» имеется, поскольку он видел в переводной литературе

один из важных каналов совершенствования языка. По его мнению, именно через переводы русский язык «пословия своего сочинения вычистит, а при всем том, многия и различныя вещи именами называя, богатое изобилие слов получит». В историю русской филологической науки Тредиаковский вошел как основоположник теории перевода (Предисловие к «Науке о стихотворении и поэзии...» Буало, 1752), как предшественник Ломоносова по реформе русского стиха (Новый и краткий способ к сложению российских стихов, 1735), как теоретик русского правописания, провозгласивший наиболее «разумным» фонетическое письмо («по звонам»), а не традиционное фономорфологическое («по корени») (Разговор между чужестранным человеком и россиянином об орфографии..., 1748), как историк языка (Три рассуждения о трех главнейших древностях российских, 1773). До прихода в Академию в 1742 году Ломоносова Тредиаковский фактически возглавлял и представлял науку о русском языке.

Время деятельности в Академии наук Ломоносова по праву называется «Ломоносовским периодом». Химия, физика, география, астрономия, геология, металлургия, история, языкознание — таков круг интересов Ломоносова, «нашего первого университета», по словам Пушкина. В каждой из этих областей он сделал открытия, многие из которых опередили его время и были признаны и оценены лишь позже. Труды же Ломоносова в области филологии, его роль в истории русского языка столь значительны, что заслуживают особого, отдельного очерка.

*Кандидат филологических наук
Е. Э. БИРЖАКОВА*

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ (1783—1841)

О СЛОВЕ «АКАДЕМИЯ»

Сначала *академией*, по имени героя Академа, в Древней Греции была названа роща под Афинами, где он, по преданию, был похоронен; ватем обосновавшаяся в этой роще философская школа Платона (IV век до н. э.), а потом так стали называть и многие другие философские школы, здания и рощи, в которых они находились.

Слово *академия* широко распространилось во всем мире, прежде всего, в странах, где возникали особые общества ученых и художников. Они были в Александрии, в Вавилонии, в арабском Халифате, в государстве Карла Великого. В эпоху Возрождения такие общества появились в Италии (Неаполь, Флоренция, Палермо, Рим), а затем и в Центральной Европе. Академиями называли нередко и учебные заведения. К 1635 году относится основание кардиналом Ришелье французской Академии — Académie Française в Париже. По ее образцу позже возникают академии в Мадриде, Лиссабоне, Стокгольме.

Членами европейских академий в это время избираются ученые и писатели, художники и музыканты, а почетными членами — также и монархи (почетным членом Парижской академии наук был избран в 1717 году Петр I).

О НАЧАЛЕ АКАДЕМИЙ В РОССИИ

Петровские реформы открыли в России простор для развития наук и художеств, усиления в них светского начала и, следовательно, широкие возможности для учреждения у нас всевозможных академий. Самому Петру I принадлежит замысел создания русской Академии наук. Но основанная Петром I «прабабушка» нашей сегодняшней Академии наук СССР была не первой в России и не единственной в XVIII веке. Первой нашей академией была Славяно-греко-латинская, духовная, созданная на базе Московской греко-латин-

ской школы, а на Украине существовала духовная Киево-Могилевская академия. Само греческое слово-название *академия* проникло к нам в XVII веке, очевидно, как термин из латыни через посредство польского языка, являвшегося в XVII веке для всех восточных славян проводником тогдашней международной латинской учености.

Петру I принадлежит также и замысел Академии художеств, и создание базы для будущей Медико-хирургической академии.

**ЕЩЕ ОДНА АКАДЕМИЯ,
ОТДЕЛЬНО ОТ
АКАДЕМИИ НАУК**

В 1783 году в Петербурге открылась еще одна академия, получившая название Российской. Российская Академия, в отличие от Академии наук, считалась не государственным уч-

реждением, а «вольным обществом ученых и писателей», зависимым, впрочем, «от высшей власти». Российская Академия занималась исключительно отечественным языком и словесностью, имея в своем составе, в отличие от Академии наук, только русских членов. Первым ее президентом была назначена бывшая уже в то время директором Академии наук княгиня Екатерина Романовна Дашкова (1743—1810). На этих постах она сыграла немалую роль в развитии русской литературы и изучении в России русского языка. В ее правление был учрежден переводческий департамент, выходили в свет журналы «Собеседник любителей российской словесности», «Новые ежемесячные сочинения», была опубликована серия академических мемуаров, вышло собрание русских пьес «Российский Театр».

Конечно, не следует идеализировать деятельность Российской Академии. Не случайно один из выдающихся представителей русской культуры XVIII века писатель Е. Болховитинов так отозвался о своем избрании в члены Российской Академии: «Сим титулом я не льщусь, потому что в академии сей всякая всячина набита в членство». Действительно, среди членов Российской Академии было немало совершенно бесцветных личностей, ничем не отличившихся на поприще языка и литературы, проникших в Академию лишь благодаря своей власти, богатству. В то же время ни Н. И. Новиков, ни А. Н. Радищев не были членами этой Академии и находились в опале, а И. А. Крылов не прошел в члены Академии при первом баллотировании! Однако следует воздать должное объективной положительной роли Российской Академии, которую она сыграла в истории русской культуры, благодаря лучшим ее членам.

Рождение этой Академии оказалось своевременным, так как отвечало назревшим культурным потребностям России: в ее деятельности приняли участие лучшие писатели и ученые того времени, а в результате появились литературные произведения и филологические труды, составляющие гордость русской культуры.

ЧТО ПРЕДШЕСТВОВАЛО ЭТОЙ АКАДЕМИИ И ЕЕ ЗАДАЧАМ

Острая необходимость в специальном научном учреждении, которое бы занималось вопросами русского языка

и словесности в России, стала ощущаться вскоре же после смерти Петра I. С середины 30 — начала 40 годов XVIII века во всех областях русской жизни стало заметно «сознательное возвращение к себе» (С. К. Аксаков), наступившее после периода сильнейшего западного влияния. Обеспокоенные обилием в русской речи новых иностранных слов, опасаясь засорения и порчи русского языка, многие писатели, общественные деятели и ученые второй половины XVIII века призывают своих соотечественников к борьбе за чистоту русского языка, видя в иноязычном влиянии «упадок», «убийство», «безобразие», «порчу», «дикость и странность», отыскивая русские замены и переводы для множества иностранных слов, прежде всего французских. Учреждения, которое бы специально занималось этой проблемой в 30-е годы, когда открылась Российская Академия наук, не было. И уже тогда, в 1735 году, «дабы радеть о возможном дополнении российского языка, его чистоте, красоте и желаемом... совершенстве», — пишет В. К. Тредиаковский, на том же основании, как и во Франции, создается специальное «Российское собрание», объединившее академических переводчиков. Для исправления переводов это было очень важно. Ведь переведены на русский язык уже были произведения таких авторов, как Гомер, Тацит, Цицерон, Вергилий, Овидий, Плутарх, Флавий, Тассо, Вольтер, Монтескье, Локк, Корнель (при этом античные авторы чаще всего переводились с новых западных переводных текстов). Собрание просуществовало до 1743 года, затем ненадолго преобразовалось в переводческий департамент. В 1771 году при Московском университете возникло «Вольное российское собрание», занимавшееся исправлением и обогащением русского языка, изданием сочинений отечественных авторов, периодического «Опыта трудов» и других книг. Однако русское общество того времени мечтает о том, когда и у нас «такое же, как у французов, учредится для исправления и распространения языка собрание» (А. П. Сумароков. О коренных словах русского языка). Вспыхнувший в России во второй половине XVIII века интерес к русскому языку, его основам, стремление ограждать, как тогда казалось, от порчи иностранными словами, изучение его и собиранье материалов, а также поиск различных форм учреждений, которые могли бы специально заниматься его судьбой — были лишь зеркалом происходившего в самом языке процесса — кристаллизации его в форму литературного, национального. Ближайшими задачами открывавшейся в 1783 году Российской Академии оказались: очищение и обогащение русского языка, утверждение общего в нем словоупотребления, витийство (красноре-

чие) и стихотворство, создание российской грамматики и российско-го словаря, риторики (науки об ораторском искусстве) и правил стихотворства. Именно для этих целей и учреждалось новое общество ученых людей — Российская Академия.

О ЧЛЕНАХ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ

Среди ее лучших членов было больше всего писателей, как светских (Д. И. Фонвизин, Г. Р. Державин, И. Ф. Богданович, И. И. Хемницер, В. В. Капнист, И. А. Крылов, Я. Б. Княжнин, В. А. Жуковский, Н. М. Карамзин, Н. И. Гнедич, М. Н. Загоскин, А. С. Пушкин), так и духовных (митрополит Евгений, Петр Алексеев и др.); языковеды (А. А. Барсов, А. Х. Востоков), а также представители других наук, прекрасно знавшие родной язык, владевшие слогом, четко излагавшие различные научные материи и переводившие труды иностранных ученых. Среди них преобладали специалисты в области математики, астрономии, естествознания, анатомии, медицины, геологии. Членом Российской Академии был и архитектор В. И. Баженов.

Среди этих лучших представителей Российской Академии было немало выходцев из демократических слоев общества. Если историк И. Н. Болтин происходил из древнего дворянского рода, то натуралист Н. П. Соколов был сыном сельского пономаря, математик С. Я. Румовский — священника, математик и лингвист С. К. Котельников — солдата, химик В. М. Севергин — придворного музыканта. Приобщник (был и такой чин в Российской Академии) математик А. К. Кононов был сыном унтер-мастера шпалерной фабрики. Сыном солдата был знаменитый естествоиспытатель И. И. Лепехин, именем которого иностранные ученые назвали некоторые свои открытия в области фауны и флоры.

Славна Российская Академия и тем, что среди членов ее были настоящие патриоты своей родины, прогрессивно настроенные умы. Достаточно вспомнить, как рьяно боролся с засильем иностранцев в Академии наук С. Я. Румовский, какую блестящую по публицистической силе и научной глубине отповедь дал клеветнической «Истории России» иностранца Леклерка И. И. Болтин, какую революционную трагедию «Вадим Новгородский» создал Я. Б. Княжнин! С. Е. Десницкий, по праву признанный основоположником русской юриспруденции, одним из первых заговорил на русском языке о равноправии женщин.

НАУЧНЫЕ СВЯЗИ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ

Российская Академия сохраняла преемственность с другими учеными обществами России и была тесно связана с передовой наукой Западной Европы. Многие ее члены (например, медик С. Г. Зыбелин) учились в Славяно-греко-латинской академии, некоторые (С. Я.

Румовский, В. М. Севергин) были одновременно членами Академии наук, другие — членами «Вольного Российского собрания» (М. М. Щербатов, А. А. Барсов, Д. И. Фонвизин). Многие члены Российской Академии некоторое время учились за границей: в Оксфорде, Геттингене, Страсбурге, Глазго, Лейдене, Кенигсберге.

**ИЗДАНИЯ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ** Члены Российской Академии (из писателей: Г. Р. Державин, Д. И. Фонвизин, В. В. Капнист, В. А. Озоров) принимали активное участие в литературных и научно-литературных журналах Академии наук. В 1802 году вышла в свет «Российская грамматика» П. И. и Д. М. Соколовых, в 1811 — «Наука стихотворства» И. Рижского, замечательно изданы пьесы «Российский Театр». Но самым важным плодом деятельности Российской Академии является «Словарь Академии Российской» (СПб., 1789—1794); создание его В. Г. Белинский считал «истинным подвигом». Это тот самый словарь, о котором в «Евгении Онегине» упомянул Пушкин:

Хоть и заглядывал я встарь
В академический словарь.

**РАБОТА НАД «СЛОВАРЕМ
АКАДЕМИИ РОССИЙСКОЙ»
СПБ., 1789—1794** Благодаря титаническому труду и четкой его организации, 43657 слов были блистательно описаны членами Российской Академии (сорока семью из тогдашних шестидесяти) в течение десяти лет. (Для сравнения достаточно указать, что Словарь французской Академии составлялся в течение 60 лет.) Предварительно составленный план словаря подвергся подробнейшему обсуждению. Для работы были созданы три отдела: грамматикальный, объяснительный и издательный. Все материалы предварительно, для обсуждения, были изданы в виде пятитомных «Аналогических таблиц». Источниками Словаря явились печатные и рукописные, церковные и светские книги, лучшие произведения поэтов, другие словари (Л. Зизания, П. Беринды, П. Алексеева) и рукописные собрания слов (Богданова, Кондратовича, Левшина), а также некоторые переводы. Материалы Словаря описывались по буквам и тематическим группам, а затем уже располагались в словопроизводном порядке (словарь организован по гнездовому принципу). Известно, например, что слова на буквы *А*, *Б* и *В* объяснили протоиерей Красовский и иеромонах Сидоровский, термины «звездословия» — академик С. Я. Румовский, естественной истории — И. И. Лепехин, «трупоразъятельной науки» и книгопечатания — А. П. Протасов, химии — Н. П. Соколов, названия болезней объяснил Н. Я. Озерецковский, а мер, весов и денежного счета — С. К. Котельников. Слова на буквы *Ц*, *Ш*, *Щ*, а также названия нравственных понятий объяснила Е. Р. Дашкова.

ХАРАКТЕРИСТИКА СЛОВ В СЛОВАРЕ

Каждому слову дано логическое определение или толкование «словами» (словами, сходными по смыслу), термину — определение с описанием обозначенной вещи. Словарь содержит пометы: ударения, грамматические, нередко — стилистические. У нерусских и диалектных по происхождению слов указан их генетический источник. Толкования подкреплены цитатами из лучших сочинений, песнями, поговорками, пословицами, отчасти — речениями, составленными для этой цели самими членами Академии. Здесь можно найти цитаты из Летописи Нестора, из «Русской Правды», «Судебника» и «Кормчей книги», из произведений М. В. Ломоносова, Феофана Прокоповича и других.

Не следует забывать, что Словарь создавался в ту эпоху, когда наблюдение над языком носило в известной мере стихийный характер, когда языкознание не имело сравнительно-исторической базы и когда господствовало заблуждение, что правила языка создаются не языком, а академиями. Тогда понятны станут причины многих, с позиций наших дней, недостатков этого Словаря. Например, отождествление многих русских и церковнославянских слов, обилие слов обветшалых и искусственно составленных, нарочитое избегание новых иностранных слов (не были включены в него, например, такие вполне известные уже русскому языку XVIII века, как: адрес, аллея, атака, багаж, балет, банкет, карнавал, карусель, кокетка, комплимент, курьер), неправильные этимологии и гнездование.

Н. М. КАРАМЗИН О СЛОВАРЕ

Уже современники отмечали огромную роль «Словаря Академии Российской» в духовном развитии русского общества и ставили его в один ряд со словарями Флорентийской и Парижской Академий. Лучшую оценку дал ему в своей речи в Российской Академии 5 декабря 1818 года Н. М. Карамзин. «Академия Российская, — сказал он, — ознаменовала самое начало бытия своего творением важнейшим для языка, необходимым для Авторов, необходимым для всякого, кто желает предлагать мысли с ясностью, кто желает понимать себя и других. Полный Словарь, изданный Академиею, принадлежит к числу тех феноменов, коими Россия удивляет внимательных иноземцев... Мы... представили систему языка, которая может равняться с знаменитыми творениями Академий Флорентийской и Парижской». В создании Словаря Карамзин видел проявление духовного богатства и силы русского народа: «Наша без сомнения счастливая судьба, во всех отношениях, есть какая-то необыкновенная скорость: мы зреем не веками, а десятилетиями».

РОЛЬ СЛОВАРЯ ДЛЯ НАУКИ О РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Работа над Словарем Российской Академии и самое его издание сыграли огромную роль в развитии русской науки о русском языке, отечественной лексикографии. В процессе этой работы уяснялись многие вопросы истории и теории русского литературного языка (например, вопрос об его генетических источниках), складывались представления о многих лингвистических категориях (о синонимах и др.).

В 1794 году Академия приняла решение о переиздании своего Словаря в азбучном порядке. С некоторыми изменениями в составе и толковании отдельных слов «Словарь Академии Российской, по азбучному порядку расположенный», в шести частях вышел в 1806–1822 годах. Он был настольной книгой не одного поколения деятелей русской культуры и уже в 1831 году стоил дороже 100 тогдашних рублей, поскольку к 30–40 годам XIX века составил уже редкое издание, которое осталось в немногих книгохранилищах. В наши дни шесть томов первого и второго издания «Словаря Академии Российской» — редкость еще большая. И тем не менее вряд ли найдется специалист в области русского языка, который не обращался бы к этой сокровищнице русского слова, не знал бы о ее существовании. Историки же русской лексикографии знают о нем больше всего; ведь на базе «Словаря Академии Российской» было создано в конце XVIII — начале XIX века несколько других словарей, и со многими его данными сверяли свои наблюдения все создатели последующих словарей русского языка. Словарь содержит объяснение множества слов не только литературных, но и областных (лони, моряна, сумет, щерба), старославянизмов (велий, выпсрь), древнерусизмов (буй, мыто, уста, ягня), слов иностранных (босман, клевет, топазион, блонды, гас, гарнитур), просторечных (ляд, насуслиться) и простонародных (блазнь, колоброд, фаля), многих, ныне не известных литературному языку, устаревших или изменивших свое значение.

СУДЬБА РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ

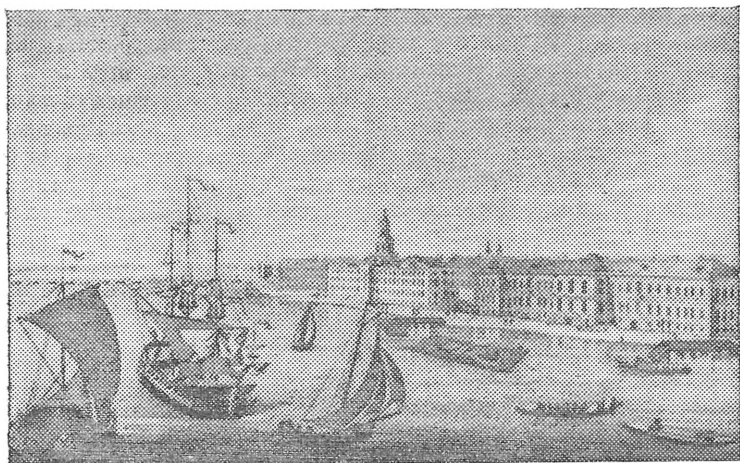
Академия Российская прекратила свое существование в 1841 году, когда в истории Российской Академии наук начался новый период: Академия Российская оказалась преобразованной в одно из отделений Академии наук. Членами его впоследствии стали многие прославленные русисты — филологи, а при учреждении его состава из Академии Российской перешли в числе прочих А. Х. Востоков, В. А. Жуковский, П. А. Вяземский, И. А. Крылов.

**ЕСЛИ ВАМ
ПОСЧАСТЛИВИТСЯ
УВИДЕТЬ
«СЛОВАРЬ АКАДЕМИИ
РОССИЙСКОЙ»...**

Но «Словарь Академии Российской» остался навсегда памятником Академии Российской как самостоятельного учреждения. И если когда-нибудь вам посчастливится увидеть на книжной полке хотя бы один из шести томов этого Словаря, в переплете из старинной светлой кожи, с золотым тиснением заглавия по красному полю на корешке, с карминным обрезом, перелистайте его голубовато-шершавые страницы, испещренные удивительно четкими печатными буквами разных прифтов,— «ятями» и «ерами». Прочитайте хотя бы замечательное предисловие и несколько статей, загляните в алфавитный перечень слов первого издания в начале тома. Это, несомненно, доставит вам удовольствие.

Подробно узнать об этом Словаре и Российской Академии вы сможете, познакомившись с трудом академика М. И. Сухомлинова «История Российской Академии» (СПб., 1874—1888).

*Кандидат филологических наук
И. А. ВАСИЛЕВСКАЯ*

Вид берегов Невы между Зимним дворцом и зданием Академии наук.

С гравюры XVIII века

«ПОЭТ ЖИЗНИ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОЙ»

Творческий путь Н. В. Гоголя — весьма сложен и противоречив. Начал Гоголь как прогрессивный романтик (Ганц Кюхельгартен). В ряде последующих произведений, при наличии преобладающего романтического принципа изображения, явно сказываются реалистические тенденции (Вечера на хуторе близ Диканьки; Тарас Бульба). В реалистическом духе написаны «Повесть об Иване Федоровиче Шпоньке и его тетушке», «Старосветские помещики» и «Повесть о том, как поссорились Иван Иванович с Иваном Никифоровичем». Блестящим торжеством критического реализма явились такие его художественные шедевры, как «Петербургские повести», «Ревизор» и «Мертвые души».

Творческий путь Гоголя — убедительное свидетельство того, что все истинно эстетическое создается на основе верности действительности, прогрессивной идейности, связанной с освободительной борьбой, с интересами и чаяниями народа. В. Г. Белинский, справедливо называя Гоголя «поэтом жизни действительной», утверждал, что именно с его появлением «литература наша исключительно обратилась к русской жизни, к русской действительности» (Мысли и заметки о русской литературе), что именно «с Гоголя начинается новый период русской литературы» (Русская литература в 1841 году).

Эта оценка была поддержана Н. Г. Чернышевским, который, отмечая огромное значение в развитии реализма Грибоедова и Пушкина, считал необходимым «приписать исключительно ему [Гоголю] заслугу прочного введения в русскую изящную литературу сатирического, или, как справедливее будет назвать его, критического направления» (Очерки гоголевского периода русской литературы).

В демократизации поэтического языка Гоголь пошел дальше своих предшественников, смелее вводил в авторскую речь слова, выражения, обороты самых простых слоев населения. В романе-эпопее «Мертвые души» мы читаем: «День был... заключен... крепким сном во всю насосную завертку»; «потрафить на лад»; «с садка на бока, под микитки и в подсочельник»; «сколот насос» (размозжен нос) [цитируется по изданию: Н. В. Гоголь. Полное собрание сочинений. М.—Л., 1937—1952].

Речетворчество трудового народа Гоголь противопоставляет косноязычию дворянства, в особенности высшего — «от них первых не услышишь ни одного порядочного русского слова». Иронизируя над манерностью речи господствующего сословия, он пишет: «Еще нужно сказать, что дамы города N отличались, подобно многим дамам петербургским, необыкновенною осторожностью и приличием в словах и выражениях. Никогда не говорили они: „я высморкалась, я вспотела, я плюнула“, а говорили: „я облегчила себе нос, я обошлась посредством платка“. Эти дамы, не зная русского языка, уродуют его, мешают с иностранным: „...скандальозу наде- лал ужасного... ребенки плачут... ну, просто оррёр, оррёр, оррёр“».

В «Мертвых душах» русская действительность, по верному замечанию В. В. Виноградова, выступила «во всем многообразии ее чисто национальных — областных, профессиональных и сословных вариаций и выражений» (Очерки по истории русского литературного языка XVII—XIX вв.).

Опираясь на законы народного языка, Гоголь удивительно разнообразно использует семантические замены и синонимические оттенки слов. Вспомним, например, его употребление глагола *хватить* в беседе Чичикова с Коробочкой: «старухахватиладалеко», «хватилинемногогромаду»; в описании приезда Коробочки в город к протопопше: «хватилаобонимикулакамииворота»; в описании Собакевича: «хватила топором»; в его торге с Чичиковым: «Эх, кудахватили».

Оригинальность авторского языка, его опора на самые разнообразные пласты общенационального языка, еще более сказывается в его изобразительно-синтаксической структуре. Стремление к подробному, детализированному воссозданию быта, к глубоким авторским комментариям и раздумьям, составляющим одну из особенностей поэмы «Мертвые души», обусловили сложность ее синтаксиса, резко отличающуюся от пушкинского лаконизма. Но, разумеется, этот синтаксис приобретает своеобразие, определяемое прежде всего идейным пафосом романа-поэмы.

Обличительно-сатирическая направленность поэмы проявилась в юморе, иронии, пародии. Ирония, то и дело принимая саркастическую окраску, составляет лейтмотив авторской речи и находит

выражение в самых различных формах. Гоголь то пользуется контрастом между предметом и его описанием и с важной серьезностью или мнимым сочувствием повествует о третьестепенных явлениях, то обращается к излюбленным алогизмам и развернутым сравнениям. Противоречия между предметом и соседствующими словами (Иностранец Василий Федоров) или предметом и авторскими его комментариями также могут быть выражены через иронию. Уже в вводной главе, описывая залу гостиницы, Гоголь останавливает внимание читателей на безвкусных картинах (Нимфа с невиданно огромными грудями) и замечает, что подобные картины иной раз привозятся из-за границы «нашими вельможами, любителями искусств, накупившими их в Италии, по совету везших их курьеров». В седьмой главе сообщается, что дом, в котором помещалась казенная палата, был «весь белый, как мел, вероятно, для изображения чистоты душ помещавшихся в нем должностей». Образцом пародийной иронии может служить письмо Чичикову, присланное неизвестной дамой. Эта пародия на сентиментально-романтическую фразеологию заканчивается стихами: «Две горлицы покажут Тебе мой слабый прах; Воркуя, томно скажут, Что она умерла во слезах».

Если для сатирического обличения Гоголь пользуется иронией и сарказмом, то для утверждения гражданско-патриотических идей — лиризмом и патетикой. Высказывая свои положительные идеи и мечты в лирических отступлениях, он обращается к книжной, архаизированной лексике (отторгнутые, упоительный, сокрыв, рукоплеща, объемлются, очи, дерзнувшего, сего, главы), к эмоционально-приподнятым эпитетам (громодно-несущаяся жизнь; вели-

«Тарас Бульба».
Художник
Е. Кибрик

«Портрет».
Художники
Кукрыниксы
На стр. 20

чавый гром; неведомая сила; чудным звоном); к преувеличенно-патетическим сравнениям (как парит орел; он бог; птица-тройка) и возвышенной фразеологии (из великого омута; упонительным ку-ревом; торжественной его колесницей).

Органический сплав тонкого юмора, острой иронии, язвительного сарказма и одновременно лирики действительно воплощает всю глубину идейного смысла поэмы и составляет своеобразие ее авторской речи, ее неповторимо-оригинального слога. Белинский совершенно точно сказал, что Гоголь «не пишет, а рисует; его фраза, как живая картина, мечется в глаза читателю, поражая его своею яркою верностью природе и действительности» (Русская литература в 1844 году):

Демократизация литературного языка, расширение его границ, так ярко проявившееся в авторской речи Гоголя, еще более рельефно осуществились в языке его персонажей.

Стремление к воссозданию социально и индивидуально характерной, локально-диалектной речи персонажей, робко намечившееся еще в классицистских комедиях, со всей отчетливостью обнаружилось в творчестве автора «Ревизора» и «Мертвых душ». Гоголь не чурается, если это нужно для воплощения социально-психологической сущности его героев, никаких речевых стилей, диалектов, жаргонов и т. д. Создатель «Мертвых душ», заостряя ведущие черты персонажей поэмы, применяет гиперболично-сатирический принцип их речевой характеристики.

Манилов изъясняется изысканно, книжно, словами слащаво-любезными, приторно-чувствительными и фразами преувеличенно-

«Вечера на хуторе близ Диканьки». Художник А. Лаптев

учтивыми, комплиментарными. С женой: «Разинь, душенька, свой ротик, я тебе положу этот кусочек». С Чичиковым: «Позвольте вас попросить расположиться в этих креслах». Манилов употребляет ласкательные эпитеты самой высокой степени: препочтеннейший, прелюбезнейший. Приторная чувствительность и витиеватость некоторых его выражений принимает явно пародийную окраску: «майский день, именины сердца»; «чтобы этак расшевелило душу, дало бы так сказать, паренье этакое»; «хотел бы доказать... сердечное влечение, магнетизм души». Любуясь своей галантно-комплиментарной, а иногда и явно замысловатой фразой, Манилов говорит не спеша, замедленно, как бы смакуя свою речь.

Взбалмошная, беспорядочная, буйная, хвастливая натура Ноздрева обусловила речь лексически разностильную, механически сочетающую грубое просторечие (острил зубы на мордаша; черта лысого получишь) с искаженными галлицизмами (безешку; subtilной сюперфлю; скандалозно; кураж; в эмпиреях), испещренную выражениями различных жаргонов — игрецкого (не загни я после пароле на проклятой семерке утку); охотничьего (брудастый; лапа вся в комке), армейского (*бордо* называет просто *бурдашкой*; во рту... точно эскадрон ночевал). Синтаксически речь Ноздрева чрезвычайно динамична, беспорядочна, незаконченна, скользит от одной мысли к другой, чаще восклицательно-вопросительная: «Мнжуев, смотри: вот судьба свела: ну что он мне или я ему? Он приехал бог знает откуда, я тоже здесь живу... А сколько, брат, было карет, и все это en gros. В фортунку крутнули... А какой, если б ты знал, волокита Кувшинников!». В смысловом отношении речь Нозд-

рева представляет сплошное вранье. Он лжет стихийно, вдохновенно, чаще всего неожиданно и для себя. Только что ознакомив Чичикова с границей своего поместья, он, бесстыдно опровергая себя, добавляет: «И даже по ту сторону... все мое». Указывая пальцем на поле, он говорит: «Русаков такая гибель, что земли не видно; я сам своими руками поймал одного за задние ноги». Гоголь опровергает вранье Ноздрева едко саркастически, прямыми и косвенными средствами. Так, Чичикову были показаны Ноздревым «турецкие кинжалы», на одном из которых, замечает Гоголь, «по ошибке было вырезано: «Мастер Савелий Сибиряков». Во время обеда на стол была поставлена рябиновка, «имевшая, по словам Ноздрева, совершенный вкус сливок», но в которой, добавляет писатель, «к изумлению, слышна была сивушища во всей своей силе».

Речь Собакевича, грубая, густо насыщенная бранными словами, отрывистая по своей синтаксической структуре: «Толкуют — просвещенье, просвещенье, а это просвещенье — фук! Сказал бы и другое слово, да вот только что за столом неприлично». Он применяет, как правило, лишь жесткие, черствые, бранные эпитеты и сравнения. У него председатель казенной палаты — «дурак, какого свет не

«Мертвые души».
Собакевич.
Художник П. Боклевский

«Мертвые души».
Петух.
Художник П. Боклевский

производил», полицмейстер — «мошенник», губернатор — «первый разбойник в мире... Он да еще вице-губернатор — это Гога и Магога». Речевая вульгарность Собакевича, обнажающая его чело­веконенавистническую сущность, особенно отчетливо сказалась в его общей оценке чиновников города: «Это все мошенники, весь город там такой: мошенник на мошеннике сидит и мошенником погоняет. Все христопродавцы. Один там только и есть порядочный человек: прокурор, да и тот, если сказать правду, свинья». Собакевич не говорит, а ворчит, бурчит, лает.

Речь Чичикова, в сопоставлении с другими персонажами, наиболее сложна. Этот выдающийся мошенник выработал приемы льстивого, преувеличенно-любезного, предупредительно-почтительного словоизъявления. Но, сохраняя почтительность, он не теряет и собственного достоинства: слова роняет «с весом». На приглашение Манилова посетить его в деревне он отвечает, что «не только с большой охотой готов это исполнить, но даже почтет за священный долг». Обращаясь к Плюшкину, он сказал, что «наслышась об экономии его и редком управлении имениями... почел за долг познакомиться и принести лично свое почтение». Не желая касаться своих прошлых занятий и настоящих намерений, но пытаясь расположить к себе собеседников, Чичиков говорит о себе с нарочитой скромностью, намекая на какие-то гонения и лишения во имя правды и гуманности. Скрывая от собеседников свои истинные цели, он предпочитает обтекаемые, туманно-метафорические фразы, хамелеонствуя, проявляя изумительные способности к мимикрии, ловко меняет свою речь в зависимости от собеседника. С Маниловым им применяется чувствительная фразеология. Он сравнил свою участь с баркой «среди свирепых волн» и, стирая выкатившуюся слезу, вспомнил, как «подавал руку и вдове беспомощной и сироте горемыке». С Коробочкой он совсем не церемонится: употребляет свойственную ей фразеологию (другого рода товарец; против мудрости божией ничего нельзя сказать); иронизируя, повторяет, почти передразнивая, ее слова (хлебнем и фруктовой) и присловья (чай); бранится: «Да пропади они и околей со всей вашей деревней!», «словно какая-нибудь... дворянка». С Ноздревым его беседа фамильярна, а с Собакевичем строго деловита. С Селифаном, теряя весь внешний лоск, превращаясь в деспотического крепостника, он разговаривает уже совершенно разнузданно, исцещря речь грубейшими и оскорбительными ругательствами: «мошенник», «я тебя... высеку», «чушка! чурбан!», «подлец», «разбойник», «страшилище морское», «в рог согну и узлом завяжу». С таким же искусством Гоголь формирует речевое своеобразие персонажей комедии «Ревизор» и других драматических произведений.

Блестяще применяя иронико-сатирический принцип речевой

характеристики действующих лиц, Гоголь наполнил комедию меткими, сверкающими выражениями, ставшими крылатыми: «К нам едет ревизор»; «Ну, тут уж пошли дела семейные»; «Да отсюда, хоть три года скачи, ни до какого государства не доедешь»; «Александр Македонский — герой, но зачем же стулья ломать?»; «Не приведи бог служить по ученой части!»; «Это я сказал: „Э!“»; «Петушком, петушком»; «Не по чину берешь»; «Легкость необыкновенная в мыслях»; «С Пушкиным на дружеской ноге»; «Литературой существую»; «Пусть называется»; «Галантерейное... обхождение».

Могучая сила художественной правды произведений Гоголя, преодолевая время, продолжает активно служить потребностям сегодняшнего дня. Его художественные шедевры не только расширяют наши представления о прошлом и углубляют наши знания человеческих душ. Их пламенная гражданственность, нравственное благородство, моральная красота помогают нам решать самые злободневные проблемы социального поведения. Гоголь жил и остается жить не обскурантистскими «Выбранными местами из переписки с друзьями» и фальшивыми «положительными» образами второго тома «Мертвых душ», а произведениями, проникнутыми жизненной правдой, идеями гражданского патриотизма. Именно об этих произведениях, подрывающих основы социального деспотизма, В. И. Ленин писал, что их идеи дороги «всякому порядочному человеку на Руси» (В. И. Ленин. Полное собрание сочинений. Т. 22, стр. 83).

Заслуги Гоголя перед русским народом, перед русской литературой безмерны.

А. И. РЕВЯКИН

КАК ДОПИСЫВАЛИ ГОГОЛЯ

Некоторые литературные герои были чрезвычайно живучи: иногда они вновь появлялись под пером другого автора... Особенно это относится к персонажам произведений большой художественной или общественной значимости. Находились подражатели, которые брались рассказать о дальнейшей судьбе действующих лиц этих произведений или же дописывали вещи, оставшиеся незаконченными.

Случалось, такие продолжения и окончания выходили еще при жизни автора. Так, сразу же после опубликования и постановки

← «Мертвые души».
Плюшкин.
Художник А. Агин

«Мертвые души».
Ноздрев.
Художник А. Агин
На стр. 27

«Ревизора», весной 1836 года, была издана и показана на сцене анонимная пьеса «Настоящий ревизор. Комедия в трех днях или действиях, служащая продолжением комедии „Ревизор“, сочиненной г. Гоголем». Она принадлежала перу князя Цицианова, который решил развить сюжет дальше и описать, что произошло после разоблачения Хлестакова. При этом главной целью было показать торжество правосудия, якобы неизбежное, но у Гоголя отсутствующее: настоящий ревизор отрешает городничего от должности, велит ему уехать на пять лет в захолустную деревню, где не с кого будет брать взятки; чиновникам предлагает подать в отставку, а Землянику даже отдает под суд; Хлестакова отправляет подпрапорщиком в армейский полк. Словом, порок наказан, добродетель торжествует...

Есть веские основания думать, что «Настоящий ревизор...» был написан по заданию Николая I, крайне недовольного комедией Гоголя. Свои впечатления царь выразил в известной фразе после первого спектакля, на котором он присутствовал: «Тут всем досталось, а более всего мне». Не решаясь запретить комедию (это еще сильнее привлекло бы к ней внимание общества), царь пожелал, чтобы спектакль не заканчивался немой сценой, а действие развивалось далее, но уже не в сатирическом плане. Надлежало доказать, будто «власти предержавшие» отнюдь не потакают взяткам, а, наоборот, стремятся их искоренить, что чиновники, изображенные Гоголем, не типичные фигуры, а исключения. Таким образом, это по-

дражание имело определенную политическую задачу — отчасти ослабить обличительную силу бессмертной комедии.

«Настоящий ревизор...», представленный Николаю через месяц после постановки гоголевской пьесы, был одобрен, и дирекции театра приказали ставить эту пьесу в один вечер с «Ревизором».

По словам исследователя гоголевской драматургии С. Данилова, «Настоящий ревизор...» с точки зрения художественности не заслуживает никакого внимания. В драматургическом отношении пьеса была наивна и беспомощна;

при первом представлении ее освистали. И все же после пяти актов гоголевского «Ревизора» публике были преподнесены еще три акта комедии Цицианова...

Нашелся и другой подражатель, который по своей прихоти решил дальнейшую судьбу литературных персонажей, созданных Гоголем. Это был А. Ващенко-Захарченко, издавший через пять лет после смерти Гоголя книгу «Мертвые души. Окончание поэмы Н. В. Гоголя. Похождения Чичикова». Ниже стояла и фамилия настоящего автора, набранная мелким шрифтом.

По воле этого сочинителя, бесцеремонно присвоившего себе права Гоголя, Чичиков продолжает ездить с Селифаном и Петрушкой по поместьям, но уже не скупает мертвые души. В конце концов он женится на дочке городничего, обзаводится имением и становится отцом 11 детей. Роман кончается смертью Чичикова в глубокой старости и приездом на его похороны из столицы двух старших сыновей-офицеров, унаследовавших от отца любовь к деньгам: они интересуются лишь тем, большое ли наследство оставил папенька...

Ващенко-Захарченко довольно неудачно пытался подражать в своей книге и стилю Гоголя. Так, в предисловии он пишет: «Павел Иванович Чичиков, узнав о смерти Н. В. Гоголя и о том, что поэма его „Мертвые души“ осталась незаконченной, вздохнул тяжело и, дав рукам и голове приличное обстоятельству положение, со свойственной ему одному манерой сказал: „Похождения мои —

произведение колоссальное касательно нашего обширного отечества, мануфактур, торговли, правов и обычаев. Родственники генерала Бетрищева просили меня уговорить вас окончить „Мертвые души“ ; из моих рассказов вам легче будет писать».

Эта попытка продолжить знаменитый роман была встречена критикой крайне отрицательно. В том же 1857 году Чернышевский выступил в «Современнике» с уничтожающим отзывом, где говорилось, что «смысла в книге нет ни малейшего» и что автор «дерзко заимствовал для своего издания имя Гоголя и заглавие его книги, чтобы доставить сбыт своему никуда негодному товару». Далее Чернышевский писал: «Вероятно, найдутся такие ловкие продавцы, которые будут пытаться высылать книгу в провинцию как сочинение Гоголя».

Известна еще одна попытка продолжения «Мертвых душ». В 1872 году журнал «Русская старина» опубликовал неизвестные до тех пор отрывки из второго тома, от которого сохранились лишь наброски пяти глав, ибо все остальное Гоголь, как известно, сжег незадолго до смерти. Эти отрывки якобы хранились у Н. Прокоповича, друга и редактора Гоголя; журналу были присланы лишь копии. Стиль отрывков настолько походил на гоголевский, что даже после того, как доставивший их Н. Ястржембский признался в подделке, некоторые литераторы продолжали утверждать, что эти отрывки принадлежат перу знаменитого автора «Мертвых душ».

Валентин ДМИТРИЕВ

**ИЗУЧАЮТ
РУССКИЙ
ЯЗЫК**

ЧЕХОСЛОВАКИЯ

В Чехословакии очень популярны трехгодичные курсы русского языка для взрослых, организованные еще в 1949 году. Участники VI общегосударственной конференции народных курсов русского языка (НКРЯ) подчеркивали огромную тягу населения к изучению его — «второй родной речи каждого чеха и словака», как говорили выступавшие. За первые 12 лет работы НКРЯ их окончил около 3 миллионов человек. Характерно, что содержание учебного материала народных курсов тесно связано с жизнью и практикой чехословацкого социалистического строительства.

«Львовская правда», 10 апреля 1973

К. Паустовский

О стиле

И стиль

К. Паустовского

Хорошо известно, каким превосходным стилистом был К. Паустовский. Со временем будет написана не одна книга о «языке и стиле К. Паустовского». В ожидании этих книг пока приходится довольствоваться лишь предварительными наблюдениями над мастерством его отдельных произведений. В предлагаемых заметках обращаюсь к его повести «Золотая роза», которая посвящена процессу труда писателя. «Золотая роза» распадается на две неравные части. В первой автор делится своими раздумиями о творчестве, во второй — впечатлениями от прочитанных книг, принадлежащих перу больших мастеров прозы и поэзии. Я начну с этой второй части и попытаюсь показать, какими стилистическими средствами обрисованы портреты писателей, о которых идет речь в «Золотой розе» (сохраняю последовательность авторских зарисовок). Затем вернусь к тем местам повести, где изложены взгляды самого К. Паустовского на роль языка и стиля в процессе художественного творчества, в процессе развития культуры общества. В серии портретов писателей первым предстает перед нами А. П. Чехов. К. Паустовский прежде всего подчеркивает, что не собирается писать статьи о Чехове: «О Чехове сказано как будто всё» [цитируется по изданию: К. Паустовский. Золотая роза. Повести. М., «Детская литература», 1972]. Но автор «Золотой розы» издавна привык «записывать свои мысли на чем попало, в частности на папиросных коробках... Несколько коробок у меня... уцелело. Одна из них имеет отношение к Чехову и чеховскому дому в Ялте. Я попытаюсь расшифровать сохранившиеся на этой коробке полустертые и короткие записи». Записи на папиросных коробках могут быть, естественно, только фрагментарными, к тому же еще и полустертыми.

Так определяется жанр суждений о Чехове: не статья, а отдельные афоризмы, воспоминания о чеховском доме в Ялте, о встречах с сестрой писателя — Марией Павловной.

Действительно, последующие страницы, посвященные Чехову, сводятся к чертам характера писателя и к некоторым темам его сочинений. Скромность всего писательского облика Чехова дает возможность Паустовскому обобщить: «Скромность — одна из величайших черт русского народа... В скромности — моральная сила и чистота народа, в бахвальстве — его ничтожность и недостаток ума». Эти обобщения — результат записи «на папиросной коробке» в виде одного слова: *скромность*. А вот совсем другая запись — воспоминание о беседе с Марией Павловной осенью 1950 года в ялтинском доме Чехова. Сестра писателя «заговорила о Левитане, рассказала, что была влюблена в него, и, рассказывая, покраснела от смущения, как девочка... Я сказал: — У каждого, должно быть, была своя „Дама с собачкой“. А если не было, то обязательно будет». И в этом случае движение от лаконичной записи к более широким обобщениям уже совсем иного плана.

Академической статьи о Чехове у Паустовского, действительно, не получилось. Но статья возникла особенная, характерная для всей «манеры» Паустовского. Полустертые записи на папиросной коробке дали возможность автору обрисовать портрет-любимого писателя двумя — тремя штрихами. И портрет получился яркий, запоминающийся, далекий от какого-либо шаблона.

Затем следует этюд об Александре Блоке. Зарисовки начинаются как будто бы не на тему: «Нет более трудной задачи, чем рассказать о запахе речной воды или о полевой тишине. И притом рассказать так, чтобы собеседник явственно услышал этот запах и почувствовал тишину». Вскорости, однако, выясняется, что «не на тему» оказывается именно на тему: так умел изображать природу Александр Блок. «Меня в Блоке привлекает и захватывает совершенно конкретная поэзия его зрелых стихов... Туманы символизма, нарочитые, лишённые живых образов, живой крови, бесплотные — это только затянувшееся гимназическое увлечение». Зрелый Блок иной, его поэзия неповторима в своей индивидуальности. «Еще в юности я понял смысл его величайших слов и поверил им: „Сотри случайные черты. И ты увидишь — жизнь прекрасна...“ [у А. Блока: „Сотри случайные черты. И ты увидишь — мир прекрасен“ (Возмездие)]. К. Паустовский и здесь находит ключевое слово, раскрывающее смысл поэзии Блока: его стихи исторически конкретны, они конкретны и по замыслу и по воплощению. Это ключевое слово *конкретный* неожиданно: исследователи обычно пишут об обобщенном характере замыслов поэта. Но обобщенность не мешает конкретности, и это улавли-

вает Паустовский. Портрет Блока, начатый как будто бы «не на тему», оказывается вполне «на тему», когда читатель заканчивает знакомство со страницами, посвященными поэту.

Столь же запоминающимся получился и образ Ги де Мопассана, обрисованный всего только на трех страницах. «У Мопассана была на Ривьере яхта „Милый друг“. На этой яхте он написал самую горькую и потрясающую свою вещь — „На воде“. Позднее мы узнаем, как трагически погиб писатель. „Когда Мопассан умер, матросы прислали в редакцию одной из парижских газет короткое и неумелое письмо, полное большого человеческого горя. Может быть, только двое этих простых людей и знали, вопреки общему предвзятому мнению о Мопассане, что у их хозяина было чуткое и стыдливое сердце“». Поверхностному читателю подобная характеристика Мопассана могла бы показаться неожиданной (*стыдливое сердце*). Но всеми последующими суждениями Паустовский показывает, что у автора «Жизни» и «На воде» действительно было стыдливое сердце. Здесь же опровергается мнение «салонного психолога Поля Бурже», который посмеялся над любовью молодой работницы одной из парижских фабрик к автору «Жизни». Мопассан с годами становился все более сильным и могучим бытописателем. Но страшная болезнь уже давно подтачивала его силы. Паустовский прямо не говорит об этой болезни. Он сообщает лишь о *соли*, которая накапливалась в его мозгу. К концу своей короткой жизни Мопассан собирался написать историю одной прекрасной любви. «И он написал бы... об этом со всей силой своего таланта и мастерства, если бы не соль. Она съедала его, несмотря на то что он выплевывал ее целыми горстями. Целыми большими горстями».

Читатель видит перед собой Мопассана, большого писателя, любившего все целомудренное, но порой вынужденного изображать жизнь в ее самых нецеломудренных и грубых проявлениях. Паустовский воссоздает Мопассана, вовсе не ставшего к концу своих дней сумасшедшим, как обычно утверждают все его биографы. Перед нами большой мастер, в голове которого с годами, увы, стала оседать соль. Поэтому ему и не удалось осуществить все свои замыслы. Слова-ключи (*стыдливое сердце, соль*) — прекрасные устремления и горькие разочарования — и создают образ французского прозаика.

Совсем иной тональностью окрашены страницы, посвященные Ивану Бунину. Здесь все начинается прямо с самого Бунина: «Еще в гимназии я начал зачитываться Буниным». Изложение подчиняется одной мысли — показать неповторимое языковое мастерство прозы Бунина. Напомнив о повести писателя «Жизнь Арсеньева», Паустовский подчеркивает, что ее невозможно рассказать

«обыденными; не бунинскими словами...». «Нельзя рассказать своими словами „Ненастный день потух“ Пушкина, „Над вечным покоем“ Левитана или „Воздушный корабль“ Лермонтова. Это так же бесполезно, как поверять сухой алгеброй гармонии Моцарта...». Все дело в том, что Бунин искал и находил внутренний ритм для каждого своего сочинения — большой повести и маленького рассказа. Вот этим поискам Бунина и посвящается весь набросок, относящийся к его творчеству. Стилистический прием здесь совсем иной, чем в предшествующих эпизодах. Портрет писателя как бы вырастает из самого анализа ритмической прозы Бунина, из «ее внутренней мелодии». Именно эта внутренняя мелодия бунинской прозы позволяла писателю в нужных местах сообщать о городе, который «*дико дымился алыми дымами*», или о юности, когда можно было «*любить любовь*» и все то, что она приносила молодому поколению.

Всего две страницы отводятся Максиму Горькому. В отличие от бунинских страниц здесь ничего не сообщается о творчестве и языке писателя. Очерк строится на воспоминаниях о двух встречах с Горьким. «При первом знакомстве меня прежде всего поразило в нем необыкновенное его внешнее изящество, несмотря на легкую сутулость и глуховатый говор». Затем Паустовский вспоминает со слов другого писателя, как во время сильного шторма в Крыму Горький любовался огромным тополем. «*Вся тяжелая и густая листва тополя дрожала и шумела от шторма. Все листья были напряженно вытянуты по ветру, запрокинувшись серебряной изнанкой. Тополь гудел, как исполинский орган*». На вопрос рассказчика, чем любовался Горький, последовал ответ — «какое могущество!». Больше почти ничего не узнает читатель о Горьком. Но изящество всего внешнего облика Горького и его умение любоваться могучими силами природы запомнятся надолго. Пусть же сам читатель соединит этот образ с многочисленными произведениями писателя, который сам любил *могучих* и вместе с тем *изящных* героев.

И вновь в другой тональности дан маленький очерк о Викторе Гюго. «Это был великий дирижер словесного оркестра, состоящего из одних духовых инструментов. Ликующая медь труб, грохот литавр, пронзительный и заунывный свист флейт, глухие крики гобоев. Таков был его музыкальный мир». В двух предложениях трудно точнее определить особенности стиля Виктора Гюго — поэта и прозаика. Стиль своих знаменитых поэтических сборников Гюго сохранил и в своих романах. При этом стилистические гиперболы французского писателя оцениваются отнюдь не в отрицательном плане. Хотя Гюго и «преувеличивал всё», но вместе с тем «музыка его книг была такой же могучей, как

гром океанских прибоев... Он был неистов в своем стремлении заразить все человечество своим гневом, восторгом и своей шумной любовью».

Мягкая стилистическая палитра Михаила Пришвина ничего общего не имеет со стилистическим неистовством Виктора Гюго. У Пришвина все очень просто и, казалось бы, обыденно. «Пришвин пишет о человеке, как бы чуть прищурившись от своей провинительности». Для таких мастеров, как Пришвин, для тех мастеров, что могут написать целую поэму о каждом слетающем с дерева осеннем листе, мало одной жизни». Пришвин любит полутона. «Чем это объяснить? Очевидно, тем, что природа восточной части Орловщины...— очень русская, очень простая и небогатая. И вот в этом ее свойстве, даже в некоторой ее суровости, и лежит разгадка писательской зоркости Пришвина... Простота говорит сердцу сильнее и больше, чем ослепительный блеск...». Характеристика стиля Пришвина здесь строится так: от неяркости красок природы к внешней «неброскости» его стиля при глубоком внутреннем богатстве этого же стиля. Чтобы создать «целую поэму о каждом слетающем с дерева осеннем листе», нужна гораздо более острая наблюдательность и гораздо большее словесное мастерство, чем при описании резких контрастов в природе или явно выраженных противоположных человеческих типов в обществе. Отсюда и полутона Пришвина.

В «Золотой розе» очерчены портреты еще трех писателей, которых знал и любил Паустовский — Юрия Олеши, Александра Грина и Эдуарда Багрицкого. Они даны так же лаконично, так же мастерски и так же стилистически неоднотонно, как и все предшествующие.

Обратим теперь внимание на некоторые общие суждения Паустовского, относящиеся к языку художественной литературы. Подобные суждения как бы разбросаны по всему тексту повести «Золотая роза». Выделим из них три. Они имеют прямое отношение к внутренней форме слова, к типам различных словарей и к процессу художественного творчества.

Писатель решительно выступает против злоупотребления местными словами (диалектизмами) в литературе. Бездумное включение местных слов в текст рассказа, повести или романа «обычно говорит о незрелости и недостаточной художественной грамотности писателя. Слова берутся без разбора, мало понятные, а то и вовсе непонятные широкому читателю, берутся больше из щегольства, чем из желания придать живописную силу своей вещи». Вместе с тем диалектизмы диалектизмам рознь. «Местное слово может обогатить язык, только если оно образно, благозвучно и понятно». Паустовский здесь же предлагает свой анализ

некоторых из таких слов — *окоём, Стожары, лъзя* в противовес к *нелъзя*, глагол *сентябриг*. В центральной России Стожарами называют созвездие Ориона, по созвучию название «вызывает представление о холодном небесном пожаре». Глагол *сентябриг* напоминает «о первых осенних холодах». Сюда же автор привлекает устаревшие и профессиональные слова, нередко весьма выразительные и нужные. «Для наших прадедов „мрачность“ означала черный туман, для нас она — наше душевное состояние».

Паустовский анализирует внутреннюю форму слова. Эта форма должна быть по возможности прозрачной, а само слово понятным многим читателям. Вместе с тем подобные слова обогащают литературный язык, расширяют его синонимические ресурсы. Паустовский призывает не только писателей, но и читателей активно относиться к родному языку. Пусть иногда отдельные этимологии автора лингвистически не безупречны, его общая позиция хорошо обоснована и убедительна.

Интересна вся глава под названием «Словари». Всем известно, что словари могут быть самыми различными. Паустовский предлагает расширить круг существующих лексиконов. «В одном словаре можно, предположим, собрать слова, имеющие отношение к природе, в другом — хорошие и меткие местные слова, в третьем — слова людей разных профессий, в четвертом — мусорные и мертвые слова, всю канцелярщину и пошлость, засоряющие русский язык. Этот последний словарь нужен для того, чтобы отучить людей от скудоумной и ломаной речи». Это весьма справедливая мысль. Тематические словари представляют особый интерес. Под такими словарями обычно разумеют главным образом технические справочники типа «Словаря электротехника» или «Словаря металлурга». Но не меньший интерес вызывают и словари совсем другого назначения и другого типа, как, например, названный писателем «Словарь природы» (слова, относящиеся к самым разнообразным явлениям природы).

Большое значение для общества и для культуры языка приобретают и различные «оценочные словари», словари нужных и ненужных слов, словари, помогающие воспитывать хороший лингвистический вкус, и словари, отучающие говорящих «от скудоумной и ломаной речи». Паустовский намечает целую программу лексикографических работ на будущее. И эта программа заслуживает внимания.

На протяжении многих столетий в науке идет спор о том, выражает ли язык по преимуществу мысли людей или он способен передавать не только их мысли, но и их чувства, их воображение. Сформировались даже своеобразные рационалисты и

сенсуалисты в лингвистике. В наше время подобный спор представляется схоластичным: естественный язык любого народа способен передавать и мысли и чувства этого народа. Паустовский проецирует старый спор в область художественного творчества. С большей убедительностью и, как всегда, по-своему, он приходит к бесспорному заключению: «Кто может провести резкую границу между воображением и мыслью? Ее нет, этой границы. Воображение создало закон притяжения, бином Ньютона, печальную повесть Тристана и Изольды, расщепление атома, здание Адмиралтейства в Ленинграде,.. „Марсельезу“, радио, электрический свет, принца Гамлета...».

«Золотая роза» — название символическое. Думается, что это символика не только жизни, не только труда и творчества, но и языка в его постоянных и глубоких, явных и скрытых контактах с самим человеком.

Р. А. БУДАГОВ

**ИЗУЧАЮТ
РУССКИЙ
ЯЗЫК**

СССР

В Московском университете открылись курсы преподавателей русского языка высших и средних учебных заведений США. Двадцать семь американских педагогов в течение 2,5 месяца будут углублять свои знания русского языка. В программе — лекции по советской литературе, искусству, обмен опытом с советскими коллегами.

«Советская Россия», 25 июня 1973

БОЛГАРИЯ

Давно завоевал широкую популярность русский язык в Болгарии. Уже в 1955 году в стране функционировало 2 400 курсов для взрослых, а к 1959 году на курсах, в вечерних школах и кружках русского языка прошли обучение свыше 350 тысяч человек.

«Львовская правда», 10 апреля 1973

ИМЕНА ПЕРСОНАЖЕЙ ПОЭМЫ С. ЕСЕНИНА «АННА СНЕГИНА»

«В художественном произведении нет незнакомых имен. Все имена говорят. Каждое имя, названное в произведении, есть уже обозначение, играющее всеми красками, на которые только оно способно. Оно с максимальной силой развивает оттенки, мимо которых мы проходим в жизни» (Ю. Н. Тынянов. Литературный факт.— «Архаисты и поваторы». Л., 1929). «Говорят» и те имена, которые имеют прозрачную этимологию, и те, у которых ее трудно прояснить, и так называемые «безымянные» наименования лиц, которые авторы используют в своих произведениях. Нередко имя становится заглавием.

В декабре 1924 года Сергей Есенин писал своему другу и издателю П. И. Чагину: «Теперь сижу в Батуме. Работаю и скоро пришлю Вам поэму, по-моему, лучше всего, что я написал». Есенин говорил об «Анне Снегиной». Фамилия *Снегина* — одна из лучших поэтических метафор Есенина, вызывающая у читателя, даже незнакомого с содержанием поэмы, представление о благородной и целомудренной женщине. Такое первоначальное представление о героине поддерживается и своеобразным композиционным приемом: еще до появления Анны в поэме, до упоминания ее имени

появляется образ девушки «в белой нарядке». [Цитируется по изданию: Сергей Есенин. Собрание сочинений в пяти томах. М., 1961—1962.]

Когда-то у той вон калитки
Мне было шестнадцать лет,
И девушка в белой нарядке
Сказала мне ласково: «Нет!».

Ассоциации, вызываемые фамилией героини, неразрывны с миром природы, что является одной из характернейших черт поэтики Есенина. Вспомним слова русских песен: «Снеги белые, пушистые», «Не белы́ снеги во чистом поле, снеги забелелись, забелелись моего дружка каменны палаты», «Что без крылья — бѣлы снеги», «Как на тоненький ледок выпал беленький снежок»; народные загадки о снеге: «Не болела, а белый саван надела», «Скатерть бѣла, весь мир одела». *Белый снег* — поэтический символ чистоты в народной поэзии. С ним часто связаны мотивы грустной и печальной любви. Здесь образы девушки «белолицей да бело-снежной», снегурки (снегурочки) лирических песен и сказок (последний встречается и у Есенина в стихотворении «Цветы на подоконнике»: «Вот почему Снегурочка всегда мечта»). Заметим, что существительное *снег* в фольклоре сопровождается постоянным эпитетом *белый*. В поэме Есенина только один раз упоминает слово *снег* (в речи самой же Анны): «Заря как пожар на снегу», хотя среди названий явлений природы в поэзии Есенина слова *снег* и *заря* очень часты. Но зато поэт на протяжении всего произведения настойчиво употребляет эпитет *белый*. Да и само сочетание *Анна Снегина*, помимо заглавия, в тексте поэмы больше не встречается. Фамилия *Снегина* в дальнейшем повествовании называется только в связи со старой помещицей Снегиной или с домом Снегиных. В лирическом же плане эпитет *белый* как бы заменяет собой фамилию и, ставши поэтическим символом, появляется там, где автор говорит об Анне, не упоминая ее имени.

Мой мельник с ума, знать, спятил.
Поехал,
Кого-то привез..
Я видел лишь белое платье
Да чей-то привздернутый нос.

Откуда же непосредственно взята поэтом фамилия *Снегина*? По этому поводу существуют лишь предположения исследователей. У самого Есенина в критических заметках, переписке или черновиках нет прямого ответа либо косвенного указания на него.

Поэт Василий Федоров в книге «Наше время такое...» (М., 1973), говоря, что это имя «удивительно пластическое, особенно для

поэмы», предлагает свою версию «рождения» этого имени: «Как-то давно, перелистывая тонкие журналы времен первой мировой войны, а их было тогда много, я натолкнулся на „Голос жизни“ за 1915 год со стихами Есенина. В том же номере был напечатан легонький рассказец за подписью „О. Снегина“. Есенин, конечно, не мог не видеть эту подпись в соседстве со своим именем, и когда через десять лет задумал поэму, вспомнил о ней, изменив имя на Анну Снегину».

В воспоминаниях Александра и Инги Ломан («Нева», 1970, № 10) есть довольно любопытные малоизвестные подробности о той О. Снегиной, которая упоминается в книге Василия Федорова. Трудно поверить в то, что, однажды увидев фамилию, через восемь лет Есенин вспомнил о ней и назвал так героиню своего произведения. О. Снегина в свое время довольно известное литературное имя, но, думается, не это главное, что заставило Есенина «вспомнить» его. С Ольгой Павловной Сно, печатавшейся под псевдонимами *О. П. Снегина*, *Ольга Снегина*, *О. Снегина*, *Снежинка* и другими (перевод английской фамилии мужа Snow — ‘снег’), Есенин был хорошо знаком. Их объединяло сочувствие к судьбам русского крестьянства в России. Ольга Снегина является автором ряда произведений (повестей, рассказов, путевых очерков), посвященных крестьянству, в котором она видела будущее России. Реальнее всего предположить, что именно этот факт духовной близости двух литераторов, стал основной причиной решения Есенина таким именем назвать свою героиню. В этом убеждает и другое. Есенин познакомился с Ольгой Снегиной в 1915 году, поддерживал с ней связи и позже, а поскольку в «Анне Снегиной» речь идет именно об этих предреволюционных и революционных годах, Есенин вспомнил (уже без кавычек) Ольгу Павловну Снегину, человека и писательницу, горячо сочувствующую всему тому, что переживало в то время русское крестьянство.

Общеизвестна другая точка зрения, что прообразом Анны Снегиной была помещица Кашина, с которой Есенин был знаком еще до отъезда в Москву. Это была «молодая, интересная и образованная женщина, владеющая более чем десятью иностранными языками... Сергей бывал в барском доме: он дружил с Л. И. Кашиной» (А. Есенина. Родное и близкое. М., 1968).

Очевидно, и Л. И. Кашина, и О. П. Снегина, и связанные с ними воспоминания определили мироассоциации Есенина, присутствующие в творческой лаборатории поэта при «рождении» образа и его имени.

Имя *Анна* в русской литературе освящено классической традицией (в заглавиях произведений: «Анна Каренина» Л. Толстого, «Анна на шее» А. Чехова, «Анна Михайловна» В. Крестовского).

Анна означает 'грация, милость'. И, действительно, героиня поэмы мила, стройна и грациозна.

Я слушал ее и невольно
Оглядывал стройный лик.

Потом, оглядев меня нежно
И лебедя выгнув рукой,
Сказала как будто небрежно:
«Ну, ладно...
Пора на покой...».

Есенин избегает использования разговорных вариантов этого имени, боясь разрушить единство идейно-художественного замысла образа, и всегда называет свою героиню только Анной. Это сочетание *Анна Снегина* поистине музыкально: открытый гласный *а*, гласный *э*, четыре сонорных *н*. Есенин любил яркие и выразительные слова, создающие поэтический звуковой образ. Красиво и его собственное имя — *Сергей Есенин*, именно так он подписывал большинство произведений. В литературной практике часты повторения литературных имен и их созвучия. Останавливает наше внимание и близость звукового облика названий двух поэм Есенина и Пушкина — «Анна Снегина» и «Евгений Онегин», — ведь Есенина, по его собственным словам, в этот период жизни «тянет все больше к Пушкину» (О себе. 1925).

«Анна Снегина» написана в форме воспоминаний о мировой войне, о революционных событиях 1917 года и о первых годах Советской власти в деревне, о юности и первой любви поэта. Произведение во многом автобиографично, и естественно, что лирическому герою — поэту Есенин дает свое собственное имя (*Сергей* — в речи Анны, ласкательное *Сергуня, Сергунь, Сергуша, Сергуха* — в речи мельника).

Другой герой поэмы *Прон Оглоблин* — коренной житель бедной деревни Криуши. Прототипом этого образа был большевик Петр Мочалин, рабочий Коломенского завода, возглавлявший революционные события в 1917 году в родном селе Есенина — Константинове (подробнее об этом см.: Е. Есенина. — «Литературная Россия», 1965, № 38). Своего героя поэт наделил «крестьянской» фамилией (произошла, вероятно, от слова-прозвища *оглобля*, которое до XX века было диалектным, служило основой для многих народных пословиц и поговорок). Фамилия свидетельствует не только о социальной принадлежности героя. Есенин как бы подчеркивает активную, главенствующую роль крестьянского вожака в революционных событиях на селе.

Имя *Прон* также имело большое распространение в деревне по сравнению с «городским» Петр. Существует предположение, что

эта форма имени вообще диалектная, широко бытовавшая на Рязанщине, хотя ее и приводит Н. А. Петровский в своем «Словаре русских личных имен» как уменьшительную форму. В Рязанской области встречается несколько топонимов с основой *Прон-*: река Проня, город Пронск, село Пронино. Кстати, в письме к Сергею мельник называет Оглоблина ласкательно Проня. Помимо того, что это имя социально определяет героя, оно звучно и кратко, что является большим преимуществом в поэтической речи. Этимология имени стерта, хотя Есенину она, вероятно, была известна и, может быть, дала толчок для его выбора (*Прон* — уменьшительная бытовая форма от канонических имен: *Прокопий* — от греческого *prokopos* ‘вынутый из ножен, обнаженный; схвативший меч за рукоятку’ и *Прохор* — от греческого *prochozeio* ‘плясать впереди, вести’).

Отрицательному персонажу Есенин дает неблагозвучное имя *Лабутя*. Вспомним, что традиционному употреблению «говорящих» имен в русской комедии были свойственны прямолинейные характеристики (Скотинин, Простаков, Милон, Правдин, Стародум).

У Есенина имена не называют черт характера, а только намекают на них, вызывая определенные ассоциации. «Характеристика именем» не навязчива, так как поэтом взято диалектное слово. *Лабутя* — ‘неуклюжий и бестолковый человек; разиня, ротозей, рохля; клуша, кувалда’ — так раскрывается значение этого слова в Словаре В. И. Даля. Естественно, что сельским жителям многих областей России это слово знакомо. Читатель, даже не знающий диалектов, несомненно чувствует его отрицательную окраску. Она создается фонетико-словообразовательным комплексом слова: уничижительный диалектный суффикс *-утя* (*-ута*) и поддерживается интонационными особенностями речи Лабути: тянущиеся, гнусавые интонации, рифмы (*пьяным — Ляоляном, пьян — Ляолян* и др.).

В поэме встречаем два «говорящих» топонима; *Криуши* является названием-характеристикой бедной, «обнищалою» деревни; название села *Радово* вызывает представление о зажиточной и счастливой жизни ее обитателей.

Село, значит, наше — Радово,
Дворов, почитай, два ста.
Тому, кто его оглядывал,
Приятственны наши места.

Мы в важные очень не лезем,
Но все же нам счастье дано.
Дворы у нас крыты железом,
У каждого сад и гумно...

С соседней деревни Криуши
Косились на нас мужики.
Житье у них было плохое,
Почти вся деревня вскачъ
Пахала одной сохою
На паре заезженных кляч.

Такое семантическое противопоставление топонимов ведет свое начало из классической сатиры (у Салтыкова-Щедрина города *Глухов* и *Умнов*, у Некрасова *Заплатово*, *Дырявино*, *Разутово*, *Знобишино* и село *Избыtkово*, *Непогрошенная волость*).

Неслучайны в поэме и «безымянные» персонажи. Это своеобразный художественный прием, также имеющий длительную литературную традицию. Так авторы называли порой типичных представителей определенного класса, возраста, пола, профессии и т. п. Есенин подчеркнул обобщенность своих героев именами: *мельник*, *возница*, *старуха* — и вместе с тем дал глубоко индивидуализированные образы. Возница, мельник и старуха-мельничиха — представители зажиточного крестьянства, по-своему противостоявшие революционному движению. Образ старого мельника вызывает участие. Он, хотя и верен патриархальным взглядам, но внимательно и сочувственно относится к людям: судьба семьи Снегиных и Оглоблина его одинаково волнует.

Образ старухи нарисован совершенно другими красками. Она, как и возница, открыто выражает свое враждебное отношение к Советской власти, но в то же время видит, что Прон не одинок. «Таких теперь тысячи стало», — говорит мельничиха осуждающе.

В поэме есть имена реальных лиц: *Ленин* и *Керенский*. Кратко, но емко поэт охарактеризовал февральскую революцию 1917 года, создав яркий сатирический образ временного правителя России:

Свобода взметнулась неистово.
И в розово-смердном огне
Тогда над странюю калифствовал
Керенский на белом коне.

Буржуазная революция не принесла народу ожидаемой свободы, не сбылись его исконные чаяния и надежды, и потому именно в *розово-смердном огне* приходит Керенский к власти. В сложном образе сталкиваются два противоположных начала (переносные значения цветowego прилагательного *розовый* 'сулящий радость, счастье' и *смердный* 'внушающий отвращение, омерзение'). От фразеологизма *калиф на час* (человек, пользующийся властью очень короткое время) поэт образует экспрессивный, полный глубокого идейного содержания глагол *калифствовал*. Традиционно-поэтическое выражение *на белом коне (победителя)* завершает об-

личительный пафос образа балаганного калифа. Одним четверостишием Есенин выносит приговор и Керенскому и буржуазной революции.

Образ вождя Революции появляется в поэме дважды. Первый раз, когда земляки-крестьяне спрашивают поэта о Ленине.

Но помню
Под звон головы:
«Скажи,
Кто такое Ленин?»
Я тихо ответил:
«Он — вы».

Два коротких слова, два местоимения вместили большой смысл — бессмертия Ленина, о единстве вождя и народа. Некоторые исследователи уже обращали внимание на грамматический сдвиг в вопросе «кто такое Ленин?» вместо «кто такой Ленин?». Поэт, используя местоимение в среднем роде, показывает нам, что крестьяне, не зная биографии и жизни Ленина, слышали, что этот неизвестный им человек заслуживает большого уважения и внимания.

Второе упоминание о Ленине поэт вкладывает в уста Прона Оглоблина:

Дружище!
С великим счастьем!
Настал ожидаемый час!
Приветствую с новой властью!
Теперь мы всех р-раз и квас!
Без всякого выкупа с лета
Мы пашни берем и леса.
В России теперь Советы
И Ленин — старшой комиссар.

Восторженный монолог Оглоблина представляет собой как бы заключительную патетическую часть центральной линии поэмы, связанной с решением «крестьянского» вопроса в России, который постоянно и глубоко волновал Сергея Есенина.

М. ОРЕШКИНА

● ДОТЛА

О значении слова *дотла* спрашивает Г. М. Дехтерев из Омутинска Кировской области.

Наречие *дотла* образовано путем слияния предлога *до* с формой родительного падежа единственного числа существительного *тло*. В древнерусском языке слово *тло* означало 'почва, основание, дно'. Первоначально *до тла* воспринималось как сочетание предлога с именем существительным, употребленное в наречном значении, и писалось раздельно, как, например, такие выражения: до зарезу, до упаду, до отвала, до отказа. Раздельное написание *до тла* представлено в «Словаре церковнославянского и русского языка» 1847 года. Позднее с переходом предложно-именного сочетания в наречие изменяется и его написание. «Подробный орфографический словарь» В. Зелинского (1909) рекомендует дефисное написание: *до-тла*. К настоящему времени процесс превращения этого выражения в наречие закончен, и, по современным орфографическим правилам, оно пишется слитно — *дотла*.

Переходу *до тла* в наречие содействовало исчезновение из языка существительного *тло*. В современном русском языке утрачены все падежные формы слова *тло*, кроме родительного падежа единственного числа. Эта форма *-тла* и входит в состав наречия. Но значение существительного *тло* осталось не только в наречии, но и в других родственных словах: потолок, притолока, утлый.

Дотла в современном употреблении значит 'до основания, полностью, без остатка': «Помещичий двор дымился. Дом был сожжен почти дотла» (Казакевич. Весна на Одере); «Он все выполнял безвозмездно и с неизменным благодушием, понимая свое предназначение, но потом стал заметно печалиться, с тела спадать, так как уже прожил дотла» (Леонов. Русский лес).

Ф. Д. ПЕРЕВОЗЧИКОВА

Анна Николаевна Королькова — замечательная воронежская сказочница и песельница — родилась в 1891 году, в селе Средняя Тойда Анненского района Воронежской области.

Любовь к народным сказкам, песням, пословицам и поговоркам, свой творческий дар унаследовала она от деда и матери. Среди своих земляков А. Н. Королькова пользуется уважением и славой сказочницы и исполнительницы плясовых, свадебных, застольных и величальных песен.

Советский фольклорист Эрна Васильевна Померанцева, автор многих работ о сказках и песнях Корольковой, знакомит нас в данной статье с одной из интересных сторон творчества Корольковой — пословицами и поговорками.

ПОСЛОВИЦЫ И ЗАГАДКИ

Советская фольклористика может похвалиться многочисленными собраниями сказок, былин, песен, записанных от одного сказочника или певца, мастера данного жанра. Публикации таких записей оказали большое влияние на международную науку, за рубежом они считаются наиболее характерными для «русской школы» в фольклористике.

Что касается так называемых малых жанров — пословиц и загадок, то они, в силу особенностей своего бытования, обычно записываются либо от группы исполнителей, либо постепенно, в ходе длительного общения с тем или иным «носителем» фольклора.

В 30-х годах изучением индивидуального репертуара пословиц с увлечением занималась М. А. Рыбникова. В последующие десятилетия, несмотря на пристальное изучение идейного содержания пословиц, жанровой специфики их, художественной ценности, структуры, изобразительных средств, вопрос о характере, объеме, значимости репертуара отдельных знатоков этого жанра в науке почти не поднимался.

А. Н. КОРОЛЬКОВОЙ

Мое внимание к индивидуальному репертуару пословиц вызвано длительным общением с Анной Николаевной Корольковой. Сказки ее в течение последних тридцати лет неоднократно издавались в Воронеже и Москве. Однако сказками и песнями не исчерпывается поистине уникальный репертуар Корольковой. Знает она и множество замысловатых загадок, которыми любит развлекать слушателей, постоянно пересыпая свою речь бесчисленными поговорками, пословицами.

Со слов Анны Николаевны записано около пятисот пословиц и свыше ста загадок. Знает она и тех и других несомненно больше. Среди пословиц, «живущих на языке» у Корольковой, есть общеизвестные и редкие, старые и новые, бытующие в народе и сложенные ею самой. Общерусские широко известные пословицы употребляются Корольковой в местных вариантах. Тематика их широка и многообразна.

Тяжелый жизненный опыт, грустные размышления о женской доле в дореволюционной России звучат в редкой пословице «Бабий

Обед в поле. Музей народного искусства научно-исследовательского института художественной промышленности

Пряха. Загорский Музей игрушки

век как день без солнца». Философское раздумье — в часто повторяемых Корольковой известных пословицах «Век прожить — не поле перейти» и «Дума за горами, а смерть за плечами». Однако понимая, что «печаль точит человека, как моль одёжу», Анна Николаевна ободряет окружающих: «Двум смертям не бывать, а одной не миновать», «Слезами горю не поможешь», «Будет и на нашей улице праздник».

Королькова ценит в пословицах их остроумие и образность: «Песни и пословицы — в делах помощницы», «На каждую честь пословица есть», «Одна речь не пословица». Вместе с тем она осуждает болтливость и пустословие: «Не спеши языком, а спеши делом», «Мели, Емеля, твоя неделя», «Попусту говорить, что воду варить», «Пустая посуда звонко звенит», «Язык без костей, что хочет, то лопочет», «Брехать не пахать, брехпуд да отдохнул», «На тебе грош, что хорошо врешь, ври да к завтраму побереги».

В речи Корольковой, познавшей всю тяжесть жизни дореволюционной деревни, много пословиц и поговорок с ярко выраженной социальной направленностью, противопоставляющих, например, бедность богатству: «Богачи пируют, бедняки горюют», «Богатому ум не нужен!», «Есть хлеб — едим, а нет — на богатого глядим», «Барин нажи-

вал не своим трудом, а крестьянским горбом», «На богатом тулуп строченый, а на бедном халат плоченый». В таких пословицах звучит то тонкая аллегория: «Бедняк наживает кнут, а потом и хомут», то невеселая ирония: «У бедного мужика в одном кармане смеркается, а в другом заря занимается».

В пословицах Корольковой сформулированы основы народной житейской мудрости, философии, этики, морали. В них прославляется труд и осуждается лень: «Каждая птичка своим носом кормится», «Без труда не вынешь рыбки из пруда», «Что ручки приспеют, то будешь носить», «От своих рук убытка не будет». Любуясь мастерством, хваткой, ловкостью русского человека, сказочница замечает: «Всякий скачет да пляшет, но не как скоморох» или «Не гляди, что отрепаны рукава, а гляди, ухватка какова». Она осуждает лень: «У людей шило бреет, а у нас и нож неймет», «За дело не мы, за работу не мы, а поест да поспать—это мы», «Ленивый не будет ретивый», «Хорошая лень пролежит весь день», «Один дело пытается, другой от дела летает». С неподдельным юмором Королькова рассказывает миниатюрные притчи: «— Лень, отвори дверь.— Дайте кочергу, я сам отворю» или: «— Лень, отвори дверь, а то сгоришь.— Сгору,

Многодетная мать. Государственный Русский музей

Емеля на печи. Государственный Русский музей

но не отворю»; «— Лень, что лежишь? — С голоду поми-
раю.— На сухарик.— Он моченый? — Нет.— То и не надо»;
«— Ленцо, на яйцо.— Оно лупленое? — Нет.— Ну и не надо». Посло-
вицы Анны Николаевны учат и воспитывают. В назидание молоде-
жи Королькова часто приводит короткий юмористический расска-
зик, считая его пословицей: «Два лентяя лежат под яблонькой.
Один говорит: „Хорошее яблоко, кабы оно упало да мне бы в рот
попало“. А другой говорит: „Как тебе хочется эти речи говорить,—
как будто оно жеваное“».

Так же, как и в бытовых сказках, в пословицах Корольковой
высмеивается и осуждается глупость, ценится ум и находчивость:
«На лицо, как яйцо, да в голове болтень», «Своего ума нету, у со-
седа не займешь», «Если в голове ума нет, то и за шкуру не
пришьешь». «Есть пословица такая „Дурак подумает, а умный уже
знает“»,— говорит сказочница. Многие высказывания Анны Нико-
лаевны (которой пришлось учиться только одну зиму) утверждают
ценность знания, необходимость учения: «За одного ученого десять
неученых дают, да их не берут», «Знайка по дорожке бежит, а не-
знайка на печи лежит».

Неслучайно в памяти Корольковой, матери семерых детей,
сохранилось много пословиц о семье, взаимоотношениях стариков
и молодых: «Дом невелик, а стоять не велит», «Если ты отец, то не
будь свекром», «Кто детей боится, тому не надо жениться», «Пер-
вые дети — ягодки», «Дети не плачут — мать не разумеет», «Дитя
надо учить, когда поперек лавки лежит», «Зять любит взять», «Нет
такого дружка, как родимая матушка», «Есть в доме старый, его бы
убил, а нет — то бы купил», «Старики к молодым за умом не хо-
дят». Все чаще в последние годы повторяет она поэтическую по-
словицу «Молодость ушла — не спросилась, а старость пришла — не
сказалась».

Звучат в пословицах и излюбленные темы сказок Корольковой,
они говорят о правде, добре, дружбе, осуждают зло и ложь: «Правда
переживет кривду», «Где лад, тут и клад», «Ешь сухари, а правду
говори», «Зло посеешь, зло и пожнешь», «У соседа под лесом ви-
дишь, а у себя под носом не видать».

В богатейшем пословичном репертуаре песельницы много рас-
пространенных, широко известных пословиц, но не мало и редких:
«Анис, иди на низ, а я Фока пока с бока», «Жениться не напасть,
как бы женатому не пропасть», «Люди дорогой, а черт стороной»,
«Осенью молоко хлебают шилом», «Чужая шуба не одёжа, на чужо-
го мужа не надёжа», «Бессовестным глазам не первый базар, а де-
сятая ярмарка». Есть среди них и явно местные: «Обстругивают в
Воронеже, обтесывают в Москве».

Интересны пословицы, родившиеся как бы в споре с прежними, отвергающие отжившие положения. Так в противовес традиционной «Бабыя дорога от печи до порога» появляется пословица «С печи до порога большая дорога».

Часто общеизвестные традиционные пословицы Королькова употребляет в исключительно удачных вариантах: «На волка помолвка, а капусту зайчик съел», «Близок локоток, да язык короток». Общеизвестное назидание «Век живи, век учишь» получает новое, освеженное звучание, благодаря прибавленным к нему словам «поешь – утрись»: «Век живи, век учишь, поешь – утрись».

В сказках Корольковой пословицы либо формулируют исходное положение, либо раскрывают характер героев, либо, и это чаще всего, выражают мораль сказки, конечный вывод из рассказанного.

Много хранит Королькова в своей памяти и загадок, особенно о природе: «Плывет Лутоня, не горит, не тонет» (лед), «Стоит над водой, трясет бородой» (камыш), «Висит сито, не руками свито» (паутина), «Разноцветное коромысло над селом повисло» (радуга), «Черненький-маленький сквозь землю прошел, желту шапочку напел» и «Черная макушка, желтая опушка» (подсолнух), «Загадаю загадку, закину за грядку. Моя загадка будет год годовать» (рожь). К числу общеизвестных принадлежат ее загадки об огне, орехе, луне, арбузе, моркови, о животных и птицах, о домашней утвари и орудиях труда. Очень хороша загадка о гвозде: «Егорку бьют по головке, он не плачет, только носик прячет». Иногда разгадка, предлагаемая Корольковой, отличается от обычной. Так, известную загадку о горшке: «Молод был – семью кормил, стал стар – пеленаться стал, умер – выкинут в поле, птицы не клюют и звери не едят» – она упорно считает загадкой о снопе.

Есть в ее репертуаре и новые загадки: о машине, о тракторе, о швейной машинке, о письме, о географической карте. Иногда один и тот же текст, например: «Если середочка полна, то и краюшки играют» – употребляется ею как пословица и как загадка.

Пословицы и загадки выразительно, яркими штрихами дополняют творческий портрет Корольковой, замечательного мастера устного слова, знатока и талантливого хранителя огромного богатства произведений народного поэтического творчества.

Э. ПОМЕРАНЦЕВА

ЗВУК И СЛОВО В ПОЭЗИИ

Высокохудожественные произведения всегда заключают в себе гармонию образной и звуковой стороны слова. Искусная фонетическая организация речи (фоника) усиливает выразительность образных средств языка, создает особую ясность и убедительность звукового выражения мысли.

Фоника поэтической речи строится по своим особым эстетическим законам. Важнейший из них — звуковая инструментовка, которая состоит в подборе слов близкого звучания. Например, у Пушкина:

Пирует Петр. И горд, и ясен,
И славы полон взор его.
И царский пир его прекрасен.

Полтава

В богатстве звуковых повторов гласных *о*, *а* и согласных *п*, *р*, *т* отражается широта размаха воспеваемого победного торжества. Поэт настойчиво подчеркивает основные слова — *пирует Петр*.

В зависимости от качества повторяющихся звуков различают два типа звуковой инструментовки: аллитерацию и ассонанс.

А л л и т е р а ц и е й называется повторение согласных:

Настанет ночь; луна обходит
Дозором дальний свод небес,
И соловей во мгле деревьев
Напевы звучные заводит.

П у ш к и н. Цыганы

Богатство звуковой инструментовки в этих стихах создают аллитерации на *н*, *д*, *с*, *в*. С наибольшей определенностью наш слух улавливает повторение согласных,

стоящих в предударном положении и в абсолютном начале слова. При этом учитывается повторение не только одинаковых согласных, но и сходных по какому-либо признаку (по месту образования, участием голоса и т. д.). Возможна аллитерация на *д-т*, *з-с* и другие, а также на губные, сонорные и подобные. У Есенина аллитерация на *р* и на *з-с* в четверостишии:

Гой ты, Русь, моя родная,
Хаты -- в ризах образа...
Не видать конца и края —
Только синь сосет глаза.
Гой ты, Русь, моя родная...

У Маяковского аллитерация на губные:

Надеюсь,
Верую: веки не придет
ко мне
 позорное благоразумие.
 Про это

Ассонансом называется повторение гласных. «Пора, пора! рога трубят...» — у Пушкина в «Графе Нулине». В основе ассонанса — только ударные звуки, так как в безударном положении гласные часто значительно изменяются. В отрывке из «Полтавы» Пушкина ассонансы на *а* и на *о* создают лишь выделенные в тексте гласные:

Тиха украинская ночь.
Прозрачно небо. Звезды блещут.
Своей дремоты превозмочь
Не хочет воздух.

И хотя во многих безударных слогах повторяются варианты этих фонем, переданные буквами *о*, *а*, их звучание не определяет характера ассонанса. Только в тех случаях, когда безударные гласные не подвергаются изменениям, они могут усиливать ассонанс. В известной строфе первой песни «Полтавы», начинающейся словами «Была та смутная пора», звуковую окраску речи создает ассонанс на *у*; причем, так как качество этого звука не меняется, и в безударном положении *у* подчеркивает фонетическое сходство выделяемых слов:

Но в искушеньях долгой кары,
Перетерпев судеб удары,
Окрепла Русь. Так тяжкий млат,
Дробя стекло, кует булат.

В последних двух строчках инструментовка обогащается ассонансом на *а*. Сочетание различных видов звуковой инструментовки в одном и том же тексте встречается очень часто. Это можно наблюдать в стихотворении Пастернака «Зимняя ночь»:

Мело, мело по всей земле
Во все пределы,
Свеча горела на столе,
Свеча горела.

Здесь и ассонанс на *е*, и аллитерации на *м*, *л*, *с*, *в*; первые две строчки инструментованы на губные; в звуковой переключке участвуют сочетания согласных *мл*, *вс-св*. Такое богатство музыкальных созвучий создает особую красоту фонетического рисунка поэтических строк.

В русской системе стихосложения звуковая инструментовка не представляет собой канонизированного приема, как, например, в финском, эстонском и некоторых других языках, для которых аллитерации в стихе обязательны. Однако стремление поэта придать звуковому строю произведения особую музыкальность и яркость часто обращает его к этому стилистическому приему.

Поэт воспринимает мир полным красок и звуков и каждому образу стремится дать особый голос, особое музыкальное выражение. Эту особенность поэтического видения питает сама жизнь: многие явления и предметы в природе имеют свое особенное звучание. И хотя звуки человеческой речи не могут быть совершенно тождественны реальным голосам природы, с их нерасчлененным, слитным звучанием, язык выработал свои средства для передачи этих слуховых впечатлений, а в фоники художественной речи для этого есть особый стилистический прием — *з в у к о п о д р а ж а н и е* (употребление таких слов, которые своим звучанием напоминают слуховые впечатления от изображаемого явления).

Партер и кресла — все кипит;
В райке нетерпеливо плещут,
И, взвившись, занавес шумит.

Евгений Онегин

В этих пушкинских стихах сгущение звуковых повторов в первых двух строчках передает нарастающий шум в театре перед началом представления; в последней же строке аллитерация на длительные согласные, среди которых преобладают пшипящие и свистящие, создает звуковое подобие шума поднимающегося занавеса.

В языке есть слова (ономатопеи), которые своим фонетическим строем выражают характер звукового действия. Одни из них передают звучания человеческого голоса (ахать, хихикать); другие — звуки, издаваемые животными (гавкать, каркать), иные же являются имитацией «голосов» неживой природы (дребезжать, скрипеть, трахнуть).

В художественной речи звуковая выразительность ономатопей усиливается их фонетическим окружением — обычно аллитерациями. Языковое чутье подсказывает поэту звуковое сближение слов,

выразительно передающих характер воспроизводимого звучания. Так, у А. Блока: «И хруст песка, и храп коня»; у А. Белого: «Ему отвечает лишь хруст хвороста да бульканье по болоту»; у И. Северянина: «Морозом выпитые лужи Хрустят и хрупки, как хрусталь».

Помимо ономотопей, язык располагает большим количеством слов, которые очень выразительны по своему звучанию. Движения стремительные, динамические часто рисуются словами, произношение которых требует известной энергии. Такова звуковая организация строк Багрицкого:

Так бей же по жилам,
Кидайся в края,
Бездомная молодость,
Ярость моя!
Контрабандисты

Напротив, покоем и негой веет от есенинских строк, в основе звукописи которых ласковые, нежные слова:

Руки милой — пара лебедей —
В золоте волос моих ныряют.
Все на этом свете из людей
Песнь любви поют и повторяют.
Руки милой — пара лебедей...

Близка к звукоподражанию и такая фонетическая организация речи, при которой изобразительную функцию получает само движение артикуляционных органов: губ, зубов и т. д. Поэт может подобрать слова таким образом, что само их произношение отразит описываемое явление. Так, в словах из стихотворения Есенина «Мой путь»:

Какой-то ток
Невыразимой дрожи
Я чувствую во всю спину.

— вибрирующий характер *p*, повторенного в словах *невыразимой дрожи*, передает эту дрожь, а созвучие мгновенных согласных *к-к-то-то-к* напоминает вздрагивание. Звукоподражание может подниматься у больших художников до истинного искусства. Однако все многообразие проявлений жизни не может быть ограничено лишь звуковыми ассоциациями.

Подлинное мастерство поэтов, в совершенстве овладевших фонетической организацией речевого материала, проявляется в использовании ими ярких приемов звукописи. Звук о п и с ь ю называется особый подбор слов, которые своим звучанием способствуют образной передаче описываемого и усиливают тем самым выразительность художественной речи. В балладе Жуковского «Людмила» описание страшной ночи изобилует шипящими и свистящими звуками, передающими таинственность ночных шумов:

Чу!.. полночный час звучит...

... «Ночь давно ли наступила?
Полночь только что пробилла.
Слышишь? Колокол гудит». «Ветер стихнул; бор молчит...».

Повторение в балладе глухих длительных *ж*, *с*, а также шипящих словно доносит до нашего слуха бесплотные шаги призраков:

Слышат шорох тихих теней;
В час полуночных видений...

Звукопись разнообразна. Она опирается на всевозможные типы звуковой инструментовки: скопление в тексте коротких илль, напротив, длинных слов, стечение согласных и гласных и намеренное сокращение или даже полное исключение из речи каких-то звуков. В свое время в критической литературе высокую оценку получил звуковой строй отрывка из басни Крылова:

Со всех лягушки ног
В испуге пометались,
Кто как успел, куда кто мог.
Лягушки, просящие царя

«В последнем стихе...» — писал Жуковский в статье «О басне и баснях Крылова», — красота состоит в искусном соединении односложных слов, которые своею гармониею представляют скачки и прыганье». Сам Жуковский в одной из своих баллад достиг звуковой выразительности фразы употреблением длинного многосложного слова:

Но в железной броне он сидит на коне;
Наточил он свой меч боевой;
И покрыт он щитом; и топор за седлом
Укреплен двадцатифунтовой.

Иванов вечер

Последнее слово, соответствующее по своему положению в строке нескольким словам в предыдущем тексте, передает впечатление тяжести.

Стремление поэта к желаемой звуковой окраске речи может привести к исключению из текста тех звуков, которые могли бы разрушить задуманный художественный образ. Пушкин, описывая легкость балерины, заметно ограничивает звук *р*:

Блистательна, полувоздушна,
Смычку волшебному послушна,
Толпою нимф окружена,
Стоит Истомина; она,
Одной ногой касаясь пола,

Другую медленно кружит,
И вдруг прыжок, и вдруг летит,
Летит, как пух от уст Эола.

Евгений Онегин

Звуковая организация этих строк объясняется тем, что в русской фонике согласный *р* обычно воспринимается как резкий, грубый звук, и поэтому в определенных случаях его употребление нежелательно. С другой стороны, аллитерация на *р* в сочетании с другими экспрессивными средствами речи часто используется для создания ярких, динамических картин. Таково описание у Тютчева:

Люблю грозу в начале мая,
Когда весенний, первый гром,
Как бы резвяся и играя,
Грохочет в небе голубом.

Весенняя гроза

Звуковую выразительность речи могут создавать и ассонансы.

Гляжу, как безумный, на черную шаль,
И хладную душу терзает печаль.

Пушкин. Черная шаль

Здесь настойчиво повторяется гласный *у*, который оттеняет тему грусти. Ассонансы в поэтической речи обычно сочетаются с аллитерациями.

Поэты настойчиво стремятся к звуковому подобию эпитетов и определяемых слов: «их разговор благоразумный», «перекрахмаленный нахал» (Пушкин).

Смысловая общность понятий нередко поддерживается звуковым сближением зависимых членов предложения: подлежащего и сказуемого, сказуемого и дополнения и других. Эту смысловую функцию звукописи можно наблюдать, например, у Пастернака:

Во всем мне хочется дойти
До самой сути.
В работе, в поисках пути,
В сердечной смуте.

Во всем мне хочется дойти...

Выразительно-изобразительная функция звукописи может быть настолько яркой, что ее эстетическое осмысление не требует особого напряжения:

Марш!

Чтоб время

сзади

ядрами рвалось.

К старым дням

Чтоб ветром

относило только

путаницу волос.

Маяковский. Сергею Есенину

Аллитерация на *p* в первой части этого отрывка, чеканный ритм, отрывистое звучание строк — не оставляют сомнения в назначении звукописи: поэт стремится передать музыку марша, динамику борьбы.

В иных случаях образная символика звукописи более отвлеченна. Только воображение поможет нам почувствовать в аллитерациях на *ж-з* леденящий холодок металла в отрывке из стихотворения Заболоцкого «Журавли»:

А вожак в рубашке из металла
Погружался медленно на дно,
И заря над ним образовала
Золотого зарева пятно.

Художественное назначение звукописи эстетически оправдано: гармония и упорядоченность в размещении звуков сообщает стиху напевность, музыкальность, придает большую выпуклость словам. С таким использованием звукописи ничего общего не имеет искусственное нанизывание созвучных слов, за которыми нет ни мысли, ни чувства. Подобные опыты позволяли себе только формалисты или плохие поэты.

Звукопись не может существовать как нечто самодовлеющее, независимо от содержания и смысла произведений. Ни одна строка бессмысленного набора звуков, как бы искусно соединены они ни были, не может соперничать в «музыкальности» с обычной стихотворной строчкой. Яркую изобразительность звуковой инструментовке придает только органическая связь звукописи с содержанием, единство слова и образа.

И. Б. ГОЛУБ

ИНДИЯ

На организованных в Дели курсах иностранных языков самым популярным оказался русский язык. На русское отделение подано больше всего заявлений. Кроме того, русский изучается во многих университетах, а также при филиалах Общества индийско-советских культурных связей.

«Советская Россия», 5 августа 1973

ИЗУЧАЮТ РУССКИЙ ЯЗЫК

ЯПОНИЯ

Новая программа «Русский язык по телевидению», передающаяся японской телевизионной компанией Эн-Эйч-Кэй, завоевала большую популярность в Японии. Программа включает не только чисто учебный курс. По ней широко показываются и специально подготовленные фильмы, в которых рассказывается о жизни и быте многонационального советского народа.

«Советская культура», 21 августа 1973

«ПРИХОДИ ВЕЧОР, ЛЮБИМЫЙ...»

Многим хорошо известны строки из «Лирической песни» И. Дунаевского на слова поэта В. Волженина:

Приходи вечер, любимый,
Приголубь и обогрей.

Слово *вечор* в этих строках не раз было предметом дискуссии и по-разному оценивалось с точки зрения правильности употребления. Неслучайно газета «Ленинградская правда» (11 июня 1972 года) спрашивала: «Какая ошибка в строчке известной песни „Приходи вечер, любимый, Приголубь и обогрей“?».

В оценках, высказываниях, рассуждениях по поводу использованного в песне слова *вечор* давно определились две взаимоисключающие точки зрения. Согласно одной из них, это наречие взято из просторечия. Другая утверждает, что поэт допустил грубую ошибку, так как не знал настоящего значения этого слова. Попробуем проанализировать оба мнения. Академический 4-томный «Словарь русского языка» отмечает, наряду с широко известным значением *вечор* «вчера вечером, вчера», другое, менее известное, — «вечером», и сопровождает его пометами «просторечное и областное». В качестве примеров, иллюстрирующих это значение, приведены названные строки из стихотворения В. Волженина и цитата из произведения В. Соллогуба «Местники»; [Афанасьев:] «Скажи, что ты прислан от петровской дочери... просит вечер на свидание». Словарь фольклорными и областными источниками не подкрепляет данное словоупотребление, ограничившись пометой «областное»; однако в Словарной картотеке современного русского литературного языка (Ленинград) такие материалы имеются (позднее они были использованы в «Словаре русских народных говоров». Вып. IV, Л., 1969). Отвечая «Ленинградской правде», Н. В. Соловьев опирается на эти факты, поэтому его суждение звучит не столь категорично, как того требует поставленный газетой вопрос: «Диа-

лектное слово *вечор* встречается во многих русских говорах. Мы, читавшие Пушкина (Вечор, ты помнишь, вьюга злилась), знаем с детства лишь одно значение этого слова: „вчера вечером“. Осмысливая таким образом слово *вечор*, читатель или слушатель песни в лучшем случае воспринимал эту строчку как бессмыслицу, а в худшем случае — как злую насмешку над „любимым“. Однако слово *вечор*, по данным Словаря русских народных говоров, имеет еще одно значение: „вечером“, известное во многих районах Псковской, Новгородской и других областей» («Ленинградская правда», 6 июля 1972 года).

Противоположное мнение сводится к признанию ошибки в употреблении наречия *вечор* в тексте песни: поэт просто не знал, что у этого слова есть еще значение ‘вчера вечером’. В книге Н. М. Шанского «Лексикология современного русского языка» (М., 1972) со всей определенностью говорится: «В качестве примеров нарушения лексических норм литературной речи можно привести несколько отрывков из произведений наших поэтов. В одном из стихотворений Волженина находим: „Приходи вечор, любимый“, хотя слово *вечор* имеет значение „вчера вечером“... наблюдается нарушение семантических норм (слову *вечор* приписывается значение „вечером“, которого оно не имеет)». Такое же объяснение дается в книге Б. Тимофеева «Правильно ли мы говорим» (Л., 1966).

В приведенных критических высказываниях не упоминается 4-томный Словарь русского языка, который отмечает у слова *вечор* значение ‘вечером’ и указывает сферу его употребления. Нет оснований говорить о семантической ошибке, допущенной поэтом, о том, что он «приписал» наречию *вечор* значение ‘вечером’. Оно встречается в произведениях устного народного творчества:

Вечор ноне, матушка,
Мне мало спалось,
Мало спалось да много виделось.

(С о б о л е в с к и й. Великорусские народные песни)

Это значение в фольклоре не случайно, оно известно многим русским говорам: архангельским, псковским, костромским, владимирским, московским, нижегородским, симбирским и другим. Здесь это значение сохранилось от более древних времен.

По происхождению наречие *вечор* — форма винительного падежа единственного числа существительного *вечер* (первоначально без перехода *е* в *о*) в значении ‘вечером’: «Не хожеше зѣть по невѣсту, но приводѣху вечерь. а завѣтра приношаху по неи что вдадуче» (Повесть временных лет). В трехязычном немецко-латинско-русском Вейсманновом лексиконе 1731 года для немецкого наречия *abends* ‘вечером’ приведено русское соответствие *вечор*.

Таким образом, значение 'вечером' имеет глубокие исторические корни, и спор можно вести лишь о правомерности использования слова с диалектным значением в современном тексте. В этом случае большое значение имеет общий стиль произведения. Если иметь в виду песню Дунаевского и Волженина, то решать этот вопрос едва ли можно однозначно, без учета органической связи слова со всем текстом песни, без учета ее стилистических особенностей. Словарь-справочник «Правильность русской речи» (М., 1965) выбрал неудачный, на наш взгляд, пример для иллюстрации речевой ошибки. По системе изобразительных средств весь поэтический строй песни близок к произведениям фольклора. В этом нетрудно убедиться с первых слов небольшого произведения, начинающегося с характерного для народной песни междометия *ох*:

Ох, ты, сердце,
Ох, ты, девичье,
Не видать мне с тобой покоя.—

которое затем повторяется:

Ох, ты, ночка,
Ночка темная,
Разгони ты печаль-заботу...

В песне использован также прием парного сочетания близких по значению слов *печаль-забота*, о котором А. П. Евгеньева писала: «Наиболее яркой и обращающей на себя внимание особенностью использования синонимии в устной поэзии является парное сочетание синонимов, постановка их рядом, так что слова как бы сливаются в одно целое, образуют новое сложное слово» (Очерки по языку русской устной поэзии в записях XVII—XX вв., М.—Л., 1963). Например: правда-истина, род-племя, купцы-гости, отец-батюшка, печаль-дума, печаль-горе.

В песне эмоционально окрашенный эпитет *темная*, определяет слово *ночка*:

Ох, ты ночка,
Ночка темная...

Сравните в фольклоре: «Не стала спать бы ночку темную».

В. Волженин употребляет широко распространенный в народной поэзии глагол *приголубить*:

Приходи вечер, любимый,
Приголубь и обогрей.

Сравните: «Уж как некому голубушки моей Приголубить, приласкать без меня» (Соболевский. Великорусские народные песни),

Использование автором «Лирической песни» разнообразных побразительных средств, широко представленных в устном народном творчестве, делает понятным в данном случае употребление наречия *вечор* в значении 'вечером'.

И. А. ПОПОВ

РУССКАЯ РЕЧЬ НА ГОЛУБОМ ЭКРАНЕ

Одним из важнейших аспектов деятельности Института русского языка АН СССР является широкое распространение научных знаний. Эта работа очень важна для повышения речевой культуры самых широких народных масс, для развития интереса к русской речи. Особое место в пропаганде научных знаний о языке занимают наиболее оперативные и живые ее виды: передачи по телевидению и радио, лекции и семинары в различных организациях, справочная «Служба языка», консультации, беседы.

Передачи «Русская речь» по Центральному телевидению начались в октябре 1971 года по третьей программе, а с 17 февраля 1972 года были переведены на первую программу (с повторением по второй). С тех пор регулярно, четыре раза в месяц, 45 минут «телевизионного времени» отводится «Русской речи». Ведущий передачи — заместитель директора Института русского языка, член-корреспондент АПН СССР И. Ф. Протченко.

В становлении этого специального телевыпуска большую помощь оказали А. А. Меркулова, Л. И. Красненкова, В. Я. Дерягин. В настоящее время над каждой передачей много работают сотрудники Центрального телевидения С. И. Соколова, М. Р. Добросельская, А. В. Прогонова, И. П. Каплар. Стремясь сделать страницы «Русской речи» более наглядными и занимательными, много умения, фантазии и выдумки проявляют режиссер и художник; с большим вкусом используются кино съемки, мультфильмы, рисунки, музыка.

Продолжительность передачи дает возможность включить в ее состав довольно обстоятельные выступления, посвященные разнообразным вопросам русского языка. Естественно, что в юбилейном 1972 году, когда наш народ отмечал пятидесятилетие образования СССР, большое внимание было уделено русскому язы-

*Во время одной из передач...
И. Ф. Протченко, Г. А. Богатова*

ку как языку межнационального общения народов нашей страны. Перед телезрителями выступали писатели: Р. Гамзатов, С. Данилов, Б. Кербабаев, М. Карим, Д. Кугультинов, А. Кулешов, К. Кулиев, Ю. Рытхейу и другие, ученые-филологи из национальных республик: И. К. Белодед, К. К. Крапива, Ю. Ф. Мацкевич, З. Б. Мухамедова, А. С. Чикобава и другие, которые говорили о том, какую роль сыграл русский язык в жизни их народов, в развитии национальной культуры и языка. Были затронуты важные проблемы перевода с русского языка и на русский.

В передачах принимали участие академики В. И. Борковский, Д. С. Лихачев, Б. А. Рыбаков, члены-корреспонденты АН СССР Р. И. Аванесов, Ф. П. Филин, В. Н. Ярцева, член-корреспондент АПН СССР Н. М. Шанский, доктора филологических наук В. П. Вомперский, Ю. Д. Дешериев, А. П. Евгеньева, Л. П. Жуковская, В. В. Иванов, В. А. Ковалев, В. Г. Костомаров, С. И. Машинский, Ф. П. Сороколетов и др.

Писатели М. Алексеев, Ю. Нагибин, В. Солоухин рассказывали о своей работе над языком произведений. Интересные мысли содержались, например, в выступлении Юрия Нагибина. Своеобразие языка художественных произведений, по мнению писателя, определяется спецификой изображаемого. Истинный критерий качества литературного языка — это «точность, соответствие слова тому миру явлений, лиц, идей, которые взялся изобразить автор. Язык Достоевского, а также язык Толстого и сложный язык

Пруста вполне тождественны, адекватны, равнозначны тому, что они хотели выразить».

Неоднократно выступал перед телезрителями писатель Лев Успенский, сумевший непринужденно и образно рассказать о многих интересных явлениях русского языка, его истории.

Естественно, что в передачах одно из центральных мест отведено языку русской литературы XIX века и русской советской литературы. Авторы, выступая перед зрителями, как правило, не ограничивались общими декларациями о высоких достоинствах языка того или иного произведения. Красоту и языковое богатство, художественное мастерство писателя они стремились показать с помощью подробного разбора отдельных сторон языка, детального пословного анализа художественного текста. Так были построены выступления С. М. Бонди, И. Л. Андроникова и других. Демонстрация изобразительных свойств русского языка и глубокий анализ мастерства писателя очень важны для неспециалиста, так как дают возможность понять, что же объективно скрывается за такими понятиями как красота, богатство языка, сила, выразительность, тонкость, точность, рельефность, пластичность и т. д., которые зачастую остаются нераскрытыми.

Литературный критик Ю. Б. Лукин, автор страниц передачи о языке и стиле Шолохова, вел рассказ об особенностях художественного творчества писателя, на конкретных примерах продемонстрировал, как совершенствовался язык «Тихого Дона», раскрыл своеобразие стиля этого выдающегося мастера слова на примере анализа других его произведений. Телезрители слушали чтение главы из романа «Тихий Дон» в исполнении самого автора.

Передачи о языке художественных произведений постоянно сопровождаются показом отрывков из кинофильмов и театральных спектаклей.

Следует приветствовать и стремление авторов многих бесед показать отличительные черты языка того или иного писателя. Желательно было бы познакомить телезрителя и с основными общераспространенными художественными приемами — метафорой, эпитетом, аллитерацией, ассонансом и т. д., с основными стихотворными размерами. Нет сомнения, что такие передачи, проиллюстрированные яркими примерами из произведений авторов разных эпох, не только вызвали бы большой интерес, но и были бы прекрасным дополнением к школьному курсу литературы, в котором этим явлениям отведено незначительное место.

«Русская речь» познакомила телезрителей с деятельностью замечательных русских филологов — М. В. Ломоносова, А. Х. Востокова, Ф. И. Буслаева, В. И. Даля, И. И. Срезневского. В занимательной форме зрителям было рассказано о важных этапах истории

*Рабочий момент — обсуждается содержание
очередной передачи.
Слева направо: И. П. Каплар, И. Ф. Прогченко,
С. И. Соколова, А. В. Прогонова.*

русской филологической науки. Цикл бесед о выдающихся отечественных языковедах мог бы развернуть перед слушателями картину развития русского языкознания, историю появления важнейших идей, направлений, методов.

Телевизионный выпуск, посвященный родной речи, чемыслим без широкого показа образцов этой речи. Зрители слышали грамзаписи выступлений таких актеров прошлого, как П. М. Садовский, Н. П. Хмелев, В. И. Качалов, В. Н. Рыжова, В. Н. Пашенная, В. Н. Яхонтов и др. В передачах участвовали А. Н. Грибов, И. В. Ильинский, Е. М. Шатрова, Ю. В. Яковлев, Е. П. Велихов, Д. Н. Журавлев.

В подготовке ряда сюжетов этого профиля, в комментировании отдельных страниц надо отметить полезное участие кандидатов искусствоведения Е. Я. Дубновой, И. Ю. Промптовой, а также автора работ о творчестве известных советских чтецов О. М. Итиной.

Телезрители не только слышали и видели крупных актеров, выдающихся советских чтецов, но и знакомились с их взглядами на сценическую речь, с тем, как они сами работали над ролью, воссоздавая интонацию, ритм, тембр, особенности произношения персонажей пьес. В будущем, вероятно, можно было бы рассказать об основных закономерностях сценической речи, отличающих ее от повседневной разговорной.

«Русская речь» рассказывает об интересных фактах из истории слов и выражений. Большую познавательную ценность имели,

в частности, передачи о названиях русских букв, о термине *Золотая орда*, о происхождении русских фамилий и имен. Так, зрители узнали, какой долгий путь прошла русская фамилия, прежде чем приобрела свой нынешний вид; как изменились значения слов, от которых образованы фамилии (*бакула* — ‘рассказчик, балагур’, *аргун* — владимирский плотник, *бортник* — ‘человек, занимавшийся лесным пчеловодством’, *фурман* — ‘пзвозчик’, *жихарь* — ‘удалой, ловкий’).

Знакомясь с историей пословиц, поговорок, зритель одновременно знакомится и с историей народа, отраженной в языке. Так, из передачи, посвященной происхождению выражения *точить лясы* (*бальясы*), мы узнаем о том, что *бальясы*, *бальясины* — это точеный столбик под лестничные перила. Вытачиванием этих украшений занимались на Волге, в Семеновском уезде (недалеко от Нижнего Новгорода). В глазах тех, кто был занят более «серьезной» работой, «точить бальясы или лясы» — значило заниматься веселыми пустяками. С течением времени ремесло пришло в упадок, а выражение сохранилось в значении ‘шутить, смеяться, болтать’.

Из передачи о пословицах, в которых употребляется цифра *семь* (семь пятниц на неделе, седьмая вода на киселе, семеро одного не ждут и др.), зритель узнал, что эта цифра, проникнув в пословицы из церковноканонической литературы (семь таинств, семь смертных грехов, семь чудес света), «обмирщилась», вошла в народную речь, в пословицы, возникшие в живой разговорной речи. Интересной для многих была передача, посвященная пословицам о труде.

Сведения по «занимательной этимологии», с нашей точки зрения, должны занять постоянное место в телепрограмме «Русская речь»: они могли бы открыть зрителю уходящие в далекое прошлое связи давно разошедшихся слов (типа *конец* — *начало*), оживить внутреннюю форму деэтимологизировавшихся и опростившихся слов (*медведь*).

Занимательными, но, к сожалению, пока довольно редкими, были беседы по истории письменности и культуры. Вспомним рассказы Л. П. Жуковской о памятниках русского языка, Б. А. Рыбакова об эпиграфике. Между тем, телевидение располагает широкими возможностями показа древних письменных памятников, надписей на стенах, монетах и т. д. Несомненно, большой интерес представил бы, например, телерепортаж из какого-либо крупнейшего хранилища древних рукописей (Исторического музея, Отдела рукописей Библиотеки имени В. И. Ленина или Библиотеки имени М. Е. Салтыкова-Щедрина).

В адрес телевизионной передачи «Русская речь» приходит немало писем. Зритель непременно получает на них ответы, которые

зачастую перерастают в беседы о нормах ударения, произношения (член-корреспондент АН СССР Р. И. Аванесов) или словоупотребления (старший преподаватель МГУ И. В. Толстой), и, в целом, такие беседы охватывают весьма широкий круг вопросов культуры речи.

«Русская речь» постоянно рассказывает с экрана о событиях культурной и научной жизни, связанных с изучением и преподаванием русского языка. Так, в одной из передач член-корреспондент АН СССР Ф. П. Филин рассказал о VII Международном съезде славистов в Варшаве (август 1973 г.). Телезрители увидели репортаж с Всесоюзной научной конференции по проблемам обучения русскому языку как средству межнационального общения народов СССР (Киев, октябрь 1972 г.), с конференции «Научные основы учебников для национальных школ и для высших учебных заведений» (Алма-Ата, сентябрь 1973 г.). Генеральный секретарь Международной ассоциации преподавателей русского языка и литературы (МАПРЯЛ) профессор В. Г. Костомаров рассказал о II Международном конгрессе этой ассоциации, проходившем в Варне (Болгария) в сентябре 1973 года. Более 50 стран прислали своих делегатов на этот форум. Некоторых из этих делегатов зрители увидели на телеэкране.

В ряде передач рассказывалось о работе академических и учебных институтов, учреждений, литературных объединений.

О творчестве рабочих, инженеров Московского автозавода имени Лихачева зрители узнали из репортажа с заседания литобъединения этого завода. Подобные беседы состоялись и на других крупных предприятиях Москвы.

Из передачи «Русская речь» телезрители регулярно узнают о новых научно-популярных книгах по русскому языку, словарях, справочниках.

Одной из наиболее интересных страниц передачи «Русская речь» был репортаж с международной олимпиады школьников по русскому языку, на которую приехали учащиеся многих зарубежных стран. Телезрители могли непосредственно убедиться в том, какой большой интерес вызывает русский язык в самых разных странах мира. Ученики — главные «действующие лица» этого репортажа — были очень естественны и искренни, и зрители, безусловно, почувствовали атмосферу дружбы и взаимной заинтересованности, царившей на этой олимпиаде.

Изучение и распространение русского языка за рубежом было темой бесед со многими иностранными учеными, переводчиками, преподавателями. В передачах участвовали: Ж. Раб (Венгрия), Е. Енджеевич (Польша), Г. Гупперт (Австрия), Н. Тавиль (Ливан), М. Того (Япония), Л. Дени (Франция), М. Мортон (США) и многие другие.

Пропаганда разнообразных сведений о русском языке с помощью средств массовой информации призвана способствовать появлению у неспециалиста определенного лингвистического мировоззрения и объективного представления о роли лингвистики как науки. Было бы очень хорошо, если бы языковеды сумели ввести заинтересованного зрителя в круг тех вопросов, которыми занимается лингвистика. На наглядных примерах можно было бы показать, что много не познанных ранее закономерностей открывается не только в истории языка, но и на современном этапе языка, который, казалось бы, хорошо знаком всем его носителям. Известно, что в дискуссиях о языке принимают участие люди различных профессий. И это хорошо. Но задача языковедов состоит в том, чтобы в этих дискуссиях было больше обоснованного, меньше утопичного и наивного.

Полезность и необходимость передачи «Русская речь» не вызывает сомнения: проблемы изучения и развития русского языка интересуют очень многих. Передачи о русской речи получили широкую известность и одобрение. Об этом свидетельствуют как многочисленные письма телезрителей, так и отзывы центральной печати («Правда», 28 мая 1973; «Учительская газета», 25 мая 1972).

И. С. УЛУХАНОВ

«ЛЕКТОРУ О СЛОВЕ»

Популярные книги и брошюры о русском слове, о богатстве, красоте, культуре родной речи читатели всегда встречают с большим интересом. Из этих книг можно сегодня составить небольшую библиотеку, разнообразную по тематике, целям и манере письма. Отрадно, что библиотека эта растет, пополняется новыми работами. Так, в 1972 году издательство «Знание» выпустило книгу З. Н. Люстровой и Л. И. Скворцова «Мир родной речи», составленную по материалам популярной радиопередачи «В мире слов» и обращенную к массовой аудитории (см.: «Русская речь», 1973, № 2).

Новая брошюра того же издательства — Ю. А. Бельчиков, Н. Н. Кохтев «Лектору о слове» (М., 1973) — адресована начинающему лектору, пропагандисту. «Самое трудное в агитационной работе — научиться говорить как следует», — писал М. И. Калинин в статье «О коммунистическом воспитании». Эта сложная проблема и

рассматривается с разных сторон в книжке Ю. А. Бельчикова и Н. Н. Кохтева. «Говорить как следует» — означает и совершенное владение литературными нормами, и языковое чутье, и богатый словарный и фразеологический запас, и знание приемов «украшения» речи, как говорили древние, и умение целесообразно, в зависимости от аудитории выбрать слово.

Авторы в популярной форме освещают основные проблемы и трудности употребления, выбора слова, построения, организации устной речи. В брошюре убедительно показано, что почти каждое языковое явление, будь то слово или риторическая фигура, может стать находкой или оказаться сорняком, так как все в конечном счете зависит, по меткому выражению А. С. Пушкина, от «соразмерности и сообразности», от вкуса, языковой культуры говорящего. Эта мысль ярко иллюстрируется в таких главах-очерках, как «Синонимы: их достоинства и недостатки», «Паронимы: друзья или недруги?». С тех же позиций рассматриваются штампы, канцеляризм, риторические фигуры.

Авторы популярного издания призывают читателя бережно, чутко, внимательно относиться к слову, различать тончайшие его смысловые, стилистические нюансы, учитывать сферу употребления и другие факторы. Так, в письменной речи вполне уместны обороты типа «как говорилось выше», «об этом речь пойдет ниже». Однако было бы ошибкой переносить данные выражения без изменений в устную речь, где слова *ниже* и *выше* теряют смысл. Поэтому в лекции, к примеру, вместо названных слов употребляют другие: «как я уже говорил ранее» или «об этом поговорим позднее».

Основное внимание в книге уделено лексике, фразеологии и синтаксису. Такое распределение материала вполне оправдано. В первых, именно эти разделы наиболее важны для лектора, пропагандиста; во-вторых, отсутствующие в брошюре морфологические нормы подробно описаны во многих пособиях по стилистике и культуре речи.

Читатель найдет в этой брошюре отрывки из выступлений Ленина, Калинина, Луначарского, высказывания писателей, ученых о языке и речи ораторов, интересные сведения об истории отдельных слов и выражений. Здесь дан также список литературы и словарей, необходимых для тех, кто выступает с трибуны. «Лектору о слове» — полезное и нужное пособие, сочетающее в себе четкость и научность изложения с живостью слога. Его с интересом прочитают не только лекторы, пропагандисты, агитаторы, но и все, кому дороги чистота и правильность русской речи.

*Кандидат филологических наук
Г. Я. СОЛГАНИК*

НЕЗНАКОМОЕ СЛОВО В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ

Незнакомые слова и формы слов нередко оказываются в центре внимания некоторых произведений художественной литературы. Это и понятно. Ведь такие слова способны вызвать особенно обостренную реакцию непросвещенного человека на слово, создать своеобразную конфликтную ситуацию, стимулирующую раскрытие индивидуальности персонажей литературного произведения.

В известном рассказе М. М. Зощенко «Кочерга» интрига построена на решении вопроса о правильном написании одного слова. Герою этого рассказа, директору предприятия, при составлении деловой бумаги понадобилось употребить обыкновенное слово *кочерга* в родительном падеже множественного числа: «Он перестал диктовать и, почесав затылок, сказал машинистке: — Что за черт. Не помню, как пишется — пять коче... Три кочерги — ясно. Четыре кочерги — понятно. А пять? Пять — чего? Пять кочерги...». К решению этой необычной проблемы были привлечены другие персонажи, по-разному проявившие себя. Молоденькая машинистка вообще отказывается высказать свое мнение, сославшись на то, что в школе она этого не проходила. Привыкший к угодливости и изворотливости секретарь сразу начинает склонять слово *кочерга*, но и он «дойдя до множественного числа... запнулся и сказал, что множественное число вертится у него в голове, но он сейчас не может его вспомнить». В устах истопника и заведующего складом эта словесная форма приобретает вульгарно-просторечное звучание: *пять кочерыжек*. «Выручила» всех машинистка с тридцатилетним стажем. Именно она образовала правильную форму *пять кочерег*. [См.: «Русская речь», 1967, № 4, стр. 84.]

Хорошо, если непривычное слово может быть осмыслено по аналогии с родственными словами, если его внутренняя форма достаточно рельефна и говорит сама за себя. Слово *интеллигентскость*, которое мы находим у А. А. Блока («Дневник 1918 года,

18 января): «Какая-то грусть — может быть, от неумелости, от интеллигентскости, от разных языков», хотя и не употребительно в русском языке, но оно понятно, потому что создано по распространенной словообразовательной модели.

Но как ответить на слово, если и само-то оно незнакомо и по своему морфологическому составу непонятно, да и фонетически звучит необычно?

Естественно, что затрудненными для понимания, прежде всего, оказываются слова, иноязычные по происхождению, которые в чужом языке не соотносятся с определенным значением, не имеют «внутренней формы». Незнакомые по содержанию и непонятные по способу их образования, но «внушительно» звучащие слова всегда вызвали трепет и почтение у невежд. О чем свидетельствует, например, интересный случай из адвокатской практики Ф. Н. Плевако, пересказываемый В. В. Виноградовым в статье «Основные типы лексических значений слова» («Вопросы языкознания», 1953, № 5): «Старый анекдот гласит о том, что однажды к московскому „златоусту“ явился именитый купец с каким-то весьма неприятным делом. Плевако, после „оскультации“ и ознакомления с делом, во время чего купец сидел ни жив ни мертв, наконец, молвил: „Ну, что же, дело ничего, дело можно и обернуть“ — „Уж будь, Федор Никифорович, отцом-благодетелем! Не оставь!“ — „Благодетельствовать я тебе не буду, а давай аванс!“ Купец глаза вылушил: „Это что же такое, Федор Никифорович, аванс?“ — „Ах, ты, чудак! Задаток знаешь?“ — „Ну, вестимо, знаю!“ — „Так вот, аванс вдвое больше!“».

В классической литературе уже неоднократно возникала тема человеческой реакции на незнакомое и непонятное слово. Чаще всего внимание писателей привлекали слова, которые, хотя и не соотносились с определенным понятием, то есть не имели внутренней формы, но обладали своеобразной звуковой выразительностью. Такие слова именно благодаря сочетанию непонятности и звучности всегда оказывали сильное эмоциональное воздействие на людей, позволяя тем самым обнаружить индивидуальные характеры литературных персонажей.

В рассказе А. П. Чехова «Мужики» особенно живо и выразительно характер героини раскрывается в ее реакции на устаревшие церковнославянские слова. «[Ольга] каждый день читала евангелие, читала вслух, по-дьячковски, и многого не понимала, но святые слова трогали ее до слез, и такие слова, как „аще“ и „дондеже“, она произносила со сладким замираньем сердца».

В пьесе А. Н. Островского «Тяжелые дни» мы находим яркий случай эмоционального восприятия непонятных, но звучных слов; об одном из них купчиха Настасья Петровна Брускова говорит:

«Уж я такая робкая, право, ни на что непохоже. Вот тоже, как услышу я слово „жупел“, так руки-ноги и затрясутся». Само по себе слово *жупел* в церковных книгах обозначало горящую серу или смолу. В то же время выразительная «устрашающая» звуковая форма позволила А. Н. Островскому освободить это слово от его первоначального значения и переосмыслить в сугубо эмоциональном плане, поставившем его в ряд «пугающих» слов. Это значение слова *жупел*, обязанное своим возникновением А. Н. Островскому, теперь отмечается в наших современных словарях.

В художественной литературе мы нередко находим такой аспект культурно-речевой проблемы, который не только способствует выявлению индивидуальности персонажей, но и «монтирует», «движет» сюжет.

Вся интрига рассказа Я. Гашека «Как я торговал собаками» строится на том, что герой, осознавая особую авторитетность непонятных и заковыристых слов, для пущей солидности назвал заурядное коммерческое предприятие по торговле собаками «кинологическим институтом». Герой стремится обнаружить перед покупателями непосредственную приобщенность его предприятия к высотам науки и цивилизации постоянным ввертыванием в торговые рекламы мудреного словечка *кинология*, что значит «наука о собаках». Возникающая в рассказе комедийная ситуация обусловлена парадоксальной неоправданностью связи обыденно-примитивного содержания рекламы с витиеватой «красивостью» выражения: «Основной принцип нашего кинологического института состоит в том, чтобы предоставлять собакам возможность свободно бегать». Несовместимость употребляемого здесь научного термина с вулгаризаторским характером его осмысления разъединяет данное предложение на две части, которые, вопреки их синтаксической взаимосвязанности, по сути своей несоединимы: когда книжно-научная форма начала изложения компрометируется обыденно-разговорной заключительной частью.

Пьеса советского драматурга А. В. Вампилова «История с метранпажем» целиком построена вокруг одного таинственно-непонятного, но внушительно и парадно звучащего слова *метранпаж*. Администратор гостиницы, привыкший к чиноразделению и чинопочитанию, бестактно и грубо обходится со скромным и неприметным молодым человеком. И вдруг администратор узнает, что оскорбленный им молодой человек — метранпаж. Магическая власть торжественно звучащего и непонятного слова производит ошеломляющее впечатление.

Администратор вслушивается в размеренную ритмику слова «мет-ран-паж», стараясь вникнуть в раздельное смысловое наполнение его частей. И с ужасом признает, что одна из них *паж*

созвучна тому наименованию, которое имели в царское время люди, служившие при дворе. Такое своеобразное восприятие части слова приобретает характер мифотворчества и вносит в осмысление слова комедийный элемент.

Слово приобретает множество интерпретаций в зависимости от ситуации осмысления и внутренней установки персонажа в данный момент. Выдвигаются самые разные толкования слова — или стремящиеся угадать сферу деятельности метранпажа: *это из газеты, из ОБХС, по профсоюзу, из министерства*; или фиксирующие предполагаемый общественный статус, положение, социальное лицо метранпажа: *начальник, депутат, он над всеми газетами, это большой человек*; или прибегающие к спасительно-уничтожительному его наполнению, характеризующему профессию метранпажа: *учителишка, наборщик*; возникают перифразовые интерпретации: *не велик барин, вельветовый пиджачок, галстук ба-рахольный — видать птицу по полету*.

Так слово *метранпаж*, лишённое в сознании персонажей определённого значения, «внутренней формы», становится не только стержневым элементом драматургического диалога в пьесе, но и основой интриги в ней.

Функциональное использование слова, которое организует всю сюжетную линию произведения, имеет уже свою прочную традицию в классической драматургии. Комедия Н. В. Гоголя «Ревизор» построена вокруг ударного слова *ревизор*, характеризующего общественный статус лица.

Интересны и различия этих пьес. Все содержание пьесы Н. В. Гоголя построено на многочисленных речевых интерпретациях смыслового наполнения слова, хорошо известного персонажам пьесы и имеющего, в некотором смысле, внутреннюю форму. Интрига пьесы Н. В. Гоголя обусловлена тем, что слово *ревизор* — «человек, производящий ревизию» — не определяет действительного общественного положения Хлестакова, а только ошибочно приписывается ему. В пьесе же А. В. Вампилова оскорблённый администратор молодой человек — реальный метранпаж, но драматическая ситуация здесь возникает оттого, что само слово *метранпаж*, лишённое внутренней формы в сознании персонажей, вовсе им незнакомо, поэтому оно и получает смысловое наполнение, не имеющее ничего общего с реальным значением слова.

В гоголевской пьесе Хлестаков как лицо, которому приписывается ошибочное наименование, является главным ее героем, беспрепятственно принимает участие в действии пьесы и тем самым позволяет другим персонажам по-разному судить о его причастности к наименованию *ревизор*. Хлестаков получает в пьесе такие опре-

деления как *уполномоченная особа, вельможа, важная персона, важная птица, государственный человек* и множество других. Напротив, в «Истории с метранпажем» главный «виновник» драмы — вовсе не принимает участия в развитии и разрешении драматического конфликта, появляясь только в начале и в конце пьесы. Если внутренняя форма слова неизвестна, особое значение приобретает осмысление его посредством ориентации этого слова среди других. Слово *метранпаж* становится своеобразным речевым критерием в обрисовке персонажей. И прежде всего администратора, который вместе с ситуативным осмыслением слова *метранпаж* мучительно ищет свой речевой облик, стремится определить свое лицо. Например, если в начале драмы слово *барин* в речевом употреблении администратора вступает в антонимические отношения со словом *метранпаж* («не велик барин», — говорит администратор о метранпаже), то впоследствии эти два понятия синонимизируются («я не барин, не метранпаж какой-нибудь»).

Иной характер принимает речевой облик администратора в его самохарактеристике: «Калошин хоть и не метранпаж, но и не водовоз какой-нибудь». В данном случае идет противопоставление слова *метранпаж*, как чего-то из ряда вон выходящего, словам *Калошин* и *водовоз*, как чему-то слишком заурядному по сравнению с непонятым словом *метранпаж*. В то же время употребление в одном семантическом ряду двух слов *Калошин* и *водовоз* образует такое ироническое сцепление, которое вносит в содержательную структуру текста смеховой элемент и как бы изнутри взрывает утверждение Калошина, пародирует его.

В противовес очередным номинациям *метранпажа* — *начальник, депутат, большой человек* — новое речевое амплуа Калошина приобретает ярко выраженный самопародирующий, шутовской характер: «Я букашка, жучок, я божья коровка». Эта реплика Калошина, с начала пьесы и до конца, все время ассоциируется с его пониманием слова *метранпаж* и противопоставляется ему. Если в начале пьесы, испугавшись, что слово *метранпаж* обозначает важное ответственное лицо, Калошин в форме перифразы представляет себя букашкой по сравнению с метранпажем, говоря, что ведь, если метранпаж — такой важный человек, то он что угодно может с ним сделать, например, посадит его на ладонь, дунет — и он полетит, да так полетит, что и не сядет (*полететь* здесь употребляется в прямом и переносном смысле). Так и теперь, называя себя букашкой, Калошин в аналогичной перифразе конкретизирует свое высказывание: «Если я сейчас поднимусь — меня ветром унесет!».

В последующем развитии драмы сам Калошин отказывается от этой самохарактеристики, перебрасывая на метранпажа образно-

метафорический речевой образ — *букашка*, подкрепляя его новыми дополнительными номинациями: *мышь типографская, тля*.

Постоянные колебания между условно-игровым и собственно-понятийным наполнением незнакомого слова *метраннаж*, лишённого внутренней формы в этой драме, переходящее от одного переосмысления к другому, наполняют это слово новым смыслом и выражают преобразования взаимоотношений персонажей, непрерывно изменяют расстановку действующих сил, определяют поведение главного героя пьесы — Калошина.

Администратор многократно сменяет свои речевые маски: начальника, «божьей коровки», сумасшедшего, мошенника, мужа, любовника и т. д. В результате чего весь сюжет этой пьесы строится на смене речевых амплуа как «эталонов» поведения Калошина в зависимости от ситуативного «понятийного наполнения» слова *метраннаж*. Эта бесхарактерность речи Калошина постепенно выявляет вырвавшуюся в финале наружу внутреннюю драму невежества, драму несостоявшейся личности. В этом плане центральной можно считать ту реплику пьесы, в которой Калошин вспоминает слова своего давнего друга, пророчившего, что Калошин мог бы со своим нахрапистым характером «далеко пойти», но невежество его загубит.

Так, ситуативное осмысление незнакомого слова, лишённого внутренней формы, позволяет художественной литературе остро поставить вопрос о языковой грамотности как общественную проблему и в образной форме убедительно показать, как люди используют слова и как слова выявляют людей.

Л. И. РЕУТОВА

Приставка ПОД- в ПОДСОЛНЕЧНИКЕ

Приставка *под-* встречается во многих названиях растений: подснежник, подберезовик, подосиновик, подъягодник, подъяльник, подсолнечник и др. К одним названиям ключ подыскать довольно легко, к другим затруднительно. Для *подснежника* разгадка кроется в самом названии растения и дополнительных разъяснений не требуется.

Для *подсолнечника* происхождение и значение приставки *под* объяснить не так легко. Своим названием это растение несомненно обязано солнцу. В нем действительно есть что-то от солнца: округлое соцветие-корзинка напоминает солнечный диск, а желто-золотистые краевые лепестки похожи на лучи. Латинское наименование рода *подсолнечника* *Helianthus* — буквально ‘солнечный цветок’ (первая половина слова *Helios* — ‘солнце’). Интересно проследить, как назывался он в прошлом?

В прежнее время это растение называлось: *солнечник*, *солнцецвет*, *солнцецветник*, *солнцев цвет*, *трава солнца*, *цветок солнца*, *перуанский цветок солнца*, *солнух*, *солонечник*, *дитя солнца*. Ни одно из этих названий не имело приставки *под*. Откуда же она появилась и что должна означать? Прежде всего мы предполагаем, что *под* позднейшего, вторичного происхождения. Эта приставка может означать, что *подсолнечник* растет под солнцем. Но ведь и другие растения растут под солнцем. Все дело здесь в особом устройстве клеток верхушек стебля этого растения (корзинок), позволяющем ему упорно и неотступно в течение всего дня следовать за солнцем. Но тогда целесообразнее было бы дать приставку *за*.

А может быть, это растение получило свое название за повышенную чувствительность к солнечному лучу? Корзинки *подсолнечника* действительно двигаются за солнцем. На рассеянном дневном свете *подсолнечник* такой биологической особенностью не обладает. Биолог А. П. Бердышев проследил за движением *подсолнечника* и установил, что, вопреки распространенному мнению, корзинки *подсолнечника* никакого суточного движения за солнцем не совершают. До цветения листья и верхушки стебля в солнечную погоду имеют суточное движение. Оно происходит с запада на восток и обратно. Розетки верхушечных листьев около часа ночи начинают наклоняться на восток, к полудню они выпрямляются и с 14—15 часов дня наклоняются на запад. К 19 часам стебли снова выпрямляются и остаются в таком положении до полуночи, после чего движение повторяется. Листья к 22 часам бывают опущены, а после часа ночи начинают постепенно приподниматься и днем приходят в нормальное положение.

По сравнению с другими растениями *подсолнечник* ведет себя по-особому: по нашим наблюдениям, даже легкая ажурная тень листьев молодых деревьев отражается на нем негативно. Недаром *подсолнечник* и у нас и в Америке для своего произрастания избирает степные, открытые, солнечные места.

Только ли один *подсолнечник* поворачивает свои соцветия за солнцем? Нет ли в природе других растений, которые так или иначе могли бы поворачивать свои соцветия или отдельные цветки

за солнцем? Оказывается, есть. Такой способностью (правда, в меньшей степени) обладают еще некоторые растения: коровяк, череда, козлобородник, лютики, осот полевой. Интересно отметить, что многие растения, которые в той или иной мере поворачивают свои соцветия или цветки за солнцем, имеют желтые или оранжевые лепестки: подсолнечник, коровяк, лютики и др. Нет ли и здесь какой-либо неисследованной связи с желто-золотыми лучами солнца?

В прежние времена подсолнечником именовалось не одно, а несколько разных растений: грудничник *Abutilon* назывался *подсолнечник степной*, а один из видов девясила назывался *подсолнечник дикий*. Грудничник, вероятно, назывался подсолнечником потому, что его цветки в состоянии плодоношения несколько напоминали корзинку подсолнечника, а крупные оранжевые лепестки были похожи на краевые цветки корзинки подсолнечника. В последнее время грудничник получил новое современное наименование *канатник* по виду продукции, которую он дает. На стеблях его имеется грубое волокно, идущее на изготовление канатов, веревок.

Если бы кто-то надумал назвать подсолнечник по той продукции, ради которой он в настоящее время возделывается (а культивируется он как масличная культура с 1835 года), то его бы назвали: масличник, масловник, масленник и т. п. Но такие наименования не могли привиться к этому растению, ибо они никак не лучше имени, заимствованного от солнца. Такое, связанное с солнцем название подсолнечника, было и остается за ним как самое яркое и оправданное. К тому же оно оказалось очень метким, весьма удачным и живучим. Следует упомянуть еще одно, не менее старое название этого растения — *подсолнух*, с тем же корнем и приставкой, но с другим, более редким и характерным преимущественно для просторечия суффиксом *-ух*.

Другие растения не смогли прочно удержать за собой это «солнечное» наименование и только один *Helianthus подсолнечник* пронес это название через десятилетия и заслужил право так называться, благодаря высокой гелиотропической реакции. За подсолнечником в этом отношении сохраняется пальма первенства, которую он до сих пор никому не уступал.

Приставка *под-* у *подсолнечника* тоже оказалась вполне уместной и оправданной: только под солнечными лучами, благодаря повышенной чувствительности к ним, он и может поворачивать свою корзинку и вести ее за солнцем в течение всего солнечного дня с восхода до захода, не отворачиваясь от солнца даже в самые жаркие часы.

Профессор Д. Я. ВАКУЛИН

ЭТИМОЛОГИЧЕСКИЙ СЛОВАРЬ РУССКОГО ЯЗЫКА МАКСА ФАСМЕРА

В 1973 году произошло большое научное событие — завершено издание четырехтомного «Этимологического словаря русского языка» Макса Фасмера. Этот капитальный труд содержит более восемнадцати тысяч словарных статей. Кроме основного лексического запаса современного русского литературного языка, Словарь охватывает и богатейшие материалы русских народных говоров. Привлечение диалектной лексики совершенно необходимо в этимологическом словаре, целью которого является объяснение происхождения слов. Народные говоры нередко сохраняют древние лексемы, архаичную семантику и непронзводные словообразовательные формы, утраченные литературным языком: *ва́бить* 'манить', *ва́да* 'ссора', *ве́дро* 'ясная погода', *га́ведь* 'дрянь, мерзость', *елев* 'рыбья слизь', *двои́ть* 'тяжело дышать', *доси́ть* 'встречать', *мизги́рь* 'паук', *мара* 'призрак' и многие другие, имеющие соответствия в славянских и других индоевропейских языках. Часто в литературном языке имеются лишь производные слова, тогда как говоры сохраняют те формы, на базе которых они образованы: *ва́да* — литературное *пова́дка*, *ма́ять* 'махать, давать знак' — *маяк*, *мека́ть* 'думать, соображать' — *смека́ть*, *намека́ть*, *голта́ть* 'кричать, шуметь' — *оголта́лый*. Целый ряд слов сохраняет в говорах архаичную семантику: *мизинец* значит 'младший сын', *бросать* — 'сбивать головки льна'.

Кроме литературной и диалектной лексики, в Словарь включены древнерусские лексемы, утраченные современным языком, но сохранившиеся в памятниках и представляющие значительный лингвистический интерес: *вазнь* 'счастье, удача', *вбно* 'плата за невесту', *гагать* 'говорить загадками', *вервь* 'община'.

Наряду с исконной лексикой, в Словаре богато представлены и заимствования из западноевропейских, финно-угорских, тюркских и других языков. Такие слова, как *вазон, валет, вальс, велосипед, деликатес, кабогаж, мизантроп* заимствованы из французского языка, *вельбот, вельвет* — из английского, *вакса, вальдшнеп, кабинет* — из немецкого. Указывается, когда западноевропейские слова проникли к нам через посредство польского языка (*важный, вакансия, кавалок* и др.). В Словаре широко представлены тюркизмы: *кебаб, кабала, кабан, кавардак, кабачок, арбуз, башмак, базар*. Проникновения из финно-угорских языков, также богато отраженные в Словаре, характерны главным образом для лексики северно-русских говоров.

Помимо предметной лексики, в Словарь входят, разумеется, далеко не полностью, и имена собственные. Это названия стран, городов, рек, наиболее распространенные личные имена, прозвища исторических лиц, имена древнерусских богов: *Молдавия, Мещера, Москва, Минск, Муром, Варшава, Вена, Дербент, Десна, Двина, Днепр, Дунай, Молога, Мезень, Василий, Вадим, Дарья, Мария, Матвей, Мстислав, Мазепа, Мономах, Велес, Дажьбог, Мокошь, Перун, Стрибог*. Ономастика включена в Словарь выборочно, потому что анализ ее в полном объеме составляет цель самостоятельной работы.

Каждая словарная статья в Словаре построена следующим образом. Вначале дается слово, затем, если это слово не литературное, его значение. Если слово заимствовано, указывается источник и приблизительное время заимствования. Если слово исконно, даются соответствия из других славянских языков. Затем расположена уже собственно этимологическая часть, анализ происхождения слова. Каждая статья содержит большой библиографический аппарат. Автором была учтена обширная этимологическая литература, появившаяся после выхода в свет «Этимологического словаря русского языка» А. Преображенского. Библиография Словаря содержит более восьмисот названий, включающих в себя основные периодические издания. Завершается издание обширными индексам.

Словарь Макса Фасмера выходил выпусками в Гейдельберге с 1950 по 1958 год. Небольшой тираж и немецкий текст значительно затрудняли его использование на русской почве. Предстояла задача сделать его доступным для широкой лингвистической общественности. С этой целью советским этимологом О. Н. Трубачевым был осуществлен перевод Словаря на русский язык (первый том был опубликован в 1964 году). Создание этимологического словаря одним человеком, без участия коллектива составителей, является научным подвигом, немалой заслугой было и осуществление

перевода. Этимологические словари обычно не переводятся — это слишком сложная задача. Словарь состоит из лексического материала огромного количества языков различных групп и семей, значения слов передаются немецкими эквивалентами. Только конкретное знание всех славянских, значительного числа индоевропейских и неиндоевропейских языков могло позволить переводчику сделать адекватный перевод Словаря. Кроме того, О. Н. Трубачевым были сделаны весьма существенные дополнения библиографического характера, которые охватывали литературу, появившуюся уже после выхода в свет Словаря Фасмера, дополнения в виде новых этимологий целых статей, включающих те слова, которые по тем или иным причинам не были учтены Фасмером. Так, на букву *Д* сделано пятьдесят дополнений библиографического характера и включено десять новых статей.

Словарь сразу же стал необходимым пособием не только для этимологов, но и для специалистов по современному русскому литературному языку, для диалектологов, славистов, историков языка, а также для всех любящих русский язык.

В. А. МЕРКУЛОВА

Хроника

VII МЕЖДУНАРОДНЫЙ СЪЕЗД СЛАВИСТОВ

заметки участника
съезда

С 21 по 27 августа 1973 года в Варшаве работал VII Международный съезд славистов, в котором участвовало 3000 делегатов из 27 стран. Было заслушано 900 докладов и 2500 выступлений в дискуссиях. Кто такие слависты? Этот вопрос я слышала на улицах Варшавы, жившей в течение восьми дней съездом. Слависты — ученые различных специальностей, объединенные направ-

ленностью исследований: они занимаются языком, литературой, фольклором, этнографией, историей славянских народов. Интерес к славянским народам постоянно возрастает. Неслучайно нынешний съезд славистов был самым представительным.

Подчеркивая возросшую роль славянских стран в послевоенном мире, польская газета «Polityka» 8 сентября 1973 года писала, подводя итоги съезда: «В этом отношении решающим фактором является огромное мировое значение Советского Союза, стимулирующее интерес к различным славистическим проблемам... к

Открытие съезда. Выступает академик В. Дорошевский

прошлому и настоящему славянских народов».

К началу работы съезда во многих странах мира были опубликованы доклады участников и сборники научных трудов. Таким образом собралась целая библиотека, сотни книг и номеров журналов. Одни лишь тезисы докладов и сообщений, присланных в Варшаву, составили толстый том в 1170 страниц.

Варшава радушно приняла гостей. Уже накануне открытия съезда Государственный совет Польской Народной Республики организовал прием в честь Международного комитета славистов и руководителей делегаций. 22 августа для всех делегатов съезда был официальный прием во Дворце культуры и науки, организованный президиумом Польской академии наук. 24 августа советских делегатов пригласили в Общество польско-советской

дружбы, где нас приветствовал председатель Общества, товарищ Я. Шидляк.

Почетным протектором съезда был Председатель Государственного совета ПНР Г. Яблоньский. Приветствие товарища Яблоньского зачитал на открытии съезда председатель Международного комитета славистов академик В. Дорошевский. Открытие съезда состоялось в торжественной обстановке в Зале конгрессов варшавского Дворца культуры и науки. Для остальных заседаний были предоставлены аудитории Варшавского университета.

Работа съезда проходила в пяти секциях: лингвистической, литературоведческой, литературно-лингвистической, фольклористики и истории; каждая из них была поделена еще на несколько подсекций. Доклады были самые разнообразные: на общие и частные

темы, представляющие собой результаты многолетних трудов и наброски будущих исследований, заключающие информацию и вызывающие дискуссию. Одни доклады необходимы для работы, другие любознательны. Поневолу приходилось выбирать, и выбрать было трудно.

Просто было лишь в первый день: все на пленарном заседании. После торжественного открытия были зачитаны три доклада: польского литературоведа академика Ю. Кшижановского «Две романтические годовщины двух славянских литератур», члена-корреспондента АН СССР Ф. П. Филина «Проблемы происхождения славянских языков» и известного слависта профессора Р. О. Якобсона «Языковедческие наблюдения над общими особенностями славянской поэзии».

Ю. Кшижановский говорил о творчестве Адама Мицкевича и А. С. Пушкина. В заключение он сделал сообщение, которое не может не заинтересовать всех славистов: в Польшу вернулась похищенная во время войны фашистскими оккупантами наибольшая часть (151 лист) знаменитой «Супрасльской рукописи» — одного из древнейших памятников славянской письменности.

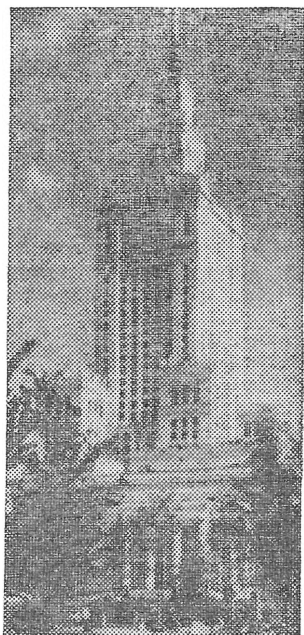
Первый доклад был сделан на польском языке, два других — на русском. Наиболее частыми языками съезда были польский и русский, кроме того, были приняты в качестве рабочих все славянские языки, а также английский, французский и немецкий. Мне довелось слышать, как представитель ГДР, прочитавший свой доклад на русском языке, затем, выступая в дискуссии по докладу белорусских ученых, говорил по-белорусски.

Русская тематика на съезде была представлена достаточно широко. У исследователей, занимающихся анализом творчества, языка и стиля писателей, наиболее популярны Достоевский, Лев Толстой, Пушкин, Лермонтов, Гоголь, Грибоедов, Тургенев, Чехов, Горький. Отдельные сообщения были посвящены языку Хераскова, Бестужева-Марлинского, Кюхельбекера, Лескова, И. Анненского, Вяч. Иванова, Зоценко и др.

Невозможно рассказать о всех выступлениях, интересных для нашего читателя. Поэтому ограничимся докладами, имеющими отношение к истории русского языка.

Доклад члена-корреспондента АН СССР Ф. П. Филина был посвящен проблеме происхождения славянских языков. Ф. П. Филин подвел итоги многочисленных научных исследований, посвященных реконструкции древнейшего общеславянского языка. Сопоставив различные точки зрения, Ф. П. Филин указал, что вопрос о происхождении славян, несмотря на длительную историю его разработки, «во многих отношениях остается открытым. Время образования этноязыковой славянской общности и место нахождения древнейшего славянского населения нам неизвестны». Зато о более позднем периоде жизни славян, относящемся к началу нашей эры, можно говорить с достаточной степенью достоверности. По-видимому, славяне в этот период занимали земли между средним течением Днепра и верхним и средним течением Вислы. Затем началось расселение славян, и в VII—VIII веках эти племена заняли обширную территорию от Греции и Адриатики на юго-западе до Волхова и Ла-

дожского озера на северо-востоке. Неодинаковые природные, хозяйственные и культурные условия, в которых оказывались славянские племена, различное этноязыковое окружение способствовали распаду праславянского единства. В докладе Ф. П. Филина отмечены наиболее перспективные направления сравнительно-исторического языкознания, которые могут дать объективные и надежные сведения о происхождении славян и их языке. Это, прежде всего, лингвогеографические исследования, этимологическое изучение лексики, обозначающей живую и неживую природу, топонимику. Необходимым условием успешной работы Ф. П. Филин считает содружество лингвистов с историками, археологами, этнографами, антропологами, представителями других смежных дисциплин.

*Дворец культуры
и науки*

*Уголок старой
Варшавы*

фографии, так и — в ряде случаев — древнерусской орфографии, противопоставленной произношению».

Разнообразным вопросам, связанным с историей русского языка, посветили свои выступления Г. Хюттль-Уорт (Австрия) «Основные проблемы литературного языка Киевской Руси», И. Тот (Венгрия) «К изучению памятников русского языка XI в.», К. Йордаль (Дания) «Синтаксические гречизмы в русском языке», Д. Фрейданк (ФРГ) «Пути „европеизации“ словарного состава русского литературного языка до XVIII в.», С. Кохман (Польша) «Польско-русские языковые отношения (XVI—XVIII вв.) и романское влияние в славянских литературных языках» и ряд других.

Для историка русского языка было чрезвычайно интересно побывать и в смежных секциях на докладах академика Д. С. Лихачева «Зарождение и развитие жанров древнерусской литературы», чехословацкого литературоведа С. Вольмана «Историческая и структурная общность древних славянских литератур», советских историков А. И. Рогова «Россия в польских исторических и географических описаниях XVII в.», С. О. Шмидта «Русские книги посольских сношений с Польско-Литовским государством конца XV—XVI вв. как памятник истории общественно-политической мысли и культуры» и др.

К съезду были приурочены два радостных события для советской славистики. За большие научные заслуги была присвоена степень почетного доктора Варшавского университета члену-корреспонденту АН СССР Р. И. Аванесову, а степень почетного доктора Познаньского университета

академику М. П. Алексееву. Оба университета на торжественных собраниях чествовали вновь избранных докторов.

Варшавский лингвистический форум стал важной вехой на пути дальнейшего сотрудничества между славистами разных стран мира. На съезде много говорилось о необходимости комплексных исследований, осуществляемых славистами разных стран, работающими над сходными проблемами, о содружестве славистов — представителей разных наук, направленном к общей цели — сравнительному изучению славянских культур и их истории.

Одновременно с изучением контактов между разными славянскими народами должны быть поставлены и проблемы, показывающие связь славянских культур с неславянскими. Этому, по-видимому, будет уделено большее внимание на следующем VIII Международном съезде славистов, который решено провести в 1978 году в Югославии.

В дискуссиях и научных спорах крепнет внутреннее единство мировой славистики, способствующее научному прогрессу.

Л. Е. ЛОПАТИНА

Москва

ИЗ ИСТОРИИ ПЕРВЫХ ЗАПИСЕЙ ДИАЛЕКТНЫХ СЛОВ

Одним из первых высказал мысль о связи народно-диалектной речи и литературного языка, об их общей основе и роли диалектов в изучении истории русского языка великий русский ученый М. В. Ломоносов. Он намеревался написать работу о наречиях русского языка, в частности о родном ему поморском говоре.

В рукописях М. В. Ломоносова мы встречаем областные слова в сопоставлении с их общенародными синонимами, поговорки, словицы. Вот примеры его словарных записей: пища — брашно; лаком — солощ; морская отного — залив — губа — рукав — курья; чать будет — никак будет. — восли бо будет — может быть будет.

Первые дошедшие до нас записи областных слов, сделанные учеными-путешественниками или просто любителями родного слова, относятся ко второй половине XVIII века. Как правило, эти материалы содержат любопытные сопоставления общенародных и местных слов. Некоторые диалектизмы были, например, записаны академиком И. И. Лепехиным во время его поездки по России в 1768—1772 годах и П. И. Челищевым, представившим в 1793 году в Российскую Академию записку с объяснением собранных на севере «наречий, которых до того никогда не слыхивал» (М. И. Сухомлинов. История Российской Академии. СПб., 1895).

Сохранились и более обширные рукописные списки местных слов, относящиеся к XVIII веку: «Словарь местных слов, употребляемых в городе Устюге Великом» (по записи относится к 1754 году и содержит 301 слово) и «Слова и речи в Вятской провинции, особливо у простолюдинов употребляемые» (относится к 1772 году, сохранилась только часть записи до буквы С, содержащая 178 слов). В 1787 году в журнале «Новые ежемесячные сочинения» появилась статья А. И. Фомина «К любителям российского языка», в которой автор высказывает исторически подтвердившуюся мысль о том, что

в своем дальнейшем развитии литературный язык должен пойти по пути усвоения лучшего, что есть «в местных разветвлениях общего языка» и что отражает своеобразие жизни, быта и природы разных областей России. Большую роль в этом А. И. Фомин отводит областному словарю всех русских говоров: «Хлебопашество, скотоводство, домоводство, ремесла и рукоделия с их обстоятельствами много принимают таких речений, кои людям в других упражнениях обращающимся... вовсе неизвестны. Когда таковые слова собраны будут и обнародованы с объяснением прямого знаменования, то... подадут они легкий способ к возрождению, оживлению и расширению нашего языка в естественных ему изображениях» (Новые ежемесячные сочинения. СПб., 1787). Эта статья является предвестницей общественного движения за «природную чистоту» языка, получившего развитие в первой четверти XIX века. К статье автор приложил «Роспись слов и речений, из остатков древнего российского языка в Двинской стране собранных». В этих «остатках древнего российского языка», сохранившегося только в диалектах, и видели ученые в течение всего XIX века потенциальный резерв общенародного языка.

Отечественная война 1812 года породила широкое движение за национальное своеобразие русской культуры и русского языка, вызвав небывалый общественный интерес к «крестьянскому» языку как источнику обогащения общенародного языка «недостающими» в нем названиями многих предметов и явлений. В это время усиленно собирается и печатается областная лексика в различных периодических изданиях. «Никогда раньше и никогда после наши общелитературные журналы не обнаруживали такого живого интереса к языку и языкознанию», — писал С. К. Булич в «Истории языкознания в России» (СПб., 1903).

В 1819 году Московский университет, решивший по совету профессора М. Т. Каченовского «заняться этнографией, именно областной речью», обратился с предложением к дирекции училищ Вологодской губернии собирать провинциальные слова по уездам. Обращение встретило горячую поддержку. Более двадцати лет изучал язык и этнографию Вологодской губернии учитель гимназии А. Фортунатов, один из активных корреспондентов сначала Общества любителей российской словесности, а затем Академии наук. Вологодские слова, собранные им, составили большой по объему словарь. Кроме Фортунатова, в собирании местных слов принимали участие учитель семинарии Н. Суровцев, штатный смотритель гимназии А. Мудров, учителя Е. Кичин, Н. Титов, гувернер гимназии И. Муромцев. Собранные этими энтузиастами материалы позже почти целиком вошли в «Опыт областного великорусского словаря» (1852).

В многочисленных заметках, рассуждениях, статьях, появившихся в первой четверти XIX века, говорилось об общей национальной основе говоров и литературного языка, о возможности замены многих «по нужде принятых» иноземных слов словами русскими, употребляемыми в той или иной местности. Способность диалектизмов обогатить литературный язык становится основным критерием отбора местных слов в общерусские словари.

Особенно большой интерес к собиранию местных слов в начале XIX века проявляет Общество любителей российской словесности. В 1817 году в Трудах Общества был напечатан первый словарь — «Собрание особенных слов, употребляемых Владимирской губернии в Покровском уезде между крестьянами», присланное «майором и кавалером» П. Ф. Горенкиным. Вслед за словарем в Трудах были напечатаны списки слов Рязанской, Владимирской, Курской, Пензенской, Вологодской, Ярославской, Тверской и других губерний (преимущественно Центральной России). Особенно многочисленными были публикации в 1821 и 1822 годах.

Словарики, присланные в Общество, различны по размерам: одни из них содержат несколько десятков, другие — сотни слов (например, «Вологодский словарь» А. Фортунатова). Главная цель большинства записей — сопоставление областных и литературных слов, поэтому основной метод толкования — краткий перевод местного слова на общественный язык: *извара* — ушат, *коцуй* — кокошник (вологодское), *баско* — нарядно, *боран* — рукомошник (ярославское). Значительно более редкий способ толкования слов в этих сборниках — развернутое объяснение, подробное описание предмета, обозначаемого словом: *душегрейка* — «платье, надеваемое женщинами на плеча сверх исподницы, а у молодых едва ребра покрывающее».

Поступавшие от разных лиц записи областных слов печатались в порядке поступления без каких-либо комментариев редакторов издания. Общество пока не имело определенной цели в отношении присланных материалов. Первая попытка составить из них и своих собственных сводный словарь русских говоров принадлежит этнографу и писателю М. Н. Макарову (1789—1847). Вся жизнь он с большим увлечением собирал простонародные слова различных губерний России. В Трудах Общества была напечатана его статья об особенностях рязанского говора; здесь же помещено рассуждение «К сочленам», в котором автор говорит о пользе собирания «провинциальных речений» и о необходимости составить из них словарь. «Такой преуговорительный словарь, — писал он, — несомненно будет полезным, а в особенности он много вспомоществует нам или другим исследователям нашим при сочинении больших или полных словарей, необходимых к обогащению

языка русского». М. Н. Макаров обратился с предложением поручить ему или другому члену Общества составить краткий словарь из присланных материалов. В этом же рассуждении он излагает и самые общие правила составления словаря. В 1826 году в «Вестнике Европы» появились первые словарные статьи областного словаря, составленные М. Н. Макаровым. Там он представил только те из местных слов, которые либо существовали в древнерусском языке и сохранились только в диалектах, либо были однокоренными с древнерусскими словами. Это слова: *батог*, *бортник*, *буйнице*, *бегленица*, *волога*, *воложно* и т. д. Словарные статьи представляли собой бессистемные этюды, имевшие целью выяснить происхождение слова, восстановить историю его жизни.

В 1846 году в журнале «Маяк» вновь появились словарные опыты М. Н. Макарова под названием «Краткий словарь народных речений», а в 1848 году, уже после смерти автора, в «Чтениях Московского Общества истории и древности российской» было напечатано окончание его словарной работы под названием «Опыт русского простонародного словотолковника».

Позднее, когда в Академии наук стали готовить первый сводный областной словарь, составители воспользовались словарными записями М. Н. Макарова. Узнав об этом, В. И. Даль, с большим недоверием относившийся к его словарной деятельности, написал в Академию, что автор допускал много ошибок в определениях слов, часто их просто выдумывал. Несмотря на ошибки, бессистемность словарных опытов, М. Н. Макаров в 20–30-е годы стремился практически разработать принципы областного словаря.

В 30–40-е годы журналы и газеты продолжают публиковать материалы по областной лексике. Интерес к «крестьянскому» языку в это время развивается в трех направлениях: во-первых, как к источнику пополнения «недостающих» в общерусском языке названий, во-вторых, как к средству изучения истории общенародного языка и, в-третьих, как к способу познания народного быта, «народной психологии». В эти же годы крестьянская речь начинает привлекать внимание не только как материал языкознания и этнографии, но и литературных произведений. Областные слова собирают многие писатели. А. С. Пушкин изучал простонародную крестьянскую речь. Начиная с 30-х годов, собирал простонародные, старинные и малоупотребительные слова Н. В. Гоголь. По его совету записывал слова К. С. Аксаков (все свои словарные материалы он передал позднее в Академию). Собирали областную лексику также И. С. Тургенев, Н. А. Некрасов, Д. В. Григорович и другие.

В 30–40-е годы выходят книги, посвященные народному быту и народному творчеству: «Русские в своих пословицах», «Русские

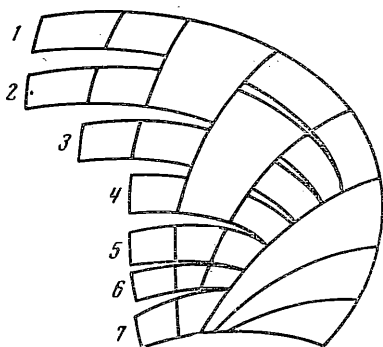
народные пословицы и притчи» И. М. Снегирева, «Сказания русского народа», «Песни русского народа» И. П. Сахарова, «Русские народные песни» П. В. Киреевского и т. д. В это же время два научных учреждения России обратились к систематическому и планомерному сбору материалов по русской диалектологии. Первенство принадлежит Академии наук, начавшей в 1845 году соби- рание областной лексики, которое завершилось в 1852 году вы- ходом в свет первого областного словаря — «Опыта областного ве- ликорусского словаря». Ф. И. Буслаев в своей рецензии рассма- тривал его как достойное выполнение завещания М. В. Ломоно- сова, предполагавшего написать работу о диалектах.

Почти одновременно с Академией наук к сбору сведений по русской этнографии, включая народный язык, приступило органи- зованное в 1845 году Русское географическое общество. Областные слова, собранные им, во многом дополнили знаменитый Толковый словарь В. И. Даля.

Л. И. БАЛАХОНОВА

ЗАНИМАТЕЛЬНАЯ РУСИСТИКА

Подумайте и ответьте!

Заполните клетки данной схемы буквами так, чтобы получились следующие названия: 1. Кондитерское изделие из миндального теста. 2. Крикун. 3. Цветок. 4. Род крышки, прикрывающей отверстие в каком-либо механизме, через которое проходит пар, жидкость или газ. 5. Древний ударный музыкальный инструмент. 6. Органическое соединение, применяемое в смеси с бутаном как бытовое топливо или горючее. 7. Старинная верхняя мужская одежда украинцев, поляков.

Общая часть всех этих слов (три последние буквы) представляют собой самостоятельное слово — название господина. Это сходство — факт случайный, не являющийся следствием родства этих слов.

Ответы на стр. 111

Слово ПОЛЬЗА в XVIII веке

Широкое бытование слова *польза* в письменной речи XVIII века было обусловлено обращением Петра I к теории «общего блага», которую он провозгласил руководящим принципом как своей законодательной деятельности, так и практической политики. Согласно этой теории, сформулированной впервые голландским мыслителем Гуго Гроцием и немецким юристом Пуффендорфом, ценность человека, в том числе монарха, определяется той пользой, которую он приносит отечеству. В манифесте 1702 года Петр обещает, например, так управлять государством, чтобы «все наши подданные попечением нашим о всеобщем благе более и более приходили в лучшее и благополучнейшее состояние», а в речи по поводу Ништадского мира 1721 года он внушает слушателям, что «надлежит трудитца о пользе и прибытке общем».

В произведениях первой половины XVIII века (в первую очередь, публицистических и драматургических как непосредственно обращенных к аудитории) значение слова *польза* всегда является синонимичным *общественному благу* (общая польза), *отечеству* (польза отечества), *государству, России*. В таком же значении выступают прилагательное *полезный* и глагол *пользоваться*, которые должны раскрыть читателю идеалы абсолютистского государства.

Термин *польза* и производные от него являются излюбленными лексическими средствами, с помощью которых создаются образы политических деятелей, в первую очередь царей. Так, Феофан Прокопович в «Слове, сказанном во время присутствия его царского величества, по долгом странствии возвратившегося» (1717), утверждает, что у Петра Великого была «единая несытость еже бы паче и паче Россию пользовати». В «Духовном регламенте» публицист повторяет, что вновь принятые законы царь «на пользу отечества державы своя уставил». Для писателя при этом равно-

значны понятия «польза людская», «польза в народе», «польза отечества» и «польза его величества».

Мысль о необходимости труда монарха для «пользы общей» находит соответствующее словесное оформление в пьесе Исаакия Хмарного «Образ победоносия» (1728). Мы узнаем, что Екатерина I «сыновом всем российским щедра и полезна»; «престолу российскому zelo преполезным» является пятнадцатилетний Петр II, и даже библейский царь Езекия, также действующий в пьесе, обещает радеть о благе подданных и того же требует от своих советников:

Хочу с прилежанием днес распространяти,
В царствии же нашем благо сочиняти,
Требую от вас сего, дабы спомогали,
Еже есть всем на ползу согласны бывали.

«Победителем, отечеству полезным» называет Елизавету Петровну автор пьесы «Образ торжества российского» (1742). А в произведении тверского семинарского театра «Декламация к высочайшему дню рождения» (1745) слово *польза* включено даже в характеристики царей древнего мира: так, оказывается, что Веспасиан «мысль к ползе око на вся бдяше», Максимилиан стремился «вырастить» «плод в ползу государства», Август же «на ползу народа Рим украси». Тем более закономерны пожелания, «дабы всегда Россия... была ко всем трудам полезным прилежна», чтобы прожила «множество лет... да в ползу России» современница автора Елизавета Петровна.

Публицисты и драматурги не ограничиваются, однако, лишь утверждением необходимости приносить пользу обществу, но конкретизируют это общее понятие, давая как бы толковый комментарий к слову. Быть «полезным» отечеству, с точки зрения идеологов петровской политики, значит прежде всего заботиться о научном и промышленном развитии страны. Так, Феофан Прокпович, начиная перечислять заслуги Петра I с вопроса «хочем ли видеть пользу?», говорит далее о той реальной выгоде, которую принесли государству учреждение коллегий, строительство заводов и мануфактур, открытие «врачевских аптек», «домов монетных», «бумажных мельниц» (Слово на похвалу блаженныя и вечнодостойныя памяти Петра Великого).

Писатели говорили о необходимости изучать опыт других народов, делая его достоянием своей страны. В тверской «Декламации» читаем, что Петр

Пойде в чужды не без нужды государств пределы,
да то точно, самоочно увидевши дела,
Что ум зрелы, полн умили, принял за полезно.

Политическим наказом радеть о благе общества обращивается в «Стефанотокосе» монолог Европы, гордящейся «всяким добром», ее наполняющим:

... Во мне народом пользы прозябают;
Домы и грады красной где архитектуры,
Моя созда десница; аще ж меркатуры
Размножить кто хочет к общей царства пользе,
Научу в мало время.

В таком же плане используется слово *польза* и в рассуждениях о войнах: признается война, «нужная», «полезная» отечеству, и отвергается бессмысленный захват чужих территорий. Характерно при этом лексическое окружение данного термина, подчеркивающее его идейную направленность. *Польза* обычно соседствует со словами: труд, трудолюбие, новый, честь, слава.

Польза в значении 'общее благо' живет в сочинениях русских писателей на протяжении всего XVIII столетия. Оно созвучно вкусам классицистов, стремящихся нарисовать образ идеального правителя, работника на троне, и призывающих сограждан служить принципам просвещенной монархии.

Очень часто слово *польза* и производные от него встречаются в сочинениях М. В. Ломоносова. Это и польза, приносимая конкретными научными знаниями, и общее благо, как оно понимается в данную эпоху. Красноречивы заголовки трудов Ломоносова: «Письмо о пользе стекла», «Предисловие о пользе книг церковных в российском языке», «Краткое руководство к риторике на пользу любителей сладкоречия», «Слово о пользе химии». Поэту принадлежит афоризм «Для пользы общества коль радостно трудиться!». А. Д. Кантемир в сатире «О воспитании» ставит перед родителями задачу вырастить своих питомцев людьми, полезными родине:

Главнo воспитания в том состоит дело,
Чтоб сердце, страсти изгнав, младенчее зрело
В добрых нравах утвердить, чтоб чрез то полезен
Сын твой был отечеству.

Начиная с 60-х – 70-х годов, когда в активный творческий процесс включается ряд представителей русского просвещения, понятие *пользы* переосмысливается. Д. И. Фонвизин, Н. И. Новиков, И. А. Крылов и их единомышленники под «общественным благом» подразумевают не процветание абсолютистского государства, а исправление социальных неустойчивостей с помощью обличительного слова. *Польза* как 'исправление' встречается уже в «Эпистоле о стихотворстве» классициста А. П. Сумарокова:

Комедией писец исправить должен нрав,
Смешить и пользоваться прямой ее устав.

Глагол *пользовать* употреблен здесь в смысле 'излечивать'. Этот дополнительный оттенок подчеркивает критическую направленность комедий писателя.

В чрезвычайно выразительный контекст поставлено слово *польза* в предисловии к первому номеру журнала «Трутенъ» Н. И. Новикова. Задавая вопрос, к чему писатель «потребен в обществе», чем бы он «мог оказать хотя малейшую услугу отечеству», Новиков приходит к выводу, что должен «принести пользу своим согражданам» изданием журнала, в котором будут печататься «особливо полезные сочинения». Таковыми, с его точки зрения, являются «сатирические, критические и прочие ко исправлению нравов служащие». Именно так осмысливают понятие «пользы» и издатели журнала «Смесь»: в литературном произведении, по их мнению, должно быть «меньше увеселения, но больше пользы», последняя же достигается выведением «пороков без околичностей». К числу особенно «полезных» книг отнесена «Тилемахида» В. К. Тредиаковского, в которой содержатся многочисленные выпады против царей. Одновременно журнал предлагает читателю решить задачу: «Кто полезнее обществу, простой ли мещанин или превосходительный Надмен»; утверждает, что крестьянин может «мыслить основательно о многих полезных вещах».

В произведениях русских сатириков второй половины XVIII века понятие государственной пользы, сформулированное впервые в документах петровского времени, теряет свой дидактический смысл и приобретает иронический оттенок. Издевательски звучит выражение *общая польза* в реплике Советника из «Бригадира» Д. И. Фонвизина: «Челобитчик толкует указ на один манер, то есть на свой, а наш брат, судья, для общей пользы, манеров на двадцать один указ толковать может».

С большой изобретательностью использует этот термин И. А. Крылов в «Почте духов», «Каибе», «Похвальной речи в память моему дедушке», повести «Ночи». Полное несоответствие того содержания, которое было заключено для читателей в понятие «польза», с крыловским контекстом создавало комический эффект и являлось средством разоблачения самодержавно-крепостнической действительности. Такова, например, характеристика галломана, выдающего себя за русского патриота: «Вельможа, одетый с ног до головы во французский глазет и убранный по последней французской моде, защищал пользы отечества». Иронический подтекст явно обнаруживается в рассуждении о благородстве происхождения, которое на поверку оказывается не более «полезным», чем лакейская ливрея: «Грамоты предков наших явно всем доказывают, что кровь, протекающая в наших жилах, издавна преисполнена была усердием к пользе своего отечества, а наши ливреи

и экипажи неложно доказывают важность наших чинов в государстве». Крылов охотно употребляет слово *польза*, рисуя картины разорения страны представителями господствующего класса: самая «полезная мода.., чтоб челобитчики ходили полунагие, а судьи в богатых платьях». Замечателен диалог между посланцем потусторонних сил гномом Зором и купцом о том, «какую может принести пользу государству» дороговизна: «Польза очень не мала, сударь.., нас почитают богатыми, потому что мы за безделицы платим дорого», знатные господа, одетые в драгоценности, «подают великое мнение иностранным о своей знаменитости». «Вред же почти неприметен», — он состоит лишь в том, что «мужики иногда умирают с голоду», — замечает купец (Почта духов). В «Кайбе» и «Похвальной речи в память моему дедушке» сатирик рисует портреты «полезных» для отечества людей. В первом произведении это визири Дурсан, Грабилей и Ослашид, во втором — русский помещик, который, «наблюдая пользу поселян», истребил в своих владениях всех зайцев, а заодно с ними и крестьянские посевы.

Революционный гражданский смысл вкладывает в слово *польза* А. Н. Радищев, не только многократно повторяющий его на страницах «Путешествия из Петербурга в Москву» и других сочинений, но и дающий его социологическое истолкование. Радищев сомневается, что современное ему дворянство «полезно государству», он иронически употребляет знакомое словосочетание, когда пишет о самодержавии и религиозном мракобесии, которые

Союзно общество гнетут,
Одно сковать рассудок тщится,
Другое волю стертъ стремится,
На пользу общую, рекут.

Подобное семантическое осмысление существительного *польза* делает логически оправданным появление рядом с ним прилагательного *бесполезный*: «бесполезна делателю, бесполезна и обществу нива», на которой из-под палки работает закрепощенный крестьянин; «бесполезны обществу» огромные здания, построенные рабами по приказу «кичливых властителей»; «бесполезна цензура», лишаящая читателей многих книг; «вещь, бесполезная для человека», — неравный брак. Бесполезным, таким образом, оказывается весь самодержавно-крепостнический строй, лицемерно провозгласивший «общую пользу» основой своего существования.

Радищев утверждает понятие «пользы» с позиций идеолога крестьянской революции. «Беспредельная польза вольности», «польза быть гражданином», «польза гражданского звания» есть не что иное, как осуществление «равенства подобных нам», завоевание для «земледельцев» возможности трудиться «без принуждения». «Общая польза», считает писатель, может быть достигну-

та лишь там, где власть принадлежит революционному народу:

Возникла обща власть в народе,
Соборный всех властей удел.
Ей общество во всем послушно,
Повсюду с ней единодушно,
Для пользы общей нет препон.

«Наипольнейшими членами общества», по Радищеву, могли бы стать крестьяне, если бы помещики не превратили их в «тяглый скот».

По сравнению с другими авторами слово *польза* поставлено Радищевым в совершенно новое лексическое окружение. С ним соседствуют, с одной стороны, *свобода, равенство, гражданин, общество, право, воляность*; с другой — *порабощение человека, клеймо полицейское, общественный злодей, зверство, мучитель, жестокосердый помещик*.

В произведениях сентименталистов слово *польза* теряет свое гражданственное смысловое наполнение и становится синонимом «приятного», приносящего «удовольствие». Так, известный поэт конца XVIII века И. И. Дмитриев в лирической заметке «Время» призывал «проводить» жизнь «с пользой для наших ближних», а это значит «стараться уменьшать наши грусти, жить весело, с удовольствием и для себя, и для подобных нам». Характерно словосочетание *полезное увеселение*, давшее название одному из журналов М. М. Хераскова, стоявшего у истоков сентиментализма.

Знак равенства между «полезным» и «приятным» ставится часто в «Письмах русского путешественника» Н. М. Карамзина. Книги, издаваемые Французской Академией, по его мнению, «полезны для ученого и приятны для любопытного». Русский автор «с великим удовольствием и пользою» читает сочинения философа Боннета. «Пользу» от посещения немецкого города Веймара путешественник отождествляет с «удовольствием видеть» поэта Виланда. Если идеологи абсолютизма провозглашали главным смыслом жизни «пользу государства», если для Радищева «общая польза» ассоциировалась с освобождением угнетенного народа, то сентименталисты, обратившие взор к внутреннему миру человека, призывали не забывать о пользе отдельного, частного лица.

В произведениях писателей XIX века слово *польза* теряет свою терминологическую окраску и становится обычным нейтральным речевым средством. Однако, будучи ограниченной рамками даже XVIII столетия, история его употребления очень поучительна, так как дает дополнительный материал об идейно-эстетических взглядах и вкусах русского общества, о развитии литературного языка.

Кандидат филологических наук
А. С. ЕЛЕОНСКАЯ

ДЕСНЫЙ И ПРАВЫЙ

Слова-ориентир
в книгах
Древней Руси

Увидев название статьи, читатель спросит: «Но разве есть в языке слова-ориентир?». Да. Так образно могут быть названы известные нам со школьной скамьи наречия места: вблизи, вдали, вверху, внизу, спереди, сзади, справа, слева. Они указывают на местоположение предмета в какой-то точке пространства. Слова: *на восток, на запад, прямо, влево, вправо* — указывают направление. Обратите внимание на знаки в метро. На некоторых станциях для ориентации применяют два знака: иногда направление определено нарисованной стрелкой, иногда словами *налево, направо*. Оба вида знаков выполняют одну и ту же задачу: указывают, в каком направлении двигаться.

Для нашего современника кажется делом обычным употреблять слова: *правый, справа, вправо, на правой стороне, придерживаться правой стороны* и т. д. Эти слова одинаково употребляются в любой разновидности языка, потому что синонима у них нет. В языке же периода XI—XVII веков иногда один и тот же письменный памятник употребляет два слова: *десный* и *правый*: «...Исполчивше [собрав] дружину поядоша. и идыше на десныи сторонѣ Святополкъ. на шюеи [левой] Володимерь...» (Лаврентьевская летопись 1377 г., под 1093 годом); «Ярославъ... исполчи дружину и постави Варягы посредь. а на правыи сторонѣ Кыяне... [Киевлян]» (там же, под 1036 годом). Слова *десный* и *правый* употребляются в значении 'занимающий место сбоку, в удалении от центра'.

Как же употреблялись они в одном и том же пространственном значении? Сравнивая порядок расположения значений у слов *десный* и *правый* в «Материалах для словаря древнерусского язык-

ка...» И. И. Срезневского, увидим, что у слова *десный* пространственное значение находится на первом месте, а у слова *правый* — на самом последнем, семнадцатом месте. В «Словаре современного русского литературного языка» в 17 томах то же самое значение у слова *правый* находится уже на первом месте. Наоборот, тех же значений, которые находились на первых местах в «Материалах для словаря древнерусского языка по письменным памятникам» И. И. Срезневского, в «Словаре современного русского литературного языка» или совсем нет, или отодвинуты на второй план, как менее употребительные непространственные значения, проявляющиеся в выражениях типа: разберись, кто прав, кто виноват; считать себя правым; правое дело; правый суд и другие.

Что скрывается за различным порядком расположения значений в словарях? Почему в книгах Древней Руси с одним и тем же значением употребили два слова? «Материалы для словаря древнерусского языка...» И. И. Срезневского отразили словоупотребление, характерное для эпохи XI—XVII веков, когда различные письменные памятники, в особенности же церковнославянские, использовали слово *правый* в основном в непространственных значениях. Типичными были сочетания: *путь правый* (правильный, верный), сравните: «...Оставихомъ [оставим] правый пут(ь)... шествуемъ развѣрщеннымъ путемъ. хуляще ближняго» (Пандекты Никона Черногорца); *правая церковь* (православная) (Хроника Георгия Амартола. XIII—XIV вв.); *вѣра правая* (истинная, православная) (там же); *духъ правый* (святой) (Житие Варлаама и Иоасафа. XIV—XV вв.); *смысль правый* (истинный) (там же); *судъ правый* (справедливый) (там же); *житие правое* (праведное) (Пандекты Никона Черногорца. XIV в.); *слово правое* (верное, истинное) (там же); *цѣна правая* (истинная) (там же); *гневъ правый* (справедливый) (Хроника Георгия Амартола. XIII—XIV вв.); *воля правая* (твердая) (там же); *свѣсть правая* (чистая) («Материалы для словаря древнерусского языка...» И. И. Срезневского); *право* — это также 'правдиво': «Что польза отъ лъжи [лжи] лъжущимъ... аще [если] и право молвать то не имуть [не будет] имъ вѣры» (Пчела. XIV в.); *право* (прямо): «[У пьяного]... голова же не могути в раму [на плечах] право пребывати. семо и овамо [туда и сюда] преклаеться [наклопается]» (Пролог. 1383 г.).

Когда же нужно было передать понятие о пространственном расположении чего-, кого-нибудь сбоку, движении вбок, о наклоне предмета или человека в правую сторону (набок), правую сторону самих предметов или органы правой стороны человеческого тела, то в этом случае книги, написанные церковнославянским языком, употребляли уже не слова *правый*, *направо*, *на правой стороне*, а слова *десный*, *надесно* (направо), *одесную* (направо и спра-

ва), *от десныхъ стороны* (с правой стороны). Десное рамо (плечо), десное око, десное бедро, десное ребро (Хроника Георгия Амартола. XIII—XIV вв.); десная сторона трапезы (Устав Студийский. XII в.); десная сторона олтаря (алтаря), попове (попы) десныхъ стороны (там же); десный брегъ (Пандекты Никона Черногорца. XIV в.); десный уголь (Синайский патерик. XI в.). В церковнославянских рукописях типичны сочетания: поставит одесную (Житие Варлаама и Иоасафа. XIV—XV вв.); състи одесную (Пандекты Никона Черногорца. XIV в.); стоять... одесную (Устав Студийский. XII в.); стояти... на десныхъ сторонъ (там же); стъна одесную (Житие Варлаама и Иоасафа); мѣсто одесную (Пролог. 1383 г.); отклониться... одесную (Палей. 1406 г.); не уклонися... надесно (Мерило праведное. XIV в.); глядаше... надесно (Сборник Чудова монастыря. XIV в.); олтарь... преклоншася [наклонившись] на десную страну [сторону] (Сборник Троицкой лавры № 9. XIV в.).

По присутствию слова *десный* можно догадаться, что книга церковная, а если и не церковная, то передает евангельское содержание. Употребление этими книгами для обозначения стороны, места, направления, расположения только слова *десный* вызвано двумя важными обстоятельствами. С одной стороны, на страницах евангельских книг, в обращении к богу были неуместны элементы бытовой разговорной речи (см.: И. С. Улуханов. Разговорная речь Древней Руси — «Русская речь», 1972, № 5). Но именно в бытовой речи и употреблялись для ориентации слова: *правый, направо, на правой стороне* (обозначая иногда органы правой стороны тела у пещестивцев). Примеры находим в русских летописях: «повель... яко [как] злодѣю и еретику и руку правую утяти [отсечь]... зане [за то, что] хулу измолви на Святую Богородицу...» (Лаврентьевская летопись. 1377 г., под 1169 годом). С другой стороны, *десный* — слово сугубо книжное, входившее в круг церковных слов, призванных отделить небесный мир Христа от мира земного, якобы греховного. *Десная рука* — только у праведника, ибо такова же она якобы и у бога: «десная рука святого духа [бога]» (Пандекты Никона Черногорца, 1296 г.). Его употребление в языке Древней Руси возродилось под влиянием старославянских книг, где оно находилось издавна. Древнерусский книжник, воспитанный на глубоком уважении к церковному тексту, свято хранил и продолжал традицию употребления евангельских слов. Священный ореол простирался и над словом *десный*. Ведь оно не только всегда соседствовало с именем Христа, но выступало и в качестве его имени, одновременно указывая его место в мифической Троице: «Цѣсаревъ сынъ съ десныхъ стороны» [бога-отца сын с правой стороны] — это и есть Иисус Христос (Житие Варлаама и

Иоасафа), он же есть и «сѣдѣи одесную» [сидящий справа] (Пандекты Никона Черногорца). Последнее название возникло из глагольного сочетания «сѣдѣ одесную отца» [сидит по правую руку бога-отца] (Палей. 1406 г.). Слово *десный* было обязательно при описании местонахождения рая, как половины небесного царства Христа: «Да изидемъ на вѣстокъ ли. или на западъ. или въ ран. надесно. ли или налѣво. иде же суть [где] великыя муки...» (Сборник Троицкой лавры № 12. XII–XIII вв.); «И мене оканьного [несчастного] примете яко да обрящетеся [когда же окажетесь] в деснемъ Христовом стоянии [раю]» (Огласительные поучения Феодора Студита. XIV в.); «Сподобися... стати одесную сына божия [заслужи райскую долю]» (Житие Варлаама и Иоасафа).

Церковный этикет строился на культе *десной стороны*, а он, в свою очередь, восходит к местонахождению Христа на правой стороне в Троице. По легенде, тело Христа якобы лежало на *десной стороне* «печеры» (подземелья под монастырем), и захоронения святых тоже были на *десной стороне* церкви: «На десныи странѣ [стороне]... положен быс [был]... Святый Николае» (Сборник Троицкой лавры № 9. XIV в.) Первенствует *десная сторона* и в литургии (церковной службе). Для обряда целования креста «прѣди [сначала] исходить игуменъ от десныи стороны» (Устав Студийский. XII в.). При наложении рук в перекрест *десная рука* должна быть сверху левой. В описаниях различных чудес *десная сторона* тоже священна: «И стоящу отроку опуюю Патрикия. и отвращашеся Образъ Владычьнь отъ Патрикия [когда стоял отрок слева, отвернулась Богородица от Патрикия]... постави отрока одесную себѣ и пакы обращаеся Образъ и зряше къ отроку [поставил же отрока с правой стороны от себя, повернулась Богородица и взглянула на отрока]» (Лобковский пролог. XIII в.). Когда слова *надесно* и *нашею* или *налѣво* стоят рядом, то, как правило, первое предшествует второму, но не наоборот.

Слова *направо*, на *правой стороне* не имеют широкого распространения в письменных памятниках XI–XIV веков. Так, в картотеке Словаря древнерусского языка XI–XIV веков (находится в Институте русского языка АН СССР) собрано 545 примеров, относящихся к употреблению слов *правый*, *право* в различных по содержанию письменных памятниках той эпохи. Из них 528 примеров приходится на употребление в значении 'истинный, настоящий, правильный, справедливый, праведный, верный, святой' и т. д. в выражениях: путь правый, стезя правая, судъ правый, вѣра правая и т. д. И только 17 раз *правый* употребляется в значении 'находящийся справа': правая рука, правая сторона и т. д. Характерно, что и в древней Руси расположение чего-то (кого-то) справа, на правой стороне, поворот в правую сторону

обозначали рядом знакомых нам сочетаний: по правую руку, на правой стороне, на правом крыле, направо. «Пѣшьць [пеших воинов]... постави... на правѣмъ крильѣ» (Лаврентьевская летопись, 1377 г., под 1096 годом); «И начаша ставити полкы. Пльсковичи [псковичи] же сташа по правой руцѣ [руке]..., а по лѣву [слева] ста [стал] Михаило...» (I Новгородская летопись, XIII–XIV вв., под 1268 годом); «Володимиръ... увороти коня направо...» (Ипатьевская летопись, около 1425 г., под 1147 годом). Как видим, слово *правый* употребляется при описании реальных исторических событий, особенно военных действий. Такие примеры единичны, но они важны. Если слова *правый*, *направо* мало были распространены в языке книг Древней Руси, то в живой устной речи они скорее всего употреблялись также, как и сейчас. Благодаря летописям знаем, что только в устной речи было распространено слово *по праву* ‘справа, на правой стороне’, ибо больше ни один памятник его не употребляет: «Постави Гюрги сыны своя по праву. а Святослава... по лѣву...» (Ипатьевская летопись, под 1148 годом); «Княне [киевляне]... и на конѣхъ и пѣши... сташа [стали]... по праву» (там же, под 1151 годом); «Игоревъ полкъ середѣ. а по праву брата его... а по лѣву... сыновця [племянника]» (там же, под 1185 годом). В Древней Руси значительно меньше создавалось книг о реальной жизни, чем о боге и вере. Слова *правый*, *направо* и т. д. не всегда могли употребляться и в русских летописях, так как рамки их распространения сужались широким использованием слова *десный*. Летописец придерживался литературного этикета и, переходя от описания реальных событий, бытовых сцен к описанию церковной жизни, пересказу евангельского содержания, он оставлял слова *правый*, *направо* и употреблял *десный*, *одесную*: «Показа Володимеру запону [завесу]. на неи же бѣ [было] написано Судище Господне. показываше ему. одесну праведныя. в весельи предъидуца въ рай. а опшоюю грѣшники идуща в муку ...аще хочещи одесную съ праведными стат (и). то крести ся [себя]» (Лаврентьевская летопись, под 986) годом, или рассказ о местонахождении Христа: «Въскресь [воскрес]... на небеса взиде [взошел] и съде одесную Отца» (там же, под 988 годом).

Итак, мы видим, как резко разделены по употреблению *десный* и *правый*. Слова существуют в одну и ту же эпоху, но они не подменяют, не сопровождают и не дублируют друг друга. Два слова — два мира: реальный, земной и небесный. Но именно так различали словоупотребление *десный* — *правый* в языке Древней Руси.

И. Ф. МАЗАНЬКО

ЛАЙКА — сорт мягкой кожи

В современном русском языке известны слова-омонимы: *лайка* 'порода охотничьих северных собак' и *лайка* 'особый сорт мягкой кожи' (именно так толкуется *лайка* в Толковом словаре Д. Н. Ушакова). Происхождение *лайка* в первом значении достаточно прозрачно: *лайка* как обозначение породы собак образовано от глагола *лаять*. А какого происхождения *лайка* — название сорта мягкой кожи? Нередки случаи, когда слова с одинаковым звучанием, но разными значениями, рассматриваемые в современном языке как омонимы, тождественны по происхождению, то есть восходит к одному и тому же древнему слову, например: *наряд* 'одежда' и *наряд* 'распоряжение'. Аналогичное соотношение предполагается для слова *лайка* 'сорт кожи': считается первичным значение 'дубленая собачья кожа' и соответственно принимается гипотеза о родстве со словом *лайка* 'порода собак'. Эту точку зрения предлагают этимологические словари русского языка А. Преображенского, М. Фасмера (хотя автор выражает сомнение, «правильно ли?»), Н. М. Шанского, В. В. Иванова, Т. В. Шанской. При этом А. Преображенский передает данное толкование как мнение В. И. Даля. И действительно, в «Толковом словаре живого великорусского языка» В. И. Даля в статью *лаять* включены и *лайка* 'собака', и *лайка*, 'мягкой выделки собачья шкура'.

Обозначение сорта кожи по тому животному, шкура которого используется для выделки данного сорта, — явление обычное. Например, в английском языке сорт кожи „лайка“ обозначается словом *kid*, но *kid* имеет первичное значение 'козленок'. Сочетание в одном слове этих двух значений объясняется тем, что шкурки козлят используются для получения лайки. Но действительно ли лайка выделывается также из собачьих шкур? Дело в том, что существующие работы по истории кожевенного производства, перечисляя возможные виды сырья для выделки лайки, как правило, не упоминают собачьи шкуры. Единственный источник, указывающий, что, помимо шкур барашков и козлят, для выделки лайки используются «также и собачьи шкуры», — это Энциклопедический словарь издательства «Гранат» (7-е изд., статья «Кожевенное производство»). Следовательно, если собачьи шкуры и применялись в лаечном производстве, то они ни в коем случае не были основным сырьем. Свидетельство Даля о том, что лайка — это собачья шкура,

пе является в данном случае безусловно надежным, поскольку в толковании значения слова могла отразиться точка зрения автора на его происхождение (родство с *лайка* 'собака'). Все это делает весьма сомнительным предположение об образовании *лайка* 'сорт мягкой кожи' от *лайка* 'порода собак'.

При истолковании слова *лайка* 'сорт кожи' обычно исходят из того, что оно собственно русское, в других языках не представленное. Но это не так. Русскому *лайка* точно соответствует польское *łajka* со значением 'особый сорт замши' (по диалектам и 'телячья или козловая кожа, обработанная по способу лайкового дубления') (Словарь польского языка. Варшава, 1902). Правда, составители Варшавского словаря считают польское *łajka* заимствованием из русского. Но вопрос о направлении заимствования подлежит, на наш взгляд, дополнительному обсуждению. При этом полезно обратиться к истории и специфике производства лайки.

Весьма обстоятельно и обоснованно излагается история русского кожевенного дела в книге Г. Поварнина «Очерки мелкого кожевенного производства в России» (Ч. I. История и техника производства. СПб., 1912). Описывая производство лайки, автор характеризует особенности лайкового дубления. Они заключаются в применении так называемого лаечного обжора, то есть «обработки кожи тестом из пшеничной муки, квасцов, соли и яичного желтка» или «квасцов, жира и муки». Этот прием обработки кожи, вероятно, очень древнего происхождения. Автор высказывает предположение, что лайковое дубление «появилось у арабов, во всяком случае вблизи Средиземного моря», откуда оно было перенесено в Западную Европу, а в Россию выделка лайки была принесена с запада мастерами крупных заводов не ранее, чем при Петре I. Вырабатывалась лайка только на больших предприятиях, из них упоминаются подмосковный (в деревне Языково) завод Шалашникова, заводы в Варшаве и Петербурге. В XVI—XVIII веках и раньше отмечается влияние западного производства на Украину. О производстве и названии лайки Г. Поварнин замечает: «Лайка в России, быть может, немецкого происхождения». С его исследованием согласуются и краткие сведения из «Энциклопедии промышленных знаний» (СПб, 1903). Здесь указывается тот же состав лаечного дубления (квасцы, соль, желтки, мука) и западные источники русского производства лайки.

Итак, выработка лайки была усвоена в России в XVIII веке (этому соответствует — по данным 17-томного «Словаря современного русского литературного языка» — фиксация слова *лайковый* в Лексиконе 1762 года). Способ выделки кож этого типа принесен с запада, возможно из Германии; еще раньше, чем в России, влияние западного производства отмечается на Украине; один из первых крупных заводов, вырабатывавших лайку, находился в Варшаве.

Следовательно, можно предполагать, что освоение лаечного дубления в России шло через посредство польских заводов. В таком случае возможно заимствование из польского языка и названия кож, обработанных этим способом.

Это предположение может быть подкреплено и лингвистическими соображениями. Дело в том, что в польском языке *łajka* к к кожевенный термин имеет вариант *łojka*. Если на русской почве *лайка* 'сорт кожи' не находит надежного этимологического объяснения, то в польском вариант *łojka* помогает нащупать некоторые следы генетических связей. Есть в польском языке глагол *łoić*. Он образован от существительного *łój* 'жир, сало' и имеет значение 'мазать жиром'. Кроме того, употребляется он в устойчивом сочетании *łoić komu skórę* (где *skóra* 'кожа, шкура'), которое значит 'бить кого-либо, колотить, лупить'. Синонимом глагола *łoić* в этом выражении является *garbować*: *garbować komu skórę*. Исконное же значение глагола *garbować* — 'дубить': это заимствование немецкого *gerben* 'дубить'. Наконец, и в немецком языке есть выражение *jemandem das Fell (= das Leder) gerben* 'бить кого-либо' (дословно 'дубить кому-нибудь кожу'). Очевидно, польское *garbować komu skórę* является калькой немецкого фразеологизма. Синонимия же польских слов *łoić* и *garbować* в составе сочетания со *skórę* позволяет предположить, что *łoić* также когда-то имело значение, близкое к 'дубить', было термином кожевенного производства. Поскольку *łoić* образовано от *łój* 'жир' и употребляется в значении 'мазать жиром', можно думать, что и в кожевенной терминологии *łoić* обозначало процесс, связанный с жировой обработкой кожи. Жирование, или жировое дубление, характерно и для выработки замши. Следовательно, *łoić* могло относиться к замшевому и лаечному дублению. И соответственно два сорта кожи — лайка и замша — обозначаются в польском языке словом *łajka/łojka*. Поэтому представляется вполне вероятным, что *łojka* было образовано от *łoić*.

Затруднения возникают при объяснении другого варианта названия мягкой кожи в польском — *łajka*, с его корнем *a*. Возможно, этот вариант возник в двуязычной польско-русской среде на польских кожевенных заводах в кожевенной связи с русско-белорусским аканьем или как результат контаминации (смешения) первичного *łojka* с русским *лайка* 'порода собак', которое заимствовано польским языком. Из Польши в Россию был перенесен, естественно, лишь один вариант названия кожи — *лайка*, как наиболее прозрачный вследствие ассоциации с *лайка* 'порода собак'. У этого кожевенного термина *лайка* сохранилось лишь одно значение — 'кожа, выдубленная лайковым дублением', так как для кожи, обработанной жировым дублением, уже был другой термин —

В Издательстве «Наука» в 1974 году выходит книга В. А. Никонова «Имя и общество». Несколько глав в ней посвящено русским фамилиям, их семантике и происхождению, формам и географии. Предлагаем читателям статью по материалам этой книги.

ЧТО ЗНАЧИЛИ РУССКИЕ ФАМИЛИИ

Каких фамилий только нет: Пятеркин, Двойкин, Супов, Слюнтяев, Тряпкин-Самоед, Пупков и Перещупов! В фамилиях различных лиц, Порою нам знакомых, Звучат названия рыб и птиц, Зверей и насекомых...

М и х а л к о в.
Смешная фамилия

Повторяя распространенное мнение, польская антропони- мистка М. Каминская утверждает: «Каждое нарицательное сло- во могло стать фамилией». Для моего «Опыта словаря русских фамилий» («Этимология. 1970», М., 1972) собраны больше 100 ты- сяч фамилий, но нет ни одной от таких слов, как *окно*, *лампа*, *луна* (Лунин — от *лунь*). Семан- тика фамилий не так разнород- на, как кажется. Но анализ ее очень труден.

Сначала о малых трудно- стях. За 2—3 сотни лет своего существования русские фамилии успели измениться и стали не- похожими на те слова, от кото- рых произошли. Фамилия Виш- няков не связана с вишней: пер- воначально *вешняков* — сын ве- шняка, уходившего весной в мо- ре на рыбный промысел. Так и Дорожкин: не от *дорожка*, а из прилагательного *дорошкин*, то есть сын Дорошки (из личного имени Дорофей, как Тимофей — Тимошка, Ерофей — Ерощка). И Мамонтов — не потому, что его предок охотился на мамон- тов или был похож на мамонта, а от личного имени Момонт, ко- торое еще в начале прошлого столетия было не единичным у русских крестьян. В документах встречаем фамилии Страханцев (из Астраханцев), Сенофонов (из Ксенофонов) и т. п. Муж- ское имя Евстафий породило не- сколько десятков фамилий: Ас- тафьев, Осташкин, Стафеев, Ста- хеев и многие другие.

Изменялись или даже исче-

зали слова, от которых образованы фамилии. Теперь уж пет слова *берсень* 'крыжовник', но живет фамилия Берсенев. Фамилия Волокитин вызывает ассоциацию с бюрократической волокитой, но еще в начале нашего столетия *волокига* — 'любитель ухаживать за женщинами'; фамилия же возникла из более раннего слова *волокигин* — 'сын волокиты', то есть работника, волочащего борону. Первый Анохин — анохин сын (или внук); Аноха — производная форма от имени Ануфрий, но та же форма стала прозвищем *аноха* 'простофиля', и нельзя решить, возникло ли отчество из имени или из прозвища.

Но даже все такие трудности, знакомые и при анализе нарицательных слов, малы по сравнению с особыми трудностями, которые возникают при этимологическом анализе русских фамилий. Казалось бы, русские фамилии этимологически доступны: ведь они почти все не старше 200—300 лет. Но именно кажущаяся простота всего опасней для науки. Соблазняя не только любителей, но и серьезных ученых, она уводит на ложный путь.

Даже берущимся писать о русских фамилиях кажется, будто фамилии Зайцев, Мухиц, Князев образованы от слов *заяц*, *муха*, *князь*. За анализ фамилии выдают школьную сортировку их «по животным», «по насекомым», «по сословиям». Но каково на самом деле этимологическое значение фамилии Зайцев? Был ли предок Зайцевых охотником за зайцами, любил ли зайчатину или казался похожим на зайца? Нет. Первый Зайцев — действительно еще зайцев, то есть сын Зайца — человека с именем Заяц. Даже в тех немногих документах XV—XVII веков, которые использованы в замечательном «Словаре древнерусских личных собственных имен» Н. М. Тупикова, оказался 34 Зайца. Причастительное прилагательное *зайцев* (чей сын) служило отчеством (как *кузнецов*) и позже, закрепясь, превратилось в фамилию. От нарицательного *заяц* фамилию отделяют несколько звеньев: *Зайцев* — от *зайцев*, которое от *Заяц*, которое от *заяц*, которое от *зайти* 'прыгать', которое... и так до «самого первого слова».

Перепрыгивать через этимологические ступени — значит извращать истину, подставляя вместо подлинного этимологического значения другое, совсем не идущее к делу. В таком случае фамилию Петров надо отнести в рубрику «по неживой природе», потому что в греческом языке имя Пегр означало 'скала, камень'. Уж если к анализу фамилии Зайцев притягивать ее «предка» в четвертом колене, то почему же выхватывать именно это звено, а не брать дальше? Ведь, слово *заяц* появилось тоже не из ничего. Спорность такого ложного анализа фамилии Зайцев очевидна. В подлинной семантической классификации место фамилии Зайцев не в группе «по прыжкам» и не в группе «по жи-

вотным», а в группе патронимических, вместе с фамилиями Иванов, Мухин, Телегин, Кузнецов, Казанцев, Пупков и другими. Они возникли из отчеств, отвечающих на вопрос *чей?* — Иванов, Пупков (сын Ивана, сын Пупка).

Еще К. С. Аксаков в своем «Опыте русской грамматики» заметил удивительное явление: от нарицательных *телега, ворона* нет притяжательных *телегин, воронов* — откуда же взялись фамилии Телегин, Воронин? Это тонкое наблюдение прошло незамеченным тогда, да и сам автор, еще не мог интерпретировать его правильно. Увы, оно непонятно многим, пишущим у нас о фамилиях и поныне. Суть в том, что фамилии Телегин, Воронин и подобные произошли не от нарицательных *телега, ворона* (от которых не могли образоваться притяжательные прилагательные), а из отчеств Телегин, Воронин (сын Телеги, сын Вороны).

Так и фамилии Кузнецов, Столяров, Ткачев — не «по занятиям», как и Казанцев, Сибиряков, Москвичев — не «по местности». Единственное значение этих фамилий — они патронимичны. Отчество возникало из наименования отца или деда — по прозвищу, занятию, месту прежнего жительства, церковному или нецерковному имени. Г. Я. Сими́на в блестящем исследовании о фамилиях на Пинеге показала, что там, на Севере, фамилии возникали из «второго отчества». Гораздо реже фамилии по наименованиям матери (Авдотын, Просвирнин); ошибочно видеть в них обозначения непременно внебрачных детей, чаще так именовали детей вдовы или солдатки, на плечи которой легло тяжелое крестьянское хозяйство. Фамилии по модели Андреевич доказывают это: женщину, прижившую внебрачного ребенка, не могли в старой деревне называть уважительно по отчеству. У многих фамилий женская основа только мнима, например Попадьян: в документах XVI—XVII веков нередко мужское нецерковное имя или прозвище — Василий Попадья, Ивашко Попадья. М. Фасмер ошибочно в число фамилий от слов, обозначающих женщин, включал фамилии Чепихин, Ветрихин; мужские прозвища (или имена) Чепиха, Ветриха хорошо известны по документам.

Фамилии другого семантического типа указывают не на предка, а на владельца: Князев, Княгинин, Графов. Сын князя тоже князь, его не могли называть князевым; князев — крепостной, принадлежащий князю. Это еще ясней в фамилии Владыкин: владыка — архиерей, а архиерей принадлежал к монашеству, он не имел права жениться. *Владыкин* могло обозначать только крепостного, принадлежащего архиерейскому дому. Есть и фамилия Архиереев, но не исключено ее происхождение из прозвища, как и фамилии Царев, которая могло означать крепостного удельного ведомства или даже государственного крестьянина, в противопо-

ложность помещицкому, а могла означать и детей бедняка с прозвищем *царь* (и Князев). Кроме юридической собственности, в фамилиях отразились и отношения найма: фамилия Попов, вероятно, чаще возникла из 'попов работник', чем из 'попов сын' (по подсчетам Б. Г. Унбегауна эта фамилия входила в десяток самых частых).

Иные семантические типы русских фамилий очень пестры, но и вместе взятые они охватывают меньше 2—3 процентов. Среди них — указывающие на местность (Казанский, но не Казанцев); фамилии духовенства по названиям церквей; архаичные фамилии в форме качественных прилагательных — Нагой, Толстой (характерно прежнее место ударения; вне фамилий ударение переместилось).

Некоторые фамилии подчеркнута идеологичны. Много таких придумывали архиереи, «офамиливая» будущих священников, которым нельзя было сохранять прежнюю фамилию, скажем, Собакин, а то и хуже. Так рождались «украшающие» фамилии Добродрагов, Беневоленский, Алмазов. Идеологичны фамилии Солнцев, Светов, они не патронимичны и не принадлежностны: посетитель такой фамилии не сын солнца или света, не владел ими и не принадлежал им. Идеологические фамилии часты в наше время. Немало фамилий, семантика которых не разгадана, хотя лексические значения их основ ясны (Двойкин).

Когда фамилия установилась как антропонимическая категория, стало возможно создание фамилий «искусственно», как сознательный акт, подобно выбору псевдонима. При этом возникают такие фамилии, как Электринцев (в Подбельском районе Куйбышевской области), которые внешне копируют преобладающую модель фамилий, но не выражают никакого значения, кроме отвлеченной ассоциации со значением, выраженным основой (по строению это 'сын электринца' или в этом роде, то есть явная бессмыслица).

Оставляя в стороне фамилии, взятые готовыми из других языков (Гоголь — украинская, Глинка — белорусская, Блок — немецкая), и некоторые мелкие семантические группы, важно подчеркнуть главное: за семантику фамилий никоим образом нельзя выдавать лексические значения их основ.

Лексические значения основ тоже ценны. Иногда только в фамилии сохраняется старинное слово, которое нигде не записано и в диалектах не уцелело. Это драгоценно для исторической лексикологии, а не для семантики фамилий. Важно исследовать прозвища, которые отражены в фамилиях, но это — изучение прозвищ, а не фамилий. Совсем другая задача!

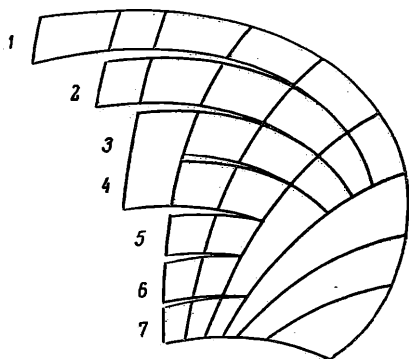
В некоторых случаях для изучения фамилий полезны и лексические значения их основ. В. Ф. Барашков (Ульяновск) на материале Среднего Поволжья заметил, что процент фамилий, образованных от церковных имен, выше там, где русское заселение было позже, то есть лексические значения основ следует изучать, но это — не значения фамилий. Подменять одно другим, как видим, бесперспективно.

На одном совещании занимающихся изучением фамилий откровенная участница воскликнула: «Как было просто: Зайцев — по животным, Попов — по занятиям! А теперь разбирайся — был ли первый Попов поповым сыном или поповым работником? Да разве это можно!».

Верно сказано!? Конечно, несравнимо легче сортировать фамилии по лексическим группам их основ. Но наука только тогда наука, когда решает новые задачи, которым нет готовых ответов.

В. А. НИКОНОВ

ЗАНИМАТЕЛЬНАЯ РУСИСТИКА

Слова, найденные вами, должны иметь общий старинный суффикс тюркского происхождения: 1. Старший псарь на охоте, 2. В XVI—XVII веках лицо, несшее хозяйственные обязанности при дворе; в XIX веке — чиновник по судебному надзору. 3. Рулевой, мудрый руководитель. 4. Боярин, ведавший царским столом. 5. Лицо, ведавшее псовой охотой. 6. Певец церковного хора, 7. Современное высокое наименование архитектора и строителя.

Ответы на стр. 111

Игру-задачу составила
Л. П. Жуковская

СУФФИКСЫ ЛИЦА В ЧАСТНОЙ ПЕРЕПИСКЕ XVII ВЕКА

Самые ранние из дошедших до нас писем написаны на бересте. Небольшое число писем на бумаге дошло до нас от XVI века. Довольно много частных писем сохранилось от XVII века.

Написанные разными людьми — мужчинами и женщинами различного возраста, разных сословий, средневековые русские частные письма сохранили некоторые общие черты. Прочитав большое количество разнообразных частных писем XVII века, мы обнаруживаем в них не только определенное композиционное единство, но также и традиционное использование некоторых лексико-грамматических форм.

Обращение автора письма к адресату полно уважения, в то время как о себе и своих близких он пишет в уничижительной форме, подчеркивая этим свою действительную, а иногда и мнимую зависимость от того, к кому обращено письмо. Самоуничижение автора, точно так же как и проявление уважения к адресату, обязательное в письмах XVII века, — это соблюдение норм эпистолярного этикета того времени. В письмах людей, связанных или не связанных родственными узами, эпистолярный этикет выдерживался в одинаковой степени.

Наиболее распространенным лексико-грамматическим средством выражения уничижительности, пренебрежительности в письмах XVII века был суффикс *-к-а* в собственных именах: Гришка, Микишка, Сидорка; в сословных и родственных наименованиях суффикс *-ишк-а*: старостишка, крестьянишка, дочеришка. В современном русском языке эти суффиксы используются в большинстве своем в том же значении, однако некоторые слова утратили оттенок уничижительности и приобрели оттенок ласкательности: сынишка, братишка. В письмах XVII века этот эмоциональный оттенок еще отсутствует, о чем мы можем судить по употреблению этих слов авторами писем, которые, придерживаясь правил своеобразного эпистолярного этикета того времени, ни разу не обратились к братьям в подобной форме, относя их только к себе или своим близким, что свидетельствует об уничижительном, а не ласкательном значении этих слов. Отметим, что соблюдение своеобразных правил эпистолярного этикета наблюдается не только в родственной переписке или письмах людей среднего и низшего сословия, но и в переписке видных государственных деятелей того времени.

В связи с этим представляют интерес частные письма XVII века лиц духовного звания. В некоторых из них священнослужители свои имена пишут с суффиксом *-ищ-е*: «Из Мурома соборные пркви попь Федорище блгословения твоего отеческаго просА челом бью».

В современном русском языке посредством суффикса *-ищ-е*, (*-ищ-а*) образуются существительные со значением увеличительности. Хотя это и продуктивный тип словообразования существительных, однако на имена собственные он почти не распространяется, разве что в разговорно-фамильярной речи, с иронией.

Основываясь на традиционных нормах написания собственных имен в частных письмах XVII века, мы можем предположить, что приведенные случаи свидетельствуют об определенном авторском «самовыделении». Ученые, столкнувшиеся с этими фактами в языке писем и других документов XVII века, по-разному истолковывали значение собственных имен с суффиксом *-ищ-е* (*-ищ-а*), употребляемых лицами духовного звания. Одни считали, что имена с этими суффиксами имеют уменьшительное и уничижительное значение (А. М. Селищев. Происхождение русских фамилий, личных имен и прозвиц; Л. А. Булаховский. Исторический комментарий к русскому литературно-

му языку). Другие полагали, что таким образом духовные лица называли себя в знак смирения (К. С. Аксаков. Опыт русской грамматики). Третьи же, наоборот, в употреблении собственных имен с суффиксом *-ищ-е* видели своеобразное «самовыделение» духовенства, которое имело целью подчеркнуть свое превосходство над другими (В. И. Тагунова. Из истории суффикса *-ищ-е* в личных собственных именах).

Материалы известных частных писем XVII века, к сожалению, не дают достаточного количества сведений для решения этого вопроса. Пока уверенно можно сказать, что употребление лицами духовного звания в собственных именах суффикса *-ищ-е* (*-ищ-а*) представляло какое-то самовыделение, цель которого неясна.

Вместе с тем, духовные лица такого сана, как архиепископ, игумен, дьякон и даже поп, в большинстве своих писем никаких суффиксов, имеющих эмоциональную окраску, в написании собственных имен не употребляли. Они обычно писали свое имя в той форме, в какой оно значилось в святцах: Митрофан, Евдоким, Артемий, Иван и т. д., что само по себе уже не соответствовало нормам эпистолярного этикета, требующего от автора писем безусловного самоуничижения.

К числу суффиксов, имеющих уничижительное значение в именах собственных, относится и суффикс *-ец* — для мужского рода и *-ица* — для женского. В современном русском языке личные имена с этими суффиксами не употребляются. Приведем примеры из зачинов и концовок частных писем XVII века: Иванец Колычов челом бью; Паненлец Салтыков челом бьет; женишка твоя Агаѣица, женишко твое Авдотица челом бьет.

А. М. Селищев, специально занимавшийся происхождением русских фамилий, личных имен и прозвищ, нашел собственные имена с суффиксом *-ец* в «Повести временных лет» — древнейшем летописном своде. Он считал, что этот суффикс с давнего времени имел уменьшительно-уничижительное значение. Убийцы «окаянные» и «законопреступные» именовались в летописи *Талец*, *Нерадец*. Ростовский епископ Федор — *Федорец* — тоже отрицательный персонаж. Любопытно пояснение, данное писцом в «Прологе» (1174 год) под 28 апреля: «Феодорьца (епископа) за укоризну тако называема», — то есть этим именем названо лицо враждебное.

Следовательно, частные письма XVII века сохранили примеры древнего словоупотребления. Вероятно, авторы писем, именовавшие себя *Иванец*, *Никонец* и т. п., не были убийцами, ни законопреступниками, скорее всего им было известно, что таким способом выражается самоуничижение.

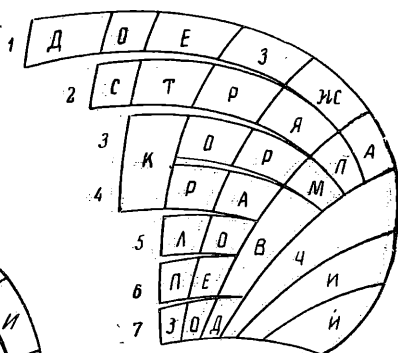
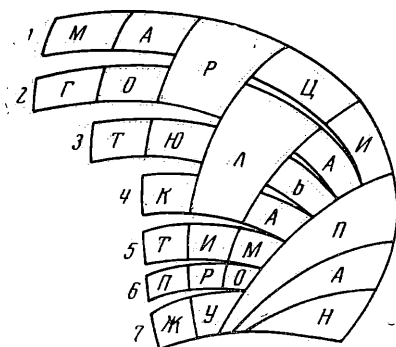
С суффиксом *-ец* находим в письмах и слово *крестьянин*: «Крстьянинец твой Івашко Василевъ много челом бьет»; «Шлюс тово своево беглова крестьянинца на приводные розспросныя речи». Соотнесенное с личностью автора письма слово *крестьянинец*, по-видимому, также представляет собой уничижительную форму.

Живая разговорная речь частных писем XVII века представляет собой богатейший источник для исследователя русского языка. Связанный с определенным жизненным укладом и взаимоотношениями между людьми, язык частных писем XVII века донес до современного читателя многие уже утраченные ныне формы и значения русских слов. На примерах употребления небольшой группы личных имен с суффиксами *-иц-е*, *-ец*, *-иц-а*, можно увидеть исчезнувшие в настоящее время звенья цепи исторического развития одной из словообразовательных категорий.

Н. П. ПАНКРАТОВА

ЗАНИМАТЕЛЬНАЯ РУСИСТИКА

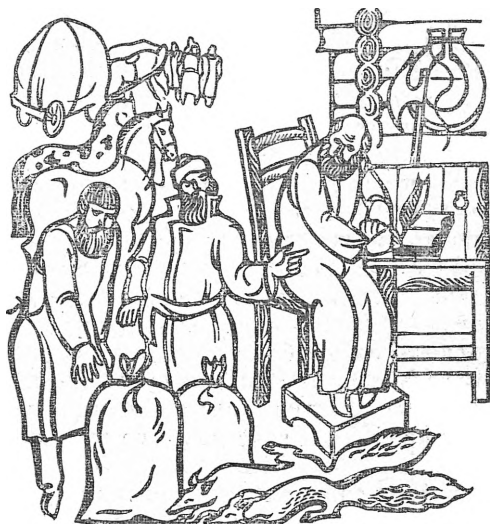
Ответ к стр. 88.
Общая часть всех слов
пан.

Ответ к стр. 107
Во всех словах тюркский
суффикс *-чий*. Он же в
старославянском слове
кънигъчий 'книжник'.

ОКТАБРЯ 24...
ЯВИЛ КУРСКОЙ
КОЗАК МАРКА
ПУЗИКОВ НА ШТИ
ПОДВОДАХ СОЛИ
ДА ДВА ДЕСЯТКЯ
ЛИСИЦ ДА ПЯТЬ
ЛОСИН...
ПОШЛИН ВЗЯТО
ПО ЦЕНЕ С
ТРИЦАТИ СО
ШТИ РУБЛЕВ
ПЯТНАДЦАТЬ
АЛТЫН...

Курская
Таможенная книга
1623—1624 гг.

ТАМОЖЕННЫЕ КНИГИ РАССКАЗЫ- ВАЮТ

Значительные группы памятников, представляющие большой интерес для изучения истории русского языка, особенно позднего времени, и поныне не исследованы. К таким источникам относятся таможенные книги XVII века. Много подобных книг хранится в фонде Денежного стола Разрядного приказа (Центральный государственный архив древних актов). Публиковались эти книги мало. Выделяется трехтомное издание «Таможенные книги Московского государства» (М., 1950—1951), в котором воспроизведены книги отдельных северных городов — Тотмы, Устюга Великого и Соли Вычегодской. Писанные местными скорописцами, эти источники хорошо отражают черты живой народной речи и, что особенно важно, представляют едва ли не всю территорию распространения рус-

ского языка того времени. В таможенных книгах находим обширный круг наименований предметного характера и эта особенность предопределяется их содержанием.

В городах существовали таможенные дворы, где вели учет товаров, поступавших на местный рынок. С продавцов и покупателей взимались разного рода пошлины. Привозимые товары обыкновенно «являли» (предъявляли) таможенным властям. Запись «явок», пошлин и составляла содержание приходных таможенных книг. В каждой записи обычно указывалось, кто, когда, откуда и какие привез товары, отмечалось количество последних, а также в необходимых случаях их размеры и качество и, кроме того, цена; отмечалось далее, каких пошлин, с когo и сколько взято. Сведения эти вносили в книги дьячки или подьячие. Заметим, что дьячками тогда называли вообще писцов, а те, что находились при церкви, именовались церковными дьячками.

Приведем образцы подобных записей из северных и южных мест. [Примеры из рукописей XVII века передаем в упрощенном виде, средствами современной графики.]

Сентября в 6 день вологжанин Ульян Конанов Колесов приплыл сверху в лодке-заозерке, товару явил: чесноку большей, и средней, и малой руки 250 000, луку плетеного 50 000, луку же насынного 35 мер. И то все Ульян продал на Устюге, цена тому всему проданному товару 40 р. С того платил пошлин по 10-ти денег с рубля (Устюг, 1676—1677).

Явил курченин Василей Ласкут на подводе восемь пуд воску да четыре десятки поречных... пошлин взято по цене с пятидесят з дву рублев двадцать алтын десет(ь) денег (Курск, 1623—1624).

На Юге происходила оживленная торговля конями. С этой торговлей было связано ведение книг конской продажи или мены и сбора конских пошлин. О характере записей в этих случаях дает представление такой образец:

Юния в 3 день променял Болховца города сын боярской Михайла Данилов сын Полятов каня своею шерстью чалова грива направа левая наздря распорана да на правои наздри шишка пяти лет... выменил... мерина шерстью гнед грива налево уши разрезаны на передней на правой лапатки два прута понерек лапатки на заднем на правом окороку тавружина прутом леты сраслы [летамп, взрослый, немелодой] с мене [с мены, с обмена] пошлины взяты по десяти денег итого три алтына две ден(ь)ги (Белгород, 1670—1671).

Лошадей пятнали, то есть клеймили, выжигали на коже отличительные знаки. Упомянутые в записи «два прута» — это пятно, или тавро, в виде двух черт, «тавружина прутом» — в одну черту. Необходимыми сведениями в таможенных книгах были указания на масть лошади: булан, бур, ворон, гнед, голуб, игрень, карь, каур, каракул, рыж, саврас, сер, сив, чал; светлогнед, темногнед, гнед в саврасе, темногнед в каракуле, светлокарь, в рыже чал, в вороне пег, карь в светле.

Часть пошлинных сборов расходовалась на нужды таможенного и кружечного дворов, поэтому в книгах находим и расходные записи: на свечи, дрова, на покупку хлебных мер (кадей-дуплянок) и переплет таможенных книг, на содержание таможенных сторожей и поделку пятенных трубок — лошадиных клейм; фиксируется плата дьячкам и подьячим за ведение таможенных книг, за наем сапей зимой и лодок летом для целовальников, отправлявшихся для сбора пошлин на ярмарки.

В расходных записях отмечается приобретение посуды — «глиненова суда черепеняк и мастюжачак мален(ь)ких» (Коротояк, 1658—1659), покупка лубья, которым крыли «холадень» — погреб (Елец, 1615—1616); упоминается конопля, «что окола винных труб обвивают» (Воронеж, 1658—1659); записывается оплата работникам, нанятым «гать готить плетнем и соломою где возят с верхней винокурни на нижнюю винокурню дрова и хлеб» (Воронеж, 1658—1659), а также печникам за сооружение печи под овином «игде солад сушат» (Карачев, 1662—1663), плата за «наженье» (от *надить* 'точить') топоров (Воронеж, 1658—1659). Были куплены и «стойка на квосник» (Воронеж, 1658—1659), и «стаян в чем мед ставеть» (Болхов, 1658—1659) и т. д. Из расходных записей узнаем, например, о названиях строений, строительных материалов и других, связанных с ведением таможенного хозяйства:

На гостине дворе от ворот делано 4 анбара лицом к рыбному и хмелевому ряду. А против тех анбаров в гостин двор лицом 2 анбара, да по рву лицом 7 анбаров, а против тех анбаров в гостин двор лицом 5 анбаров зделаны совсем наготово с полки, и з заборы, и з дверьми, и покрыты скалами и тесом, и ворота у гостина двора другие зделаны с кровлею тесовою...

Под теми же анбары у гостина двора от ворот делано 3 погреба прежние ямы чищены и струбы деланы, в ямы впуцаны и тво-

рила на тех погребках и двери, и лесницы в погребы деланы (Устюг, 1650—1651).

Таможенные записи не только свидетельствуют об употреблении тех или иных слов в XVII веке, в эпоху, отдаленную от нас тремя столетиями, но и указывают на их географическое распространение. Они раскрывают перед нами картину широкого бытования некоторых слов, не употребляющихся ныне в литературном языке и порою в народных говорах. Таковы, например, по данным книг из южновеликорусской области, слова: *поречная* (южновеликорусское название выдры); *хоравина* (в Словаре В. Даля *хоравина* тамбовское — ‘сырая кожа, шкура’, рязанское — ‘выделанная (сыромать?) шкура’; *сула*, *ласкирь* — донские названия рыб: судака и густеры; *вязенки* — ‘вязаные варежки’; *волна* — ‘овечья шерсть’; *рогач* — ‘ухват’. По свидетельству северных книг — *векша* ‘белка’, *язвец* ‘барсук’, названия обуви *чарки* и *коты*, *ральники* — металлические части сохи и т. д.

Перечисление предметов продажи и их качественная характеристика в составе таможенных записей позволяют уяснить развитие значения отдельных слов. Возьмем слова *белка* и *векша*. По современным сведениям название *белка* связывается преимущественно с югом, а *векша* — с севером Европейской части СССР. Между тем, в книгах из северных мест содержатся упоминания и о белке, и о векше. В таможенных книгах нередко записи о продаже беличьих шкурок, например, такого содержания: «Привез... 470 белки, 150 подпалей» (Устюг, 1633—1634). *Подпаль*, по данным Словаря В. Даля, — «рыжеватые, желтые места на шерсти животных иной масти, в пушных товарах, на зверях и лошадях...» сиб. плохая белка с черною мездрою раннего промысла, недошлая». Поставленные рядом названия *белка* и *подпаль* характеризуют беличью шкурку по качеству меха. Очевидно, название *белка* означало шкурку более высокого качества, чем *подпаль*. Часто слово *белка* сопровождается прилагательным *чистый*: «Купил... белки чистой 1000-ю да подпалей и наплексиц 670» (Сольвычегодск, 1678—1679). Сравните значение слова *наплекий* (о голубе), *наплека* у Даля — «пестроплечий; иногда *одноплекий* об одном разнопером плече. *Наплекая* галка, пестрая, т. е. выродок». *Белка* и *белка чистая* в подобных контекстах обозначают одно и то же, в отличие от *подпали* и *наплексицы* — шкурок иного качества.

Белка, однако, употребляется и в общем значении:

«Привез... белки чистые 1500 да подпалей 400 белок» (Устюг, 1635—1636). «Повезл... 2000 белки чистой, 300 белки подпалей» (Устюг, 1678—1679). *Белка* здесь — родовое название пушного зверька, «вообще беличьья шкурка». Характерно, что там же вместо *белка* встречаем и *векша*: «Явил... подпалей 1200 векош» (Устюг, 1634—1635); «Явил... 300 подпали векши» (Устюг, 1635—1636). Привлекают внимание и следующие записи: «Привез... 700 белки да 80 векош подпалей» (Устюг, 1635—1636); «Явил... 3600 белки да подпалей 1200 векош» (Устюг, 1634—1635); «430 белки да 300 подпали векши» (Устюг, 1635—1636). В этих случаях название *белка* означает и шкурку высшего качества и шкурку белки вообще, а *векша* с качественной стороны мех не характеризует. Любопытно и то, что в записях, где *белка* и *векша* представлены в одинаковых контекстах, *векша* не употребляется с определительным прилагательным, вроде *белка чистая*. По-видимому, Северу свойственно употребление в общем значении слов и *белка* и *векша*. Одновременно слово *белка* использовалось и в более узком значении — шкурка определенного качества. Поскольку наиболее ценная шкурка у белки — зимняя, естественно, белкой в современных говорах называется зимняя особь. В противоположность этому слово *векша* могло обозначать летнюю белку. Сравните данные «Словаря русских народных говоров»: «Векша у нас имеет двойное название: летом, когда на ней шерсть бывает желтою, называют векшей, а осенью, когда шерсть серая, а кожа, напротив, белая, — белкою» (Вологда); «Векша — это белка летом, когда она имеет рыжую шерсть; зимой же, когда ее мех светлый, ее называют белкой» (Киров).

Выяснение значений отдельных слов по данным таможенных книг в ряде случаев помогает уточнить отдельные места в текстах более ранних. Так, в летописях есть упоминание о дани, которую хозары брали с полян: «Козаре имахуть (дань) на полянех... имаху по беле и веверице тако от дыма» (И. И. Срезневский. Материалы для словаря древнерусского языка). *Веверица* — название белки. Некоторые исследователи вместо чтения *по беле и веверице* принимают чтение *по белей веверице*. По данным таможенных книг, таким образом, второе вполне возможно. Таможенные книги содержат любопытные сведения о словарном составе русского языка в его историческом прошлом.

Кандидат филологических наук
Н. С. КОТКОВА

*К 150-летию
со дня рождения
К. Д. Ушинского*

СЫН ЗЕМЛИ РУССКОЙ

Развитие педагогической мысли в России XIX — начала XX века характеризовалось пробуждением и активным формированием самосознания прогрессивной части русского общества как самобытного, способного на независимое от западноевропейских течений в педагогике развитие, которое обуславливается специфическими особенностями и историческими условиями жизни России и русского народа. Не односторонне направленный со свойственными ему крайностями патриотизм славянофилов имеется в данном случае в виду, а то здоровое начало, которое лежит в основе нормального исторического развития народа, по праву претендующего на свое особое место и роль в ряду других народов.

История народного образования, история русской педагогической мысли и школы знает немало славных имен, достойных представителей русской культуры, русской педагогической науки, деятельность которых характеризо-

валась высокой идейностью, глубоким патриотизмом, преданностью Родине и национальным самосознанием.

Конкретно все это очень часто выражается прежде всего в том, как определялось отношение того или иного деятеля и мыслителя к языку народа, к его роли в воспитании и образовании молодого поколения, в формировании средствами языка его мировоззрения.

На общем фоне исторического развития в качестве наиболее энергичных и деятельных, квалифицированных и последовательных представителей прогрессивной педагогической мысли XIX—XX веков, признававших за русским языком как учебным предметом огромную воспитательно-образовательную роль, видевших в нем средство формирования как национально-патриотического самосознания, так и мировоззрения в целом, особо выделяются такие ученые и педагоги, как академик И. И. Срезневский, академик Ф. И. Буслаев, член-корреспондент АН СССР В. И. Чернышев, А. Д. Алфёров и многие другие.

Совершенно особое, исключительное место в этом ряду занимает наш великий педагог К. Д. Ушинский, наиболее ярко представляющий главное направление в развитии педагогической мысли XIX века, поставленной на службу национальным интересам русского народа.

К. Д. Ушинский — гражданин и патриот, учитель и мыслитель, теоретик и практик в результате своей научной и практической деятельности пришел к обобщениям такого большого значения и масштаба, которые не могли идти ни в какое сравнение с тем, что было известно в нашей педагогике и методике до него. Для Ушинского «язык народа — лучший, никогда не увядающий и вечно вновь распускающийся цвет всей его духовной истории, начинающейся далеко за границами истории. В языке одухотворяется весь народ и вся его родина... Язык есть самая живая, самая обильная и прочная связь, соединяющая отжившие, живущие и будущие поколения народа в одно великое, историческое живое целое... Пока жив язык народный в устах народа, до тех пор жив и народ... Отнимите у народа все — и он все может воротить; но отнимите язык, и он никогда более уже не создаст его» (Родное слово) [цитируется по изданию: К. Д. Ушинский. Избранные произведения. М.—Л., 1946].

Какая вера в язык народа, в его силу выражена в этих словах! А основана она на прекрасном знании зако-

нов языка, признании его великой роли в исторической жизни народа, формировании мировоззрения народа и его культуры в целом. Такое представление о языке могло сложиться только при свойственном для К. Д. Ушинского историческом подходе к характеристике языка, его места и роли в жизни народа.

...Язык народа есть произведение творческой способности дара слова не одного человека и не одной человеческой жизни, а бесчисленных жизней, бесчисленных поколений.

В языке своем народ, в продолжение многих тысячелетий и в миллионах индивидуумов, сложил свои мысли и свои чувства. Природа страны и истории народа, отражаясь в душе человека, выражалась в слове.

Человек исчезал, но слово, им созданное, оставалось бессмертной и неисчерпаемой сокровищницей народного языка; так что каждое слово языка, каждая его форма, каждое выражение есть результат мысли и чувства человека, через которое отразилась в слове природа страны и история народа... Вводя дитя в народный язык, мы вводим его в мир народной мысли, народного чувства, народной жизни, в область народного духа (О первоначальном преподавании русского языка).

Идея народности для Ушинского не случайное и не усвоенное путем подражания кому-либо или с чьих-либо слов явление. Она вытекает из его мировоззрения в целом и является органически связанным с ним компонентом. Она основывается на стремлении проникнуть в тайны языка, а через него наиболее полно и глубоко познать дух, характер народа.

Принимая язык за органическое создание народной мысли и чувства, в котором выражаются результаты духовной жизни народа, мы, конечно, пойдем, почему в языке каждого народа выра-

К. Д. УШИНСКИЙ О РОДНОМ ЯЗЫКЕ И ЕГО ИЗУЧЕНИИ

...Язык, который дарит нам народ, один уже может показать нам, как бесконечно ниже стоит всякая личность, как бы она образованна и развита ни была, как бы ни была она богато одарена от природы,— перед великим народным организмом (Родное слово).

Дитя входит в духовную жизнь окружающих его людей единственно через посредство отечественного языка, а, наоборот, мир,

жается особенный характер, почему язык является лучшей характеристикой народа... Бесконечно льющаяся, волнуемая внутренним взмывающим ее чувством и изредка разрываемая громкими всплесками речь славянина — лучше всех возможных характеристик... знакомит нас с характерами народов, создавших эти языки. Вот почему лучшее и даже единственно верное средство проникнуть в характер народа — усвоить его язык, и чем глубже вошли мы в язык народа, тем глубже вошли в его характер (Родное слово).

Такая восторженная здравица в честь русского языка в устах К. Д. Ушинского ни в коем случае не может быть истолкована как выражение национализма, пуризма или тем более «квасного патриотизма», которые были органически противны самому духу суждений великого педагога о народности и родном языке.

Принцип народности, пронизывающий собой всю жизнь и деятельность Ушинского, реализуется, по его убеждению, прежде всего через просвещение. Воспитание же и разумное обучение достигаются только с помощью родного языка, без овладения которым немислимо никакое движение вперед, никакое развитие. «Вводя дитя в народный язык, — говорил Ушинский, — мы вводим его в мир народной мысли, народного чувства, народной жизни, в область народного духа» (О первоначальном преподавании русского языка).

А ведь «русский язык — это бесконечное море, питающееся из бесчисленного множества неиссякаемых родников — бесчисленного множества наречий, которые все несут ему дань свою, очищаемую и соединяемую в одно органическое целое в горниле истории» (Труды уральской экспедиции. — Собрание сочинений. М. — Л., 1948).

окружающий дитя, отражается в нем своей духовной стороной только через посредство той же среды — отечественного языка... Дитя, которое не привыкло вникать в смысл слова, темно понимает или вовсе не понимает его настоящего значения и не получило навыка распоряжаться им свободно в устной и письменной речи, всегда будет страдать от этого коренного недостатка при изучении всякого другого предмета (Родное слово).

Усваивая родной язык, ребенок усваивает не одни только слова, их сложения и видоизменения, но и бесконечное множество понятий, воззрений на предметы, множество мыслей, чувств, художе-

Учение детей отечественному языку имеет три цели: во-первых, развить в детях ту врожденную душевную стойкость, которую называют даром слова; во-вторых, ввести детей в сознательное обладание сокровищами родного языка и, в-третьих, усвоить детям логику этого языка, т. е. грамматические его законы в их логической системе. Эти три цели достигаются не одна после другой, но совместно (О первоначальном преподавании русского языка).

Облегчает же решение этих задач в школе сам родной язык. Этот вывод вытекает с определенной ясностью из сопоставления того, с какой степенью легкости, например, усваиваются детьми те или иные явления грамматики или лексики родного языка и языка иностранного. К. Д. Ушинский обращает внимание на то, с каким трудом усваиваются «тонкости» того или иного языка сравнительно с аналогичными явлениями языка родного.

Являясь... полнейшею и вернейшею летописью всей духовной, многовековой жизни народа, язык в то же время является величайшим народным наставником, учившим народ тогда, когда не было еще ни книг, ни школ, и продолжающим учить его до конца народной истории... Не условным звукам только учится ребенок, изучая родной язык; но шлет духовную жизнь и силу из родимой груди родного слова.

...Этот удивительный педагог — родной язык не только учит многому, но и учит удивительно легко, по какому-то недостигаемому облегчающему методу. Мы хотим передать ребенку пять, шесть известных ему названий, семь, восемь иностранных слов... и это стоит нам значительного труда и еще больше стоит труда ребенку. Он то заучивает, то опять забывает... то решительно не может их усвоить; тогда как на практике, в родном языке, — он легко и свободно пользуется теми же самыми тонкостями... (Родное слово).

ственных образов, логику и философию языка, — и усваивает легко и скоро, в два — три года, столько, что и половинцы того не может усвоить в двадцать лет прилежного и методического учения (Родное слово).

Развивать язык отдельно от мысли невозможно; но даже развивать его преимущественно перед мыслью вредно... Привычка чисто, гладко и изящно болтать всякий вздор и связывать лозкими фразами пустые, вовсе одни из другого не вытекающие мысли, есть одна из самых дурных человеческих привычек, и воспитатель должен искоренять ее, а не содействовать ее развитию... Форма

Вот почему К. Д. Ушинский, говоря о языке школьных учебников, книг для учащихся, решительно протестует против всякой искусственности в их языке, нарочитости, надуманности, стилизации, видя в этом большое «прегрешение» против языка народного, но единственно достойного, чтобы быть проводником идеи народности через школу. О языке своей «Книги для чтения» он говорит следующим образом:

Что касается до языка, которым написана «Книга для чтения», то я старался излагать избранные мною предметы языком простым, не употребляя непонятных для детей слов, но вовсе не думал подделываться под детский способ выражения, потому что считаю всякого рода подделку под народный и детский язык совершенно неуместной как в книгах, издаваемых для народа, так и в детских книгах (Руководство к преподаванию по «Родному слову»).

Говоря таким образом о книгах для русских учащихся, К. Д. Ушинский распространяет эту точку зрения и на учебники родного языка вообще (не только русского). Так, в одной из своих статей (Педагогическая поездка по Швейцарии) К. Д. Ушинский поднял и остро поставил вопрос о первоначальном обучении на родном языке детей-украинцев и об отношении такого обучения к обучению на языке русском.

В условиях старой царской России с ее шовинистическим укладом и русификаторской политикой в особо тяжелое положение попадали в школе именно дети-украинцы и дети-белорусы, так как язык и тех и других официально рассматривался только в качестве наречий русского языка. Таким взглядом на украинский и белорусский языки оправдывалось и ведение всего преподавания в укра-

мысли тогда только хороша, когда человек создает ее сам, вместе с мыслью, когда она органически вырастает из мысли; а не тогда, когда они выхвачены из какой-нибудь книги, будь это даже сочинение образцового писателя (О первоначальном преподавании русского языка).

Основная идея при обучении отечественному языку состоит в том, что дитя может выразить ясно и самостоятельно только ту мысль, которую усвоит также ясно и самостоятельно (Из отчета о командировке за границу).

инских и белорусских школах исключительно на русском языке. На ненормальность такого положения указывал еще тогда К. Д. Ушинский, горячо отстаивавший право детей, приходящих в школу, говорить и учиться на своем родном, материнском языке.

Мало успеха будет иметь та школа, в которую дитя приходит из дому, как из рая в ад, и из которой оно бежит, как из темного ада, в котором все темно, чуждо и непонятно, в светлый рай, где все ясно, понятно и близко сердцу; а почти такое впечатление должна производить школа на дитя малороссиянина, когда оно начинает посещать это странное место, в котором одним только в целом селе и говорят на непонятном языке...

Такая школа, во-первых, гораздо ниже народа: что же значит она со своею сотнею плохо заученных слов перед тою глубокою, живою и полною речью, которую выработал и выстрадал себе народ в продолжение тысячелетия; во-вторых, такая школа бессильна, потому что она не стропт развития дитяти на единственной плодотворной душевной почве — на народной речи и отразившемся в ней народном чувстве; в-третьих, наконец, такая школа бесполезна: ребенок не только входит в нее из сферы, совершенно ей чуждой, но и выходит из нее в ту же чуждую ей сферу. Скоро он позабывает несколько десятков великорусских слов, которым выучился в школе, а вместе с тем позабывает и те понятия, которые были к ним привязаны (Педагогическая поездка по Швейцарии).

Едва ли не кульминацией в его патриотической скорби по поводу состояния народного образования в тогдашней России является его выступление в газете «Голос» (1867, № 213) со статьей «О необходимости сделать русские школы русскими». Это буквально «крик души» русского человека, педагога-патриота, получавшего возможность со знанием дела сравнивать результаты школьного обучения в западноевропейских (швейцарских, немецких, английских и др.) и русских школах. Неблагополучие положения в русских школах, нетерпимое и обидное для прогрессивного русского человека, К. Д. Ушинский прежде всего видел в исключительно большом невнимании нашей школы ко всему отечественному, к тому, что связано со знанием и изучением Родины, ее географии, истории, природы, культуры, следствием чего было устойчивое низкопоклонство перед Западом, так возмущавшее его.

Возьмите, например, любого маленького швейцарца... он пишет на родном языке безукоризненно правильно и говорит с замечательной ясностью и отчетливостью; разговоритесь с ним о Швейцарии, и он изумит вас своим твердым и чрезвычайно подробным знанием своей родины... То же самое вы заметите и у маленьких немцев, англичан, а еще более у американцев... Только русский, да и не маленький, а большой человек, изумляя иностранца своим безупречным выговором на иностранных языках, в то же время пишет с грубыми ошибками, знает подробно историю французской революции и в то же время глубокомысленно задумывается над тем, в котором столетии жил Иван Грозный (Педагогическая поездка по Швейцарии).

И далее, обращаясь со скорбным и гневным упреком к российским официальным учреждениям, печати, русской общественности, К. Д. Ушинский задает ряд таких многозначительных вопросов:

Почему... факт нашего относительного невежества во всем, что касается России... не обратил на себя должного внимания?.. Почему, например, газеты, которые принимали так близко к сердцу все, что касается русского воспитания по отделу классических языков, не нашли в том же патриотическом сердце уголка для вопроса об изучении России в русских школах и даже, сколько нам помнится, вооружались против слишком долговременного занятия в них русским языком, русской литературой и русской географией?.. Почему также Академия наук — или, по крайней мере, «русское» ее отделение — не сделали ничего для облегчения русскому человеку изучения русской грамоты и русской литературы?

Отчего самые дурные наши учебники — учебники по русскому языку и по русской географии?

Конца не было бы этим *отчего* и *почему*, если бы мы захотели перечислить все обиды, нанесенные нами же русскому элементу в нашем образовании.

...Нам не мешало бы занять, вместо всех прочих, одну черту из западного образования — черту уважения к своему отечеству; а мы ее-то, именно ее, единственно годную для заимствования во всей полноте, и пропустили.

Совершенно недопустимым, прямо-таки парадоксальным, считает К. Д. Ушинский положение русского языка как предмета обучения в школе сравнительно с положением классических языков и языков иностранных.

Знакомство с отечеством должно быть признано такою же необходимостью для каждого человека, как умение читать и писать, и только по приобретении этих основных знаний можно идти уже дальше... [Учащийся] должен знать это как человек и гражданин... так думают в Германии, в Англии, в Швейцарии, в Америке; но не так у нас... У нас почему-то выходит совершенно наоборот: мальчики, поступающие в первый класс гимназии, по большей части едва умеют читать по-русски... Что выходит? Мальчик не умеет написать простой русской фразы, а его сажают за латинскую грамматику и французскую или немецкую орфографию.

Однако было бы большой ошибкой, если бы кто-либо из сказанного сделал вывод, что К. Д. Ушинский был принципиальным противником всего западноевропейского.

Защищая русскую школу от ничем не оправданного, безоговорочного ее подчинения принципам западноевропейских педагогических систем, он в то же время учитывал необходимость сочетания своего, отечественного, и того, что было накоплено опытом других народов в области образования. Поскольку идея общей европеизации русской жизни проникла и распространилась в России еще со времен Петра I, уже в первой половине XIX века оформились и столкнулись казавшиеся непримиримыми в то время идеи — идея народности и идея европеизации. Первая развивалась славянофилами, вторая — западниками. Однако такое одностороннее развитие этих идей в их крайностях не поддерживалось полностью ни теми, ни другими, и «лучшие западники признавали важность принципов народности в развитии русской культуры, а лучшие славянофилы — важность усвоения русской культуры» (В. Я. Струминский. — К. Д. Ушинский. Избранные произведения. М., 1945).

Исходя из принципа гармонического единства этих двух начал, К. Д. Ушинский писал, что «благоденствие России заключается не в остановке развития и не в подражании западным преобразованиям, а в самостоятельном развитии государственного народного организма, вытекающем из сознания действительных государственных потребностей, а не из детского желания угнаться за Западом» (Педагогическая поездка по Швейцарии).

Великая заслуга К. Д. Ушинского состоит в том, что в значительной мере его усилиями отечественная педагоги-

ка уже в то время поднялась до уровня европейской научной педагогики и что она развивалась не как механически подражательная, а как самостоятельная, самобытная русская педагогика.

*Действительный член
Академии педагогических наук СССР
А. В. ТЕКУЧЕВ*

ЯЗЫК НАРОДА — «ЦВЕТ ВСЕЙ ЕГО ДУХОВНОЙ ЖИЗНИ»

К. Д. Ушинский о воспитательной роли языка

Имя великого педагога, учителя русских учителей, борца за просвещение Константина Дмитриевича Ушинского всегда в памяти народной.

Сейте разумное, доброе, вечное,
Сейте! Спасибо вам скажет сердечное русский народ...

— эти слова Н. А. Некрасова можно полностью отнести к К. Д. Ушинскому. По созданным им замечательным учебным книгам «Родное слово» и «Детский мир» более полувека учились десятки миллионов детей России.

Московский университет, в котором в 1840—1844 годах учился Ушинский, был просветительным центром того времени. Замечательные профессора университета Т. Н. Грановский и П. Г. Редкин были учителями Ушинского. Особенно большое влияние на него, как и на всю прогрессивную студенческую молодежь, оказал его великий современник В. Г. Белинский. Слова революционного демократа о светлом будущем русского народа звучали тогда по всей России. Еще студентом Ушинский включился в широкое общественное движение. Он стал на стезю просветителя-демократа. Горячий патриот своей Родины, глубоко веривший в творческие силы русского народа, Ушинский видел свое назначение в том, чтобы «приготовлять умы! Рассеивать идеи!.. трудиться для потомства...».

Ушинский — великий русский педагог, один из основоположников педагогической науки в России. Им создана оригинальная

педагогическая система, в основу которой был положен принцип народности. Идея народности становится главной в практической деятельности и во всех его теоретических работах. Ушинский с глубоким уважением и любовью относился к простому народу, высоко ценил русский народ как великого творца нашей истории: «Не забудем, что этот народ создал тот глубокий язык, глубины которого мы до сих пор еще не могли измерить...». Лучшее выражение народности, по мнению Ушинского,— родной язык.

Любовь к русскому народу и явилась родником народности педагогики Ушинского. Он впервые разработал педагогику как науку. В воспитание Ушинский вкладывал широкое понятие. Это единый процесс всестороннего развития личности: воспитание в человеке любви к Родине, трудолюбия, дисциплинированности, честности, гуманности, эстетического вкуса и т. д. Исходя из идеи народности, безграничной любви к Родине, Ушинский ведущее место в педагогической науке отводил русскому языку. Он писал, что на основе родного языка, этого великого сокровища, которое вселяет в душу каждого человека любовь к Родине, к народу и ко всему родному, необходимо строить воспитание.

В статье «Родное слово», опубликованной в «Журнале министерства народного просвещения» (1861, № 5), находим поэтические строки о родном языке: «Язык народа — лучший, никогда не увядающий и вечно вновь распускающийся цвет всей его духовной жизни, начинающийся далеко за границами истории. В языке одухотворяется весь народ и вся его родина... весь тот глубокий, полный мысли и чувства, голос родной природы, который говорит так громко о любви человека к его иногда суровой родине, который высказывается так ясно в родной песне, в родных напевах, в устах народных поэтов. Но в светлых, прозрачных глубинах народного языка отражается не одна природа родной страны, но и вся история духовной жизни народа. Поколения народа проходят одно за другим, но результаты жизни каждого поколения остаются в языке — в наследие потомкам... Весь след своей духовной жизни народ бережно сохраняет в народном слове».

К. Д. Ушинский придавал родному языку большое воспитательное и познавательное значение. Он был убежден, что родное слово есть основа всякого умственного развития и сокровищница всех знаний. В той же статье «Родное слово» читаем: «Не условным звукам только учится ребенок, изучая родной язык; но пьет духовную жизнь и силу из родимой груди родного слова. Оно объясняет ему природу, как не мог бы объяснить ее ни один естествоиспытатель; оно знакомит его с характером окружающих его людей, с обществом, среди которого он живет, с его историей

и его стремлениями, как не мог бы познакомить ни один историк...».

Придавая решающее значение родному языку в развитии детей, великий педагог отдал все силы тому, чтобы начальное обучение построить исключительно на родном языке. Он резко и решительно выступал против тех, кто изгонял родной язык из школы. Его учебники «Родное слово», «Детский мир» и «Руководство к преподаванию по „Родному слову“» явились богатым материалом и хорошими пособиями для начального обучения на родном языке. Эти книги неоднократно переиздавались. Так, «Детский мир» был впервые опубликован в 1861 году. В том же году потребовалось еще одно, второе, издание и подготовлено третье. Всего до Октябрьской революции было 47 изданий этой книги. Учебник «Родное слово» вышел в 1864 году и выдержал до Октября 146 изданий.

К. Д. Ушинский прожил недолгую, но светлую жизнь, цель которой, по его признанию, — «сделать как можно больше пользы... отечеству». Он прошел тяжелый путь борьбы с насилием и невежеством. В условиях самодержавного строя, когда работал классик русской педагогики, многие его прогрессивные идеи не могли претвориться в жизнь. То, о чем мечтал К. Д. Ушинский, чему посвятил жизнь, осуществилось в нашем социалистическом обществе.

*Доктор филологических наук
Е. И. КЕДАЙТЕНЕ*

ЮНОМУ ЛИНГВИСТУ

Проблема причинно-следственных связей в языке — одна из центральных в лингвистической науке. Размышления над этой стороной языковой системы не могут не представлять определенного интереса для тех, кто занимается изучением грамматики.

Предлагаем юным читателям поразмыслить над приведенными ниже вопросами. Подтверждение же правильности своих ответов найдете на странице 137 этого номера.

1. Почему лексика русского литературного языка увеличивается не только количественно (появление новых слов), но и качественно (развитие новых значений)?

2. Почему падежные отношения существуют во всех языках, а категория рода — не во всех?

3. Почему глаголы совершенного вида не имеют настоящего времени?

4. Почему используется прием «подстановки» существительного женского рода единственного числа в винительном падеже при определении винительного падежа существительных (для различения его с падежом родительным)?

5. Почему качественные прилагательные *гнедой, вороной, розовый, шоколадный, босой, мертвый* не имеют степеней сравнения?

См. ответы на стр. 137

ТЕМЫ СОЧИНЕНИЙ НА ВСТУПИТЕЛЬНЫХ ЭКЗАМЕНАХ ПО РУССКОМУ ЯЗЫКУ И ЛИТЕРАТУРЕ В 1973 ГОДУ

Московский экономико-статистический институт

1. Образ В. И. Ленина в советской литературе.

2. В. И. Ленин, партия и народные массы в поэме В. В. Маяковского «Владимир Ильич Ленин».

3. Руководящая роль Коммунистической партии в социалистическом переустройстве деревни по роману М. А. Шолохова «Поднятая целина».

4. Патриотизм лирики В. В. Маяковского.

5. Комсомольцы 20-х годов (по роману Н. Островского «Как закалялась сталь»).

6. Героический подвиг советской молодежи в Великой Отечественной войне (по произведениям советских писателей).

7. Родная природа в изображении А. С. Пушкина.

8. Образы борцов за свободу

в поэме Н. А. Некрасова «Кому на Руси жить хорошо».

9. Картины жизни униженных и оскорбленных в романе Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание».

10. Мечта, обгоняющая жизнь (по роману Н. Г. Чернышевского «Что делать?»).

11. Идейное содержание и художественные особенности пьесы А. П. Чехова «Вишневый сад».

12. Мой современник (на материале двух-трех произведений советской литературы 60-х годов).

13. Что значит жить и работать по-коммунистически?

14. «Я радуюсь маршу, которым идем...» (В. В. Маяковский).

15. «Никто не забыт и ничто не забыто» (О. Берггольц).

16. Роль художественной литературы в моей жизни.

В адрес редакции по-прежнему поступают многочисленные просьбы старшеклассников рассказать о том, как самостоятельно подготовиться к поступлению в вуз по русскому языку и литературе. Напоминаем Вам, что такие консультации редакция уже давала. Так, в 3 и 4 номерах «Русской речи» за 1970 год были помещены статьи А. Б. Анкиной «Морфологический разбор» и «Синтаксический разбор»; А. И. Овчаренко «Язык и стиль повести М. Горького «Мать»»; П. С. Пустовалова «К экзаменам по русскому языку»; Н. А. Семенович «Абитуриент пишет сочинение» (1972, №№ 1—4).

Статья заслуженного учителя РСФСР П. А. Бученкова «Учить писать сочинение» обращена не только к тем, кто учит, но и к тем, кто самостоятельно готовится к поступлению в высшее учебное заведение нашей страны.

Автор статьи указывает на необходимость плана к сочинению, обращает серьезное внимание на уяснение темы, на выбор меткого и точного слова и т. д.

УЧИТЬ ПИСАТЬ СОЧИНЕНИЕ

Каждый раз, когда учитель выходит из класса со стопкой «свежих» сочинений, он непременно думает о сюрпризах, которые его ожидают при проверке работ. Бывают, конечно, оригинальные сочинения: ученик по-своему раскрывает образ, спорит с устоявшимися мнениями, умело аргументирует свои мысли, пишет точным, выразительным языком.

Но чаще всего ученические «труды» огорчают учителя: вместо конкретного раскрытия темы — пересказ учебника или содержания произведения. Да и в языковом отношении немало погрешностей.

Анализируя сочинения, учитель отмечает характерные недостатки, советует, поощряет, заставляет учащихся устранив недочеты. Ученики пишут новые сочинения — и картина, к сожалению, повторяется. В чем же дело?

Нам кажется, что значительная часть учителей старших классов смотрит до сих пор на сочинение

как на средство фронтальной письменной проверки знаний учащихся по литературе. Поэтому при чтении работ учитель стремится главным образом понять, усвоил ли ученик изучавшийся в классе материал. Попутно, естественно, отметит встретившиеся орфографические ошибки, а пунктуационные «выпустит» на поля тетрадей в виде стаи «галочек». А ведь сочинение — это не только способ контроля знаний. Оно является важным средством идейного, эстетического воспитания учащихся. В процессе работы над сочинением школьник учится владеть пером, приобретает весьма необходимые для последующей практической деятельности навыки грамотного, логического, последовательного, аргументированного изложения своих мыслей.

Такой взгляд на письменную работу по литературе значительно расширяет задачи учителя-словесника. Несомненно, что сочинение по своему содержанию будет намного интереснее, если учитель, глубоко проанализировав текст произведения, привлечет внимание учащихся не только к страницам учебника, но и к критической литературе, обогатит их впечатлениями от экскурсии в музей, посещения театра или художественной выставки.

Но имеющиеся знания и впечатления надо еще умело «доверить» бумаге, то есть грамотно, последовательно изложить в соответствии с заданной темой. Для этого полезны уроки по обучению школьников и младших и старших классов «технике» работы над сочинением. На этих уроках разъясняется, как надо понимать тему, составлять план, подыскивать эпитет, отбирать материал и нужную аргументацию, делать правильные выводы. Понятно, что вопросы теории сочинения должны сочетаться с практической работой.

Старшеклассник с большим интересом трудится над сочинением, если ему дана не шаблонная, а «свежая», необычная (при этом, безусловно, ясная) формулировка темы. Например, почему бы рядом с темой «Образ Митрофанушки» не поставить другую: «Чем меня возмущает Митрофанушка?». Разве нельзя вместо привычной темы «Образ Ноздрева» дать другую — «„Исторический“ человек в поэме Н. В. Гоголя „Мертвые души“?» А «устоявшуюся» тему «Маяковский о поэте и поэзии» выразить словами самого поэта: «Я меряю по коммуне стихов сорта» (или: «В наше время тот — поэт, тот — писатель, кто полезен»). Такие формулировки тем, повышая интерес к

работе, требуют от учеников и большей самостоятельности (собственного осмысления и текста изученного произведения, и рассказа учителя, и материала учебника).

Обучение сочинению начинается с выработки у школьников навыков вдумываться в смысл каждого слова, входящего в название темы.

В 1972 году на выпускном экзамене многие ученики избрали тему «Традиции и новаторство поэзии В. В. Маяковского», при этом писали все, что им известно о поэте: о его «Левом марше», работе в РОСТА, поэмах, взглядах на роль поэта и поэзии в обществе, осмеянии недостатков в сатирических стихах и т. д.

А если вдуматься в каждое слово темы? *Традиции*: идейность, народность, патриотизм, критика эксплуататорского строя, гуманизм, высокое понимание общественного назначения поэзии. *Новаторство*: воспевание новой, революционной действительности, партии и ее вождя, показ мыслей, дел, чувств советского человека, слияние лирики и публицистики, установка на «слышимое слово», обновление поэтического словаря, своеобразие ритма и рифмы, публицистическая афористичность стиха...

От анализа формулировки темы — прямой путь к плану сочинения. В свое время было разъяснено, что оценка за экзаменационное сочинение не снижается, если в нем нет плана, но тема раскрыта правильно. Некоторые учителя это поняли по-своему: можно вообще обойтись без плана. А между тем он в сочинении необходим. План — это как проект строящегося здания; это маршрут, по которому идет ученическая мысль к раскрытию темы.

Обучая учеников составлять план, учитель предупреждает и логические ошибки, и стилистические.

Самая распространенная логическая ошибка — нарушение основания для деления. Перечисляются, например, черты Давыдова как руководителя: идейность, организаторские способности, принципиальность... и вдруг пункт «д» — «Борьба Давыдова с кулачеством». Нередко ученик дает подряд два пункта, но при этом второй из них не нужен, так как является частью предыдущего.

Стилистических ошибок не меньше: пункты плана различны по конструкции (одни — повествовательные предложения, другие — вопросительные, третьи — назывные); они чрезмерно длинные и нечетки по мысли, в них немало слов, которые употребляются неправильно. Работа над планом сводится к тому, чтобы пункты его были

лаконичными, ясными, выразительными, по возможности однотипными.

Иногда ученик прибегает в плане к распространенным повествовательным предложениям только потому, что не умеет использовать назывные.

Заслуженный учитель школы РСФСР Н. К. Курапов (Куйбышев) уделяет большое внимание стилистической «шлифовке» плана. Для того, чтобы ученики умели составлять назывные предложения, он проводит упражнения по образованию от глаголов соответствующих существительных: разоблачать — разоблачение, прославлять — прославление, формировать — формирование. Целесообразно также поупражняться в замене двусоставных предложений односоставными: «В. В. Маяковский в своей сатире осмеивает мещанские нравы» — «Осмеяние мещанских нравов в сатире В. В. Маяковского»; «Молодогвардейцы отличались широкими духовными интересами» — «Широта духовных интересов молодогвардейцев».

Учащимся необходимо показать возможности использования других типов предложений в пунктах плана, принципы составления цитатного плана, обратив внимание на формулировки вступления и заключения. Не без помощи некоторых методических разработок вступление во многих сочинениях — это «Эпоха создания романа», а заключение — «Значение произведения», а то и творчества писателя в целом (в тексте слово *значение* чаще всего соседствует только с эпитетом *велико*).

Для развития навыка понимания темы и четкой работы над планом сочинения целесообразно практиковать составление плана по близким, но не адекватным темам, например: «Образы коммунистов в романе М. А. Шолохова „Поднятая целина“» и «Показ в романе „Поднятая целина“ руководящей роли партии в социалистическом преобразовании деревни».

Хорошо продуманный план — это основа успешного раскрытия темы в сочинении. Конечно, это далеко не все: нужно изложить материал в строгом соответствии с планом, соблюдая соразмерность частей сочинения и связь между ними; подкрепить главные тезисы ссылками на текст, или, другими словами, аргументировать мысли; четко выделить основную идею, намеченную в эпиграфе; сделать необходимые выводы. Язык сочинения должен быть ясным, выразительным, в меру эмоциональным. Языковое чутье учащихся, понимание ими смысловой вырази-

тельности слова развивается на уроке. Большое значение при этом имеет подбор синонимов, выяснение смысловых оттенков слов, закономерности использования их в определенном контексте. Можно вскользь пробежать строки: «Онегин, добрый мой приятель, родился на берегах Невы», — уяснив для себя лишь место рождения героя, а можно подумать над тем, почему поэт называет Онегина «добрым приятелем» и в каком смысле употреблено слово *добрый*. В этом случае оно «оживет» и «потянет» за собой целый ряд синонимов.

Ученики охотно «соревнуются», придумывая все новые и новые слова-синонимы: оцепенеть — остолбенеть — окаменеть — замереть — застыть; с увлечением работают над образованием словосочетаний, в которые включают близкие по смыслу слова: старый дом, друг, обычай — старинная живопись, роспись; удачное произведение — удачливый человек.

Учащиеся постигают синонимические возможности русского языка при ознакомлении с фразеологическими оборотами: работать усердно — работать засучив рукава (плохо — спустя рукава), мчаться быстро — мчаться сломя голову, дремать — клевать носом.

Внимание к слову у школьников обостряется при знакомстве с творческой лабораторией писателя. При чтении пушкинских «Цыган» я, например, показал, как работал поэт, подбирая точный эпитет при описании «бедного ужина» старика (пример взят из работы Д. Д. Благого «Творческий путь Пушкина»). Сначала Пушкин пишет: «В сосуде глиняном пшено». Затем идут поиски точного эпитета: «Уже *молдавское* пшено», «Уже *вареное* пшено» и, наконец, — «Варят *нежато*е пшено». Ученики сразу определили, почему последний эпитет наиболее выразителен, хотя не обошлось без возгласа: «Неужели столько надо думать над одним словом?».

Да, надо, ибо «отбирать точные, меткие, отвечающие смыслу определяемого ими понятия слова — вот задача писателя» (А. Н. Толстой). Но такова задача и любого пишущего.

Плодотворна работа по «состязанию» в мастерстве с писателем. Дается текст, в котором опущены авторские эпитеты-определения. Учащиеся подбирают свои. Сравнение их «находок» с авторскими помогает лучше понять замысел писателя и оценить его умение найти точное слово.

Обогащению языка учащихся способствует ознакомление с афоризмами, крылатыми словами, идиоматическими выражениями. Очень важно, если учитель на уроках и в повседневном общении создаст обстановку, когда ученики «сыплют» полюбившимися фразами: «Он с лирой странствовал на свете», «Умел он весело поспорить, остро и ту-по отвечать», «Как мелким бесом рассыпался!».

Чтобы приучить учеников «свободнее» распоряжаться афоризмами, в сочинениях надо поощрять такое цитирование, когда авторские слова становятся частью фразы ученика: «Слово для Маяковского — „полководец человеческой силы“, и, чтобы добыть его „из артезианских людских глубин“, нужно хорошо знать жизнь „народа — языкотворца“, нужно полюбить его».

Показ стилистического использования форм частей речи, работа над параллельными синтаксическими конструкциями, ознакомление с изобразительно-выразительными средствами языка, упражнения по редактированию стилистически неточных фраз, переработка сочинений по указанию учителя — все это крайне необходимо, чтобы ученики конкретно ощутили, насколько велик и могуч наш язык, чтобы они научились владеть пером.

Надо сказать, что старые учебники русского языка больше внимания уделяли орфографии и пунктуации и очень мало — лексике и стилистике. Новые учебники в этом отношении содержательнее и помогают учителю повышать стилистическую грамотность школьников. Однако необходимо на уроках русского языка (как это рекомендует, например, академик АПН СССР А. В. Текучев в своем труде «Грамматический разбор в школе») постоянно заниматься вопросами грамматической стилистики, в том числе и при проведении грамматического разбора.

Языковой уровень сочинений учащихся зависит не только от письменных упражнений по расширению словаря и совершенствованию стилистических навыков. Каждый устный ответ на уроке — ведь это тоже обучение сочинению, если учитель добивается, чтобы в ответе было вступление (пусть выраженное одной фразой), развитие основной мысли и аргументирование ее, вывод; если «замечается» и поощряется точность, выразительность, эмоциональность языка ученического рассказа и исправляются все неточности его речи.

В процессе обучения учащихся технике работы над сочинением много значат правильная оценка работ и глу-

бокий их анализ. К сожалению, этот разбор не всегда бывает достаточно обстоятельным, ибо оценка сочинений нередко проводится по интуиции, по «чутью»: основной вопрос ученик осветил, к месту привел цитаты, язык «гладкий»... На самом же деле серьезные вопросы, нужные для раскрытия темы, опущены, в языке немало шероховатостей. В этом отношении учителю весьма полезно основательно проштудировать новые «Нормы оценки знаний, умений и навыков учащихся IV — X классов по русскому языку», в которых требуется при оценке сочинений учитывать не только соответствие содержания сочинения теме, но и последовательность изложения, богатство словаря, точность словоупотребления, разнообразие используемых морфологических категорий и синтаксических конструкций, стилевое единство и выразительность текста.

Все это учитель сможет учесть, если будет совершенствовать свои собственные «речевые навыки». Практика подсказывает: перед проверкой сочинения учителю самому целесообразно составить план, а то и полностью написать сочинение. Необходимо постоянно совершенствовать свое умение писать. Прав известный методист В. А. Никольский, когда утверждает: «Учителю, ничем себя не проявившему как автору, трудно руководить юными сочинителями». Да, чтобы учить писать других, надо самому поработать над заметкой для газеты или статьей для методического журнала.

Обучение школьника «технике» работы над сочинением, другими словами, авторская подготовка школьника — дело сложное, важное, необходимое, оно требует от учителя большого труда и определенного мастерства.

П. А. БУЧЕНКОВ

ТЕМЫ СОЧИНЕНИЙ НА ВСТУПИТЕЛЬНЫХ ЭКЗАМЕНАХ ПО РУССКОМУ ЯЗЫКУ И ЛИТЕРАТУРЕ В 1973 ГОДУ

Московский областной педагогический
институт имени Н. К. Крупской

1. «Ленин и теперь живее всех живых. Наше знание, сила и оружие» (В. В. Маяковский).

2. «Я себя под Лениным чищу, чтобы плыть в революцию дальше» (В. В. Маяковский).

3. Литературная лениниана 60–70-х годов.

4. Пути пробуждения революционного сознания народа (По роману А. М. Горького «Мать»).

5. О единстве общего и лич-

ного у советских людей в поэме В. В. Маяковского «Хорошо!».

6. Нравственные и социально-политические проблемы в романе А. С. Пушкина «Евгений Онегин».

7. Историческая правда и художественный вымысел в повести А. С. Пушкина «Капитанская дочка».

8. В чем вина и в чем беда Печорина? (По роману М. Ю.

Лермонтова «Герой нашего времени»).

9. Образы борцов за свободу в поэме Н. А. Некрасова «Кому на Руси жить хорошо».

10. Жизнь «маленького человека» в мире эксплуатации и угнетения (По роману Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание»).

11. «Любите книгу — источник знаний» (А. М. Горький).

ЮНОМУ ЛИНГВИСТУ

Ответы. См. стр. 128

1. Развитие словарного состава русского литературного языка, его изменения происходят в процессе образования новых слов (комсомолец, колхозник), возникновения новых значений у старых слов, переосмысления соотношений между старыми и новыми значениями (спутник, потомственный шахтер).

Качественное увеличение лексики в русском языке очень активно. Достаточно обратиться к любому из толковых словарей нашего времени, чтобы увидеть в нем большое количество многозначных слов, то есть слов, у которых на определенных этапах развития появлялось другое значение, в связи с первым или вторым — возникало третье и т. д. Например: *золото, серебро, бронза* — о медалях в спортивных соревнованиях; *морж* — любитель зимнего купанья в реке, пруду; *вписаться* — подойти по виду, характеру и т. п. к другим элементам целого, слиться с ним. Этот процесс способствует сохранению преемственности в лексической системе языка.

«Количественное увеличение словаря, само по себе важное, но не поддержанное его качественными трансформациями, привело бы к утрате преемственности в смысловом развитии языка» (Р. А. Будагов. — «Русская речь», 1972, № 3).

2. Надежные отношения существуют во всех языках, так как в них отражаются связи между предметами и явлениями реальной действительности. Даже в тех случаях, когда существительное не изменяется по падежам (например, в болгарском языке), в процессе общения все равно определяются его связи и отношения с другими словами. Что же касается категории рода, то ее отсутствие в некоторых языках связано с тем, что эта категория не выражает никаких отношений нашей действительности и является «внутриязыковой». Хорошо известно, что предметы, явления, которые в реальной действительности сближаются по тому или

явному признаку, в грамматике могут относиться к словам разного рода: *океан* — мужского рода, *море* — среднего, *река* — женского (В. М. Никитевич. «Грамматические категории современного русского языка». М., 1963).

3. Совершенный вид глаголов обозначает предельность действия. Поэтому глаголы данного вида связаны либо с прошедшим временем, либо с будущим: когда мы используем глагол совершенного вида, предел действия или достигнут и, следовательно, отодвинут в прошлое, или он может быть достигнут в будущем. Одновременности действия с моментом речи здесь быть не может: ученик *написал* письмо (*напишет* письмо), *решил* задачу (*решит* задачу). Несовершенный вид глагола имеет все три формы времени: ученик *пишет* письмо (*писал*, *будет писать*), *решает* задачу (*решил*, *будет решать*).

4. У одушевленных существительных форма винительного падежа совпадает с формой родительного во множественном числе существительных всех родов, а в единственном такое совпадение наблюдается лишь у существительных мужского рода. В связи с тем, что существительные женского рода в единственном числе винительного падежа имеют особое окончание (*сестру*, *воду*), чего нет у существительных двух других родов, такая «подстановка» существительного женского рода в форме винительного падежа на место того существительного, определение падежа которого вызывает затруднение (винительный или родительный), — укажет правильный ответ. «Я встретил товарища» — здесь слово *товарища* по падежному окончанию может быть отнесено как к винительному, так и к родительному падежу (нет товарища — родительный падеж). Если мы заменим в первых двух предложениях *товарищ* словом женского рода *подруга*, то форма последнего совершенно отчетливо укажет на тот или иной падеж: *встретил подругу* — падеж винительный, *нет подруги* — родительный. Следовательно, в первом предложении слово *товарищ* выступает в винительном падеже, во втором — в родительном. Подобную «подстановку» (существительное женского рода в единственном числе) следует проводить и тогда, когда затруднение в определении падежа вызывают существительные мужского или среднего рода, стоящие во множественном числе: *встретить товарищей* (ср. *встретить подругу*).

5. Указанные качественные прилагательные не имеют степеней сравнения по следующим причинам: *босой*, *мертвый* — признак абсолютен, он не может проявляться в большей или меньшей степени; *гнедой*, *вороной* — это наименование масти лошади; *розовый*, *шоколадный* — прилагательные, которые не приобрели чисто грамматических признаков качественного прилагательного.

И. М. ПОДГАЕЦКАЯ

КОНСУЛЬТАЦИИ

ГРАММАТИЧЕСКАЯ ПРАВИЛЬНОСТЬ РУССКОЙ РЕЧИ

Продолжение. Начало см.: «Русская речь», 1973,
№№ 4—6; 1974, № 1

ПО ОКОНЧАНИИ — ПОСЛЕ ОКОНЧАНИЯ. В соединении с предлогом *по* в значении «после» существительное стоит в форме дательного падежа: «*По возвращении* из командировки необходимо представить отчет о проделанной работе». Такие построения встречаются только в книжно-деловой речи, причем предлог *по* сочетается с ограниченным кругом существительных: *по возвращении, по выяснении, по истечении (срока), по окончании, по получении, по предъявлении, по прибытии, по приезде, по приходе, по ратификации, по реализации* и некоторыми другими. В свободном употреблении, без лексических ограничений, в том же значении используются конструкции с предлогом *после*: *после возвращения, после выяснения* (Ср. невозможность построения: «*По докладе* был большой концерт»). Количество конструкций с предлогом *по* в газетной речи резко сократилось.

В связи с несвободным, лексикализованным характером сочетаний с предлогом *по*, с одной стороны, и их семантической близостью к сочетаниям «*по* + существительное в дательном падеже», имеющим значение «на основании чего, в соответствии с чем», встречаются построения «*по* + дательный падеж» в значении «после чего-нибудь»: «*По зрелому размышлению* я решил»; «*По окончанию прений* будет проведено голосование». Такие конструкции нельзя признать литературной нормой.

От конструкции типа *по окончании* следует отличать сочетания предлога *по* с дательным падежом существительного, имеющие значение «в соответствии с чем-нибудь»: «*Изменения в проект* могут вноситься только *по согласованию* с заказчиком».

СОБРАТЬ ПО ПЯТИ ТОНН С ГЕКТАРА – СОБРАТЬ ПО ПЯТЬ ТОНН С ГЕКТАРА – СОБРАТЬ ПЯТЬ ТОНН С ГЕКТАРА. Существительное в сочетаниях, имеющих распределительное, дистрибутивное значение, стоит при предлоге *по* в дательном падеже: Дать детям *по яблоку*. Числительные в таких конструкциях имеют форму дательного или винительного падежа.

Числительные *два, три, четыре*, составные числительные, оканчивающиеся на *два, три, четыре* (сорок два, сто три, пятьсот семьдесят четыре), числительные *двести, триста, четыреста* и составные числительные начинающиеся этими словами (двести семьдесят пять, триста шестьдесят восемь), а также собирательные – двое, трое и т. д. принимают при предлоге *по* форму винительного падежа: по два яблока, по сорок три страницы, по двести семьдесят шесть рублей.

Остальные числительные употребляются в этих конструкциях как в форме дательного, так и в форме винительного падежа (по пять, по пятнадцать, по двадцать книг и по пяти, по пятнадцати, по двадцати книг). Старая норма, рекомендуемая всеми словарями, включая 17-томный «Словарь современного русского литературного языка», – *по пяти книг*. Но в современном литературном употреблении, по-видимому, под влиянием конструкций, в которых издавна был винительный падеж, эта форма постепенно распространяется и на числительные типа *пять, десять*, например: «Бабы доставляют по десять аршин холста» (В. Солоухин). Формы типа *по пять* господствуют в разговорной и газетной речи. Таким образом, здесь сосуществуют два варианта нормы: *по пяти* (более книжная) и *по пять* (более разговорная).

Конструкция *собрать пять тонн с гектара* отличается по значению от конструкции *собрать по пяти* (или: *по пять*) *тонн с гектара* отсутствием дистрибутивного (распределительного) значения. Конструкция *собрать по пяти* (*по пять*) *тонн* обозначает то, что данное количественное сочетание относится к каждому из названных предметов (с каждого гектара собрано по пяти (*по пять*) тонн), тогда как в первой конструкции называется только один предмет (с данного, одного гектара собрано пять тонн).

(Продолжение в следующем номере)

ЛИТЕРАТУРА

Д. И. Буторин. Употребление в распределительном значении количественных числительных с предлогом *по*. – «Вопросы культуры речи». Вып. 5. М., 1964.

ПОЧТА «РУССКОЙ РЕЧИ»

● ЧИТАЯ ПУШКИНА

Школьник И. Арагаджи из Баку пишет, что, читая Пушкина, он не всегда понимает то или другое слово. Так, в «Станционном смотрителе» написано: «Теперь смотритель, соображая все обстоятельства, догадывался, что болезнь была притворная». Почему здесь Пушкин употребил слово *соображая*?

В произведениях Пушкина мы нередко встречаем незнакомые нам или вообще малоизвестные слова. Смысл таких слов узнать нетрудно: в большинстве случаев его объясняют в примечаниях, сносках; кроме того, можно заглянуть в словарь, спросить других. Гораздо хуже, когда мы встречаем слово знакомое, общеупотребительное, но изменившее за полтора столетия значение: в этом случае текст может быть прочитан неправильно.

Так, в «Капитанской дочке» Иван Кузмич, наказывая Гринева и Швабрина за дуэль, оправдывает свои действия: «Поединки формально запрещены в воинском артикуле». Что значит *формально*? Слово обычное, достаточно знакомое. Мы говорим: *формальный* подход, *формальное* отношение к делу, *формальные* права и т. п. *Формально* почти всегда противопоставляется понятию *фактически*. Если кто-то *формально* прав, значит *фактически* мы с ним не согласны, он не вник в суть дела. Но комендант вовсе не хочет сказать, что дуэли *фактически*, то есть на самом деле, разрешены, допускаются. Внимательно прочитав текст, мы поймем, что *формально* в языке Пушкина значит 'официально'.

Еще пример из «Капитанской дочки». Гринев рассказывает: «Мне приснился сон.., в котором до сих пор вижу нечто пророческое, когда соображаю с ним странные обстоятельства моей жизни». *Соображать* здесь означает 'сопоставить в уме, взвесить какие-нибудь данные, обстоятельства'. Это слово в том же значении употреблено Пушкиным и в приведенном автором письма предложении из «Станционного смотрителя».

Порой то ли иное слово в языке Пушкина как бы «колеблется», оказывается то ближе, то дальше от современного употребления. Восприняв одно значение, мы вдруг встречаем уже знакомое слово в другом значении. В одном из писем Пушкина читаем: «Молчалин не довольно резко подл; не нужно ли было сделать из него и труса?». Мы бы тоже могли назвать Молчалина *подлым*. Но совсем необычно для нас это слово в начале XII главы «Капитанской дочки» (о Швабрине): «Изменник помог Пугачеву вылезть из кибитки, в подлых выражениях изъясняя свою радость и усердие». Если бы мы захотели «перевести» это предложение на современный язык, объяснить его, мы использовали бы слова *льстивый, подбострастный*.

В «Сценах из рыцарских времен» один из рыцарей восклицает: «И эти подлые твари могли победить благородных рыцарей!». Кажется, что здесь *подлый* по значению близко первому случаю, то есть ‘бесчестный’, ‘нехороший’. Но сопоставление *подлые* — *благородные* заставляет предполагать иное: *подлый* (по свидетельству «Словаря языка Пушкина») — ‘принадлежащий к низшим сословиям, низкий по своему происхождению’. Действительно, ведь рыцари подверглись нападению простых людей, «вассалов, вооруженных косами и дубинами». Это подтверждают и другие примеры из «Сцен»: «Это бунт — подлый народ бьет рыцарей». А также в реплике рыцаря Ротенфельда, который возражает на просьбу Клотильды о помиловании Франца: «Помиловать его!.. Да вы не знаете подлого народа».

Нередко однокоренные, родственные слова современного языка помогают понять особенности пушкинского словоупотребления. Скажем, *противный* сейчас значит ‘неприятный; мерзкий; отвратительный’. У Пушкина мы встречаем иные значения: «Уже противных скал достиг» (Кавказский пленник) и «Брегов противных достигал» (из перевода поэмы, точнее вступления, А. Мицкевича «Конрад Валенрод»). Сейчас мы так не сказали бы, но нам известны слова *противоположный, расположенный напротив* и т. п. Или в «Капитанской дочке»: «Все мнения оказались противными моему», мы знаем *противоположность взглядов, мнений* — и это помогает понять пушкинские строки.

В пушкинском переводе названной поэмы А. Мицкевича есть такие стихи:

И всяк, переступивший воды,
Лишен был жизни иль свободы.
Лишь хмель литовских берегов,
Немецкой тополью плененный,
Через реку, меж тростников,
Переправлялся дерзновенный,
Брегов противных достигал
И друга нежно обнимал.

Примечательна здесь старая грамматическая форма — женский род слова *тополь*. В языке Пушкина мы встречаем и мужской и женский род этого слова. Подобные варианты есть и в современном русском языке, например: зал — зала. Многие устаревшие формы в изданиях произведений Пушкина сейчас заменяются, но эту форму «исправить» нельзя. Дело в том, что в данном случае женский род слова *тополь* противопоставлен мужскому роду *хмель*. Грамматические формы получают символический смысл. Пушкин сохраняет образный строй стихов А. Мицкевича (в польском языке *тополь* — женского рода).

Все это требует особенно внимательного, чуткого отношения к пушкинскому слову, требует большой культуры читателя.

Выдающийся пушкинист Б. В. Томашевский в статье «Вопросы языка в творчестве Пушкина», опубликованной в сборнике «Пушкин. Исследования и материалы» (т. I. М.—Л., 1956), писал: «Значения, какие Пушкин придавал отдельным словам, ныне забыты. Мы не употребляем слова „позор“ в значении „зрелище“, „плеск“ в значении „аплодисменты“. Для нас не ясны сочетания „славный вопрос“, „пустынные воды“ и т. п. Нами забыто употребление слова „жилье“ в значении „этаж“...»

Одним словом, далеко не всегда текст Пушкина элементарно понятен. Уж не приходится говорить о том, что многие слова ушли вместе с породившим их бытом, появились слова, обозначающие новые явления, а многие слова и обороты приобрели другое значение».

В. В. Одинцов

● ПУШКИНСКИЕ КАЛАМБУРЫ

Заметки об употреблении каламбуров в речи русского общества XVIII и XIX веков, опубликованные в № 4 и 5 «Русской речи» за 1973 год, вызвали интерес читателей. Е. С. Долгих из Ленинграда и Н. И. Дронова из Горького просят более подробно рассказать о каламбурах в творчестве и письмах А. С. Пушкина.

Природный ум, начитанность, близкое знакомство с остроумнейшими людьми своего времени позволили А. С. Пушкину очень рано занять «высшее место в ряду литературных острословов первой трети XIX в.» (В. В. Виноградов). Остроты, каламбуры заполняют его письма, в ряду других употребляются как прием в художественных произведениях, но лишь изредка и только в определенных жанрах.

Мы находим каламбуры в стихотворных посланиях дружеского или (реже) лирического характера, в шутливых стихах на раз-

вые случаи, в эпиграммах. Вместе с тем иногда Пушкин вводит их в крупные стихотворные произведения, например в «Домик в Коломне» и в «свободный роман» «Евгений Онегин», где множество «блесток остроумия» и, следовательно, наличие каламбуров вполне оправдано.

Писатель не считает уместным использовать каламбуры в произведениях, написанных «высоким», традиционно-торжественным слогом, — в одах, героических поэмах, трагедиях, общественно-политических стихотворениях, так как элементы комизма не соответствуют общему стилю «высокого» сочинения, его основной задаче. Исключения составляют народные сцены «Бориса Годунова»: они пестрят «складными» прибаутками, есть в них и каламбуры.

Не свойственны каламбуры и романтическим поэмам Пушкина, где в центре изображения сильные, героические характеры и пышная, величественная природа. Нет их и в элегической лирике с ее вниманием и сочувственным отношением к переживаниям героя, что делало неоправданным обращение к шутке или иронии. Крайне редки они в художественной прозе Пушкина. Это объясняется, по-видимому, сознательным отказом от украшательской манеры повествования. Мало каламбуров в критике и публицистике. Мы находим их в «Опровержении на критики», написанном, как говорит сам автор, в «несносные часы карантинного заключения»... «для препровождения времени». Некоторые другие статьи содержат каламбуры в контексте шутливого, иронического или разговорного характера: «Г-н Каченовский просидел 20 лет на одном месте, — согласен: но как могли юноши *обогнать* его, если они ни за чем и не *гнался?*» (Отрывок из литературных летописей).

Не считая необходимым обращение к этому приему при анализе сочинений, Пушкин, прибегнув иногда в первоначальной редакции к каламбуру, отказывается от него в ходе дальнейшей обработки статьи. Так, не вошел в окончательный текст разбора «Слова о полку Игореве» имеющийся в черновике полемический намек на несостоятельность идей А. С. Шишкова в его «Рассуждении о старом и новом слоге российского языка». В окончательном варианте «О втором томе „Истории русского народа“ Полевого» отсутствует облеченный в каламбурную форму выпад против Полевого, хотя он есть в черновике.

Каламбуры встречаются в собраниях анекдотов и в дневниковых записях Пушкина, насыщенных замечаниями о людях и событиях политической, общественной и литературной жизни. Вот каламбур, отмеченный в «Дневниках (1815)» Пушкина как принадлежащий генералу Беннигсену: «Давыдов является к Беннигсену: „Князь Багратион, — говорит, — прислал меня доложить вашему высокопревосходительству, что неприятель у нас *на носу*...“ — На

каком носу, Денис Васильевич? — отвечает генерал. — *Ежели па Вашем, так он уже близко, если же на носу князя Багратиона, то мы успеем еще отобедать...*

Пушкин часто прибегает к каламбурам в письмах, адресованных друзьям и родным. Много шуток в письмах жене, брату Л. С. Пушкину, дяде В. Л. Пушкину. Особенно богаты остротами письма к признанному мастеру каламбура прошлого столетия П. А. Вяземскому. Пушкин и Вяземский вели переписку обычно в шутовском тоне. Иногда бывало так, что Вяземский — «язвительный поэт, остряк замысловатый» — в письме употреблял каламбур, а Пушкин продолжал его в своем ответе. Интересно, что в письмах Пушкина к другим близким друзьям — А. А. Дельвигу, П. А. Плетневу, В. К. Кюхельбекеру, П. В. Нащокину, В. Ф. Одоевскому, А. И. Тургеневу — каламбуры встречаются значительно реже.

Пушкин пользуется каламбурами в основном в первой половине творчества (включая 1825 год), затем количество их становится меньше. Это вызвано, очевидно, тем, что поэт меньше пишет альбомных мадригалов, эпиграмм, стихотворных надписей и т. п. В частной переписке каламбуры сохраняются до последних дней его жизни.

Пушкин обращается к игре словом для того, чтобы сделать изложение интересным и занимательным. Таковы каламбуры в большинстве стихотворных произведений. В написанных экспромтом шутовских стихах:

Да не воскреснут от забвенья
Покойный господин Бобров...
И *Николев*, поэт *покойный*,
И *беспокойный* граф Хвостов.

Из письма к В. Л. Пушкину

Мой друг! *Неславный* я поэт,
Хоть христианин *православный*.

В альбом Илличевскому

В послании «Шишкову»:

Угодник Бахуса, я, трезвый меж друзьями,
Бывало, пел вино *водяными* стихами...

С намерением позабавить читателя вводятся и те немногие каламбуры, которые есть в повествовании рассказчика из «Повестей Белкина»: «Принялся я было за неподслащенную наливку, но от нее болела у меня голова; да признаюсь, побоялся я сделаться *пьяницею с горя*, т. е. самым *горьким* пьяницею» (Выстрел).

Обычно каламбур Пушкина — это один из способов показать личное отношение к каким-нибудь событиям, выразить свою точку зрения на те или иные важные или совсем незначительные

факты. В одном из лирических отступлений «Евгения Онегина» (Путешествие Онегина), говоря об Одессе, Пушкин пишет:

Однако в сей Одессе влажной
Еще есть *недостаток* важный;
Чего б вы думали?— воды.

В слове *недостаток* здесь слиты два значения: 1) 'дефект, изъян, погрешность', 2) 'отсутствие чего-нибудь в нужном количестве, нехватка чего-нибудь'. Эффект каламбура усиливается тем, что «влажная Одесса» оказывается, страдает *недостатком* воды.

Прочитав написанные Ф. Н. Глинкой стихотворные псалмы, Пушкин дает им такую оценку:

Наш друг *Фита*, Кутейкин в эполетах,
Бормочет нам растянутый псалом:
Поэт *Фита*, не становись *Фертóm!*
Дьячок *Фита*, ты *Ижица* в поэтах!

Двупланово употребляя названия букв русского алфавита (две из них — *фита*, через которую писалось имя Глинка [Федор], и *ижица* — были последними), Пушкин, по-видимому, намекает на недостаточную поэтичность псалмов («ты *Ижица* в поэтах») и на неуместность в них важного тона («не становись *Фертóm!*). Приведем аналогичный, тоже построенный на каламбуре отзыв Пушкина о псалмах Глинка в черновом варианте письма П. А. Вяземского (24 ноября 1824): «Вот [оказия!] случай! а потоп-то! Жду на сей *водяного* пс(алма) *Фиты*».

Но чаще каламбур для Пушкина — это способ передать определенное содержание. Каламбуры используют в литературно-критических оценках. Известно, что Пушкин постоянно интересовался французской литературой, заучивал наизусть многие отрывки из классиков. Не считая французскую *robie fugitive* (мадригалы, куплеты, надписи, героиды и т. п.) заслуживающей внимания, Пушкин высказывает недовольство тем, что эти жанры господствуют в творчестве многих русских стихотворцев. В черновом варианте его критической статьи «О ничтожестве литературы русской» сказано: «Между тем французская *обмелевшая* словесность *envahit tout*» [затошляет все].

Введенный для забавы, развлечения, каламбур вместе с тем может служить средством характеристики. В приписываемой Пушкину эпиграмме «Двум Александрам Павловичам» Пушкин высмеивает Александра I: «хромает головою».

В эпиграммах реальные лица прямо назывались или, не будучи названы, легко угадывались современниками. Вот характеристика известного в то время архимандрита Фотия:

Пошли нам, господи, греховным
Поменьше пастырей таких,—
Полу-благих, полу-святых.

На Фотия

Поэт выявляет здесь два смысла эпитета *благой*: 'добрый, честный, хороший' и 'глупый, дурной, юродивый, блажной'.

В характерологических целях — «для выражения глубоких социальных контрастов» (В. В. Виноградов. Язык художественного произведения) — Пушкин сталкивает два значения слова *страсть*: литературное — 'увлечение, сильная любовь' и разговорно-просторечное — 'страх': «Спрашивали однажды у старой крестьянки, по *страсти* ли вышла она замуж?— „По *страсти*,— отвечала старуха,— я было заупрямилась, да староста грозился меня высечь“» (Путешествие из Москвы в Петербург. Браки).

Создавая каламбуры, Пушкин всегда проявлял тонкость вкуса и умеренность. Пушкинские шутки естественно и органично включаются в общий тон повествования.

Е. П. Ходакова

● «ФАМИЛЬНЫЕ» СЛОВА И ТЕРМИНЫ

Непосредственным поводом для написания этой статьи явилось письмо И. Г. Филатова «Имена, увековеченные терминологией» («Русская речь», 1974, № 1). Автор его напомнил о существовании в русском языке слов, образованных от собственных имен — фамилий ученых, исторических личностей. Поскольку И. Г. Филатов не раскрывает (вероятно, не ставил такой цели) языковой природы и особенностей существования подобных слов, а они именно этим и интересны, то появилось желание описать их более подробно.

Действительно, в русском языке (как и в других национальных языках) есть особая группа слов, связанная с фамилиями изобретателей, ученых, общественных деятелей, с названиями государств, географическими наименованиями, то есть именами собственными. Судьба этих слов различна. Неодинакова и их языковая природа. Одни живут в речи очень недолго. Словари, как правило, их не фиксируют, и по прошествии какого-то времени эти слова становятся малоопытными современному читателю. Другие, напротив, прочно входят в язык и включаются в словари. Значение их устойчиво. Не сохраняется иногда в памяти только то, что они обязаны своим рождением конкретным личностям, чьи имена стали носить: Рентген, Дизель, Пастер и т. п.

Почему столь по-разному складывается жизнь таких слов в языке? Есть ли в этом какая-то закономерность? Да, есть. Причина заложена в том, что обозначают подобные слова, какие предметы и понятия они именуют. В конечном счете — к какой сфере употребления относятся. По этому признаку слова, образованные от имен собственных, нетрудно разделить на обиходные, общеупотребительные и специальные, терминологические. Первые из них (общеупотребительные), как правило, долго в языке не задерживаются, они часто уходят из употребления вместе с предметами, именами которых были, оставаясь, правда, в языке художественных произведений, и то далеко не всегда. Это наименования различных бытовых предметов, чаще — головных уборов, одежды определенного фасона. Значение их со временем стирается, поскольку сами предметы вместе с модой на них исчезают. Современному читателю, вероятно, уже необходимо пояснять, что *онегийский широкий боливар* — широкополая шляпа, *брегет* — часы, *гамлетка* — берет, *румынки* — дамские ботинки. Эти слова языковеды справедливо называют эпизодическими. Они не составляют устойчивого языкового слоя, не входят в основной словарный запас национального языка.

К числу эпизодических относятся и наименования лиц, членов кратковременных общественных группировок, коллективов, и наименования политических течений, получивших название по фамилии, по журналу, газете и другим собственным именам. В произведениях В. И. Ленина, например, встречаем: беззаглавцы (полукадетская группа, издававшая журнал «Без заглавия»), лонгетисты, «гвоздещина», калединщина, лублановщина и многие другие. Для понимания значения этих слов необходимы знания конкретных исторических событий или деятелей.

Наиболее эпизодичны среди образований от основ имен собственных окказиональные, или авторские слова, пределы употребления которых чаще всего ограничиваются одним произведением одного автора. Авторскими, как правило, остаются глаголы, образованные от основ имен собственных: *наконандойлить*, *перегитлери́ть*, *эдисонствовать*. Можно вспомнить своеобразный рекорд Б. Кежуна, который «изобрел» 18 новых глаголов в шутовском стихотворении «Мой буланый пегас»: *мартыннить*, *евтушенить*, *пастерначить*, *молчанить*, *рудерманить*, *слуцковать*, *рыленить*, *безыменить*, *антоколить*, *хелемить*, *винокурить*, *инберить*, *маяковить*, *марпачить*, *кирсанить*, *сильвинячить*, *смирнячить*, *опанить*. Легко заметить, что глаголы произведены от фамилий современных советских поэтов. Все эти разновидности образований составляют одну группу слов общеобиходного употребления.

Ей противостоит другая группа, также связанная с собственными именами: слова специальных сфер употребления, терминологические наименования. Они не эпизодичны, не временны, а напротив, составляют устойчивые наименования. К числу таких традиционных «фамильных» терминов (назовем их условно так) можно отнести: наименования физических единиц (ватт, ом, генри); химических элементов — по отношению к ним даже можно проследить определенную тенденцию перехода от наименований, связанных с мифологическими именами (ванадий — от имени богини счастья, прометий — от имени героя греческой мифологии) и названиями планет (нептуний, плутоний), к собственно реально-фамильным (кюриум, эйнштейний, фермий, менделевий, nobelium, курчатовий).

В наименованиях минералов также есть устойчивая связь с собственными именами — фамилиями, географическими названиями: байкалит, астраханит, анапаит, алуштит, алгаит, пушкинит, ломоносовит, лавровит, менделеевит, кировит, фюрдфедоровит (по фамилиям Форд и Федоров) и многие другие. Среди философской, общественно-политической и естественно-научной лексики также много слов, образованных от основ имен собственных — вождей, политических деятелей, философов, ученых: марксизм, марксизт, ленинизм, ленинец; дарвинизм.

Так можно охарактеризовать слова, образованные от имен собственных по признаку, что они называют и в какой сфере языка употребляются.

Не менее интересно рассмотреть, как эти слова образуются, проследить словообразующую роль имен собственных. Анализируя имена собственные с этих позиций, мы также можем выделить две разновидности использования имен собственных:

1) имя собственное целиком используется для наименования специального предмета или понятия и тем самым становится нарицательным;

2) имя собственное используется в качестве словообразующей основы для наименования специального предмета или понятия.

Для первой группы слов наиболее типичны три случая применения собственных имен: а) в «чистом виде»: ампер, ватт, ом, джоуль, ферми, герц, рентген (физические единицы); маузер, браунинг, кольт, наган (род оружия определенной системы); брегет, буре (часы); галифе, макинтош (предметы одежды); б) в составе наименований-словосочетаний: теорема Пифагора, формула Бернулли, тормоз Матросова, постоянная Планка, закон Ньютона; в) в составе сложных слов: джонсон-эффekt, ферми-жидкостный.

Вторая разновидность использования собственных имен обладает почти неограниченной возможностью создания слов всех основных частей речи. Так образуются существительные разных значений: имена лиц — марксисты, ленинцы, чапаевцы, пушкинисты, толстовцы, гегельянцы; предметные имена — шалыпинка, памирка, алтайка, хемингуэйка; складовскит, анкерит; отвлеченные имена существительные — дарвинизм, конфуцианство; пастеризация; собирательные имена — шопениана, герцениана, гагарина; прилагательные: горадиева (строфа), певченковский (стих), архимедов (винт), макаренковский (принцип воспитания); наречия: по-ленински, по-чкаловски, по-вахтанговски; глаголы: пастеризовать, бетховенизировать и под.

Таким образом, имена собственные довольно активно участвуют в создании новых слов — обиходных, которые не остаются надолго в языке, и главным образом терминов, прочно входящих в специальную лексику национального языка. Роль собственных имен в словообразовательном процессе языка особенная. Они действительно становятся своеобразными символическими памятниками тем лицам, чьи имена послужили основой для создания новых слов.

В. П. Даниленко

● СЕМЬ И СЕДЬМОЙ В РУССКИХ ПОСЛОВИЦАХ И ПОГОВОРКАХ

Товарищ Гаврюк из Киева просит рассказать, как появилась у цифры *семь* особая символичность, чем объяснить ее частое употребление в русских пословицах и поговорках.

В составе многих фразеологизмов современного русского языка, в пословицах и поговорках встречаются числительные *семь* и *седьмой*. Вот лишь некоторые из них: Семь раз отмерь — один отрежь; Семеро одного не ждут; У семи нянек дитя без глаза; Для милого семь верст не околица; Глухому семь раз обедню не служат; Семь бед — один ответ; Семь пятниц на неделе; За семью замками; Семи пядей во лбу; Седьмая вода на киселе.

Если обратиться к истории литературы, фольклора и языка, можно отметить употребление тех же числительных во многих сказках, загадках, афористичных выражениях прошлого, приводимых, например, в Словаре В. И. Даля: Семь Семионов, одна Матрена [песты и ступа в мельнице]; Служила семь лет, выслужила семь реп; Семь сел, один вол (да и тот гол), а десять урядников; И праведник семижды в день падает; Из семи печей хлебы подал [‘бывалый’].

Список примеров легко можно продолжить. Ни одно числительное не упоминается в подобных выражениях так часто, как *семь* и *седьмой*. Чем объяснить это? Разобраться в данном вопросе тем более интересно, что упомянутое явление — отражение одного из самых стойких суеверий человечества. Оно зародилось около пяти тысяч лет назад и связано с одной из самых древних цивилизаций прошлого — ассиро-вавилонской.

Известно, что на протяжении тысячелетий научное знание часто переплеталось с религиозными верованиями и представлениями людей. Это прежде всего относится к древнейшей науке — астрономии. Еще на заре человеческой культуры жрецы, наблюдая за небесными светилами, связывали их со своими богами. Древние астрономы открыли пять планет солнечной системы: Меркурий, Венеру, Марс, Юпитер и Сатурн. К планетам причисляли также Солнце и Луну.

На этих планетах жрецы древнего Вавилона поселили семь своих главных богов: на Солнце, по их представлениям, жил всемогущий Шамаш; на Луне обезджал небо Син; на Меркурии обитал бог мудрости, письма и счета Набу; на ярко сияющей Венере — прекрасная богиня плодородия Иштар; хозяином кроваво-красного Марса был бог войны Нергал; на Сатурне господствовал бог побед и удачливой охоты Нинурта; а с самой большой планеты — Юпитера — управлял людьми главный бог вавилонян Мардук.

Семь богов Вавилона, в представлениях древних, жили на семи известных планетах и вершили судьбами людей и народов. А само число *семь* было объявлено священным, ему стали приписывать магические свойства. Древняя вавилонская религия учила, что каждая планета имеет свой день. Так появилась и утвердилась впоследствии новая мера времени — семидневная неделя. Астрономы многих стран теперь считают эту меру неудачной, так как она не отражает истинных природных закономерностей и затрудняет создание наиболее точного и рационального календаря.

Позднее некоторые легенды и изобретения древних вавилонян, связанные с числом *семь* (семидневная неделя, семиотная гамма и др.), вместе с суеверным преклонением перед этим числом по-

степенно перешли к другим цивилизациям, к другим народам и временам. Интересно проследить преемственность некоторых понятий, зародившихся в глубине тысячелетий.

В древнейшем из найденных ныне художественном произведении — поэме о Гильгамеше и Утнапиштиме, впервые рассказавшей о «всемирном потопе», вода за шесть дней затопила землю, а на седьмой день ковчег Утнапиштима пристал к вершине горы Насир — потоп прекратился. Бог создал землю и все живое за шесть дней, а на седьмой «почил от дел своих», как это делали вавилоняне.

Древние греки, а за ними и римляне переняли семидневную неделю и особое пристрастие к числу семь. Они утверждали, что на свете существуют семь мудрецов и семь чудес света, в учении «отца медицины» Гиппократом с помощью числа *семь* объяснялась телесная природа человека, семерка фигурировала во многих древнегреческих мифах. Римляне создали легенду о том, что Рим построен на семи холмах.

В эпоху средневековья, когда в Европе процветали астрология, алхимия, мистицизм, число *семь* не было забыто в своем «особом» значении. Средневековые алхимики приписывали планетам власть над металлами, которых, по их мнению, было тоже семь. Тайну расположения семи планет относительно земли астрологи выражали особым чертежом: семиугольником, вписанным в окружность, у вершин которого ставились знаки планет. Число *семь* играло большую роль в знахарских рецептах.

В некоторых мистических «мудрствованиях» XIX века, например у масонов, число *семь* воспринималось как сумма углов прямоугольника и треугольника и снова освещалось магическим светом. Преклонение перед семеркой нашло отражение и в творчестве восточных и западноевропейских народов: семь жен Синей бороды, семь красавиц из поэмы Низами, семимильные шаги, семь гномов.

Русский народ издавна вводил число *семь* в волшебные сказки: о семи разбойниках, о семи богатырях; в произведениях художественной литературы: семь мужиков в поэме Некрасова «Кому на Руси жить хорошо» и др. Сохранилось оно и во многих русских пословицах, поговорках, фразеологизмах.

Интересно, что современная наука попыталась объяснить такую поразительную стойкость древних суеверий. Некоторые опыты инженерной психологии продемонстрировали способность человеческого мозга различать не более семи категорий при наблюдении простейших одномерных связей. Этим пределом «пропускной способности» человеческого мозга объясняется то, что в гамме мы различаем семь основных звуков, а в спектре — семь основных цветов.

Таким образом, «магия» числа *семь* обусловлена некоторыми особенностями человеческой психики, а также его частым и длительным употреблением.

Н. А. Маковец

● ПО ДВАДЦАТЬ ИЛИ ПО ДВАДЦАТИ?

Читательница О. М. Королева из поселка Александровка Московской области спрашивает, как следует говорить и писать: «собрать *по двадцать* центнеров зерна с гектара или *по двадцати*?».

Согласно правилам современной грамматики, в сочетаниях числительных с предлогом *по*, имеющим распределительное значение, числительные употребляются в дательном и винительном падежах. В форме дательного падежа — количественные числительные от *пяти* до *десяти*, на *-цать* и *-десят*, *сорок*, *девяносто* и *сто*, а также неопределенно-количественные числительные *сколько*, *столько*, *несколько*: *по пяти*, *по одиннадцати*, *по сорока*, *по восьмидесяти*, *по несколько*. В винительном падеже — количественные числительные *два*, *три*, *четыре*, *двести*, *триста*, *четыреста* и собирательные числительные: *по два*, *по триста*, *по семеро*. Особым образом сочетаются с предлогом *по* числительные на *-сот*: первая часть сложного числительного — в дательном падеже, вторая часть — неизменяемая (*по пятисот*, *по семисот*). Такое правило рекомендуется для строго регламентированной письменной речи.

Но практика разговорной речи показывает, что в употреблении падежных форм числительных в указанных сочетаниях наблюдаются значительные колебания: вместо дательного падежа употребляется винительный (*по пять*, *по тридцать*, *по девяносто*). Такие обороты стали появляться в разговорной речи в первые десятилетия нашего века под влиянием конструкций с винительным падежом и с течением времени получили широкое распространение. Сначала они рассматривались как просторечие: такая оценка, в частности, содержится в некоторых научных изданиях 30—40-х годов. Постепенно эти обороты становятся характерной особенностью разговорной речи. Специальные наблюдения, проведенные сотрудниками Института русского языка АН СССР, показали, что в настоящее время в разговорной речи различных групп населения (по возрасту, социальному происхождению, образованию) в указанных сочетаниях с количественными числительными преобладает винительный падеж. В сочетаниях с неопределенно-количественными числительными происходят более значительные колебания, а числительное *много* в равной мере встречается в обеих падежных формах.

С 20–30-х годов конструкции с винительным падежом числительного вместо дательного проникают в письменную речь и постепенно начинают использоваться в ней более свободно. В настоящее время мы являемся свидетелями их широкого употребления в некоторых разновидностях письменной речи — периодической печати, в деловой речи: «собрать по двадцать центнеров с гектара»; «надоить по сорок литров молока от каждой коровы»; «настричь по девять килограммов шерсти с овцы» и под.

Распространение таких оборотов не только в устной, но и в письменной речи в значительной мере связано с унификацией падежных форм в составе данных сочетаний и ослаблением грамматических свойств предлога *по*, который превратился в полуформальный показатель распределительного значения при числительном. В связи с характерной для современного языка тенденцией к аналитизму, а также под влиянием способов чтения математических выражений и ряда других причин рассматриваемые конструкции в значительной мере формализовались и стали восприниматься как особые обороты, утратившие стилистически сниженную окраску. Все это сделало более свободным их проникновение в нейтральную письменную речь.

Частое употребление сочетания указанного типа на страницах газет и журналов, в деловых документах, отчетах, сводках и проч., подкрепленное широкой речевой практикой, позволяет рассматривать их в некоторых разновидностях письменной речи как вариант нормы. Но говорить о том, что употребление распределительных сочетаний с винительным падежом числительных вместо дательного стало нормой письменной речи, было бы преждевременным. В строго обработанной письменной речи и сейчас предпочтение отдается оборотам с дательным падежом: по двадцати.

И. М. Мальцева

● «МЯГКАЯ ИГРУШКА» И «МЯГКИЕ ИГРУШКИ»

«Как назвать секцию в магазине: „Мягкая игрушка“ или „Мягкие игрушки“?» — спрашивают сотрудники московского магазина «Детский мир».

Как известно, в русском языке категория собирательности представляет собой своеобразную лексико-грамматическую категорию. Речь идет об образованиях типа *молодежь*, *профессура*, *тряпье*, *солдатье* и т. д. Собирательность имеет у этих слов внешние языковые формы выражения — суффиксы *-ежь*, *-ура*, *-ье* и др. Но такие образования нерегулярны. Лишь у немногих существи-

тельных можно построить «грамматический треугольник» (термин А. А. Реформатского): единственное — множественное — собирательное (тряпка — тряпки — тряпье, зверь — звери — зверье). Однако почти все существительные могут употребляться со значением собирательного множества. Для передачи этого значения используется форма единственного числа. «Особой разновидностью собирательных [имен] являются разговорные случаи... единственного числа в значении собирательного: *Здесь хорошо щука берет; Студент-то, он бывает со всячинкой*» (А. А. Реформатский. Число и грамматика. — Сб. «Вопросы грамматики». М.—Л., 1960). Грамматический «треугольник» в этих случаях бывает таким: щука (в единичном значении) — щуки — щука (в собирательном значении). Из устной речи форма единственного числа, употребленная со значением собирательности, проникла в письменную — газетную и журнальную, в торговую номенклатуру, объявления, например в тексте: «Советский читатель ждет хорошей книги»; заголовок в газете: «Перо и штык»; название подмосковной конторы: «Мехпухперо и конволос». Нет оснований запрещать употребление единственного числа в собирательном значении, при этом не нарушаются существующие грамматические нормы. Однако формы единственного числа с признаком собирательности имеют подчеркнутую стилистическую окраску и поэтому использование их в речи должно быть оправдано.

Нас спрашивают, можно ли сказать: «У девушки густой красивый волос»? Сказать, конечно, можно. Но здесь единственное число имеет оттенок просторечного употребления. Данная форма, видимо, будет уместна в диалогах как средство речевой характеристики персонажа, а не в авторской речи. Заголовок типа «Перо и штык» обладает яркой публицистической окраской, он допустим в газете, но вряд ли понадобится нам в непринужденной речи.

Значение собирательности у слов в единственном числе все шире распространяется в речи. В примере «Мягкая игрушка» или «Мягкие игрушки» наша рекомендация не может быть жесткой и определенной, так как стилистические различия этих форм едва уловимы. Более привычным и традиционным вариантом является множественное число, а форме единственного числа свойствен слабый оттенок разговорности.

Л. К. Граудина

● ЗЛАЧНЫЙ И ЗЛАКОВЫЙ

Г. М. Дехтерев из Омутнинска Кировской области просит объяснить значение выражения *злачное место*.

Русскому языку известны два прилагательных, образованных от существительного *злак*, — *злачный* и *злаковый*.

Прилагательное *злачный* — древнее слово, оно существовало в старославянском языке и встречается в самых ранних памятниках русской письменности. Его исходное значение — «относящийся к злакам, являющийся злаком»: злачные растения, злачная трава. *Злачный* представлено также в названиях некоторых растений и живых организмов: злачная звездчатка, злачная цветочница, злачный червь.

Широко употребительным в русском литературном языке у слова *злачный* было значение «обильный, богатый злаками». Например: «Известно, что до сего времени веселилась она, как вольная пташка, что жизнь ее текла, как прозрачный ручеек стремится по беленьким камешкам между злачных, цветущих бережков...» (Карамзин. Наталья, боярская дочь); «Мне представились новые горы, новый горизонт; подо мною расстилались злачные, зеленые нивы» (Пушкин. Путешествие в Арзрум...); в поэтической речи:

Прибрежны дубравы
Склонялись к водам,
И стлался кудрявый
Кустарник по злачным окрестным холмам.

Ж у к о в с к и й. Золова арфа

А там уж и люди гнездятся в горах,
И ползают овцы по злачным стремнинам...

П у ш к и н. Кавказ

Как эпитет к словам *поле, долина, берег, луг, равнина*, прилагательное *злачный* встречается в стихотворениях Батюшкова, Баратынского, Бенедиктова, Языкова, Фета, Есенина. Для современного языка это слово является устаревшим.

В словоупотреблении нашего времени есть другое прилагательное — *злаковый*, его значения — «относящийся к злакам, являющийся злаком» и «покрытый злаками»: «Важнейшие однолетние злаковые травы относятся к просовой или сорговой группе» (Якушкин. Растениеводство); «По растительности степную зону можно назвать областью злаковых степей, тогда как степи лесостепья из-за обилия двудольных носят название луговых» (Берг. Природа СССР). Слово *злаковый*, появившееся в языке как ботанический термин, сохранило свой терминологический характер и имеет более узкую сферу употребления, чем имело *злачный*.

В современном языке *злачный* встречается только в выражении *злачное место*. Это словосочетание известно русскому языку с давних пор. Н. С. и М. Г. Ашукины объясняют его возникновение из «заупокойной» молитвы, где, как и в Библии, оно означало «приятное, спокойное, всем изобильное место» (Крылатые слова).

Пример употребления выражения *злачное место* именно в таком значении, какое оно имело в источнике заимствования — «приятное, спокойное, всем избыточное место в потустороннем мире», находим у Мельникова-Печерского: «— Вот хоть бы покойницу мою княгинюшку взять, — со смиреньем и слезами говорил князь Алексей Юрьич: — уж истинно уготовала себе место светло, место злачно, место покойно в селении праведных...» (Старые годы).

Более употребительным было переносное значение — «богатое, приятное место, где можно жить без труда и забот»: «Радость, которую во всех произвело открытие Проплеванной, была неопишанная... Всем представилось, что, наконец-то, обретено злачное место, в котором тепло и уютно и где не достигнут ни подозрения, ни наветы» (Салтыков-Щедрин. Современная идиллия); «Андрей Антипович, будучи изгнан своим родителем из дома за тунеядство, нашел дом Егора Ивановича местом злачным, где в изобилии текли мед и молоко» (Н. Успенский. Письмоводитель). В современном языке это значение является устаревшим.

Выражение *злачное место* имело второе значение — «место, где предаются кутежам, разврату»: «Дома он почти не жил, потому что вел самую цыганскую жизнь, посещая ярмарки, клубы, игорные притоны и тому подобные злачные места» (Мамин-Сибиряк. Приваловские миллионы); «Он невзначай напился пьян и в пьяном образе, забыв про семью и службу, ровно пять дней и ночей шатался по злачным местам. От этих беспутно проведенных пяти суток в его памяти уцелел один только похожий на кашу сумбур из пьяных рож, цветных юбок, бутылок, дрыгающих ног» (Чехов. Беда). Сочетание *злачное место* в этом значении сохранилось и до настоящего времени, употребляется оно обычно шуточно или иронически.

Ф. Д. Перевозчикова

● ПОД СПУДОМ

Читатель Г. М. Дехтерев из Омутнинска Кировской области интересуется значением выражения *под спудом*.

В древнерусском языке слово *спудъ* имело два значения: «сод» и «мера сыпучих тел». С близкой семантикой это слово известно и другим славянским языкам, куда оно пришло из немецкого. Позднее в русском языке *спуд* получило новое значение, впервые зафиксированное «Словарем Академии Российской» (1794), — «сокровенное место». Именно так — «скрытое место, тайник» — слово употреблялось в XIX веке.

Из скорлупок льют монету
Да пускают в ход по свету;
Девки сыплют изумруд
В кладовые, да под спуд.

Пушкин. Сказка о царе Салтане...

Для современного русского литературного языка все эти значения устарели. Сейчас слово *спуд* встречается только в предложных сочетаниях *под спудом, из-под спуда*, имеющих переносный смысл. *Под спудом* в современном употреблении означает «внутри, в себе; в глубине души, сознания»: «Сомнение подкралось исподтишка, медленно накапливалось где-то под спудом, теперь оно стало перед ним во весь рост. Он, Пинегин, автор варианта реконструкции, признанного официально наилучшим... не верил самому себе» (Снегов. Вариант Пинегина).

Второе, более распространенное значение *под спудом* — «без применения, употребления, в забвении, в бездействии»: «Пакет распечатали. В нем оказались новые материалы о гибели Пушкина, выборки из писем современников, писем неопубликованных, еще никому не известных, более ста лет пролежавших под спудом» (Андроников. Тагильская находка).

Извлечь, вынуть, вытянуть и т. п. *из-под спуда* значит «извлечь из глубины души, сознания» или «извлечь из забвения, дать применение чему-либо, находившемуся в забвении»: «„Пока“ — вот это коротенькое слово, добавленное сыном после некоторого раздумья, больше всего и сразило Ивана Даниловича Шаталова... Именно оно вытянуло-таки из-под спуда то, чего не могло не быть у бывшего батрака и старого партийца, — совесть» (Лаптев. Заря).

С меня довольно было б чуда
И велика была бы честь
То слово вынуть из-под спуда,
Что нужно всем, как пить и есть.
Твардовский. За далью — даль

Ф. Д. Перевозчикова

● КОНДРАШКА

О происхождении слова *кондрашка* просит рассказать читатель Н. М. Федоров из Ногинска Московской области.

Слово *кондрашка* дано в толковых словарях В. И. Даля, Д. Н. Ушакова, С. И. Ожегова и других с пометами «просторечное», «фамильярное» или «разговорное». В современном русском языке оно встречается только в сочетании с узким кругом глаголов в составе шутливого выражения *его хватила* (*хватит, стукнет, ударит*

и т. п.) *кондрашка* (об апоплексическом ударе). Слово *кондрашка* широко представлено в художественной литературе — в произведениях Салтыкова-Щедрина, Решетникова, Серафимовича, Н. Некрасова. Интересно отметить, что раньше это существительное встречалось и в свободном употреблении, а не в обязательном сочетании с названными глаголами. У Салтыкова-Щедрина в книге «За рубежом» читаем: «Не было тогда ни дифтеритов, ни тифов, ни болезней сердца, а был один враг телес человеческих: кондрашка».

Этимология слова *кондрашка* до сих пор неясна. М. Фасмер в «Этимологическом словаре русского языка» пишет, что, возможно, это табуистическое название от собственного имени Кондрáшка (Кондрат). А. Преображенский отвергал данное объяснение, а также и то, согласно которому *кондрáт* рассматривается как результат коптамнации с немецким *Kamgat*, и справедливо считал неясной этимологию слова *кондрашка* (см.: А. Преображенский. Этимологический словарь русского языка).

Существительное *кондрáшка*, по нашему мнению, нужно связывать с глаголом *драть*, выделяя в нем старый префикс *ко-* и вставное *-н-*: *ко-н-драшка*. Подтверждением данной точки зрения служит тот факт, что синонимом рассматриваемого слова является существительное *удар*, относящееся к тому же корню, что и *драть* (М. Vasmer. Russisches etymologisches Wörterbuch). Следовательно, наличие семантической связи ‘ударять, бить, драть’ → ‘удар’ → ‘паралич’ делает закономерным возведение слова *кондрашка* к *драть*.

Ряд производных образований от *драть*, в составе которых, как и в существительном *кондрашка*, есть старый префикс *ко-* (*ка-*) и вставное *-н-*, подтверждает формальную возможность нашего объяснения. О. Н. Трубачев в дополнительных комментариях, помещенных в «Этимологическом словаре русского языка» М. Фасмера, диалектное (жиздринское и донское) слово *кандёр* ‘постная похлебка из ободранного пшена’ связывает с глаголом *драть*, справедливо отвергая мысль о заимствовании данного существительного из польского *kędziór* ‘локон, завиток волос’. О. Н. Трубачев рассматривает это слово как сложение с приставкой: *кандёр* < *кан-дер* < < *ка-н-дер* (элемент *ка-н-* он обнаруживает и в украинских *кандвюба* ‘кривизна’ и *кан-диба* ‘кляча’). Аналогичную структуру имеет, очевидно, и русское архангельское *ко-н-дра* ‘шум, крик, содом’ и владимирское *за-н-дра* ‘ссора, размолвка’ — все к *драть*.

Следует отметить, что *-н-* (вставной элемент экспрессивного характера, появляющийся обычно в положении перед *д* или *т* после гласного) встречается во многих словах, относящихся к стилистически окрашенной лексике (презрительной, фамильярной и т. п.): русское рязанское *ле-н-душка* ‘ледышка’ < *ледушка*; белорусское

гродненское *лы-н-ды* 'ноги' < *лыды*; русское тамбовское *жа-н-до-биться* < *жадобиться*; а также, очевидно, белорусское *коло-н-тыриць* 'вымаливать, надоедать просьбою' < *колотыриць* (русское *колоты-рить* 'перебиваться в нужде'; 'кое-как сколачивать копейку; про-лазничать; ссориться, брюзжать'); русское терское *косондылый* < *косо-н-дылый*, собственно 'кривоногий' (русское западное *дыля* 'нога') — М. Фасмер пишет, что *-н-* в этом слове для него неясно; см. еще украинский глагол *ш-ка-н-диляти* 'хромать'.

Как мы отмечали выше, вставной экспрессивный элемент *-н-* (следующий за приставкой *ко-*) выделяется и в рассматриваемом нами существительном *кондрашка*, родственном глаголу *драть*, а по имени *Кондрат*, хотя позднее формальная идентичность слов *кондрашка* 'удар' и *Кондрашка* (имя) привела к неверному осмыслению первого как производного от второго.

И. П. Петлева

При перепечатке
ссылка на журнал «Русская речь»
обязательна

На обложке: Здание Кунсткамеры,
в котором первоначально помещалась Академия наук
Рисунок Б. Захарова

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

В. И. БОРКОВСКИЙ (главный редактор),
Е. А. ВАСИЛЕВСКАЯ, В. П. ВОМПЕРСКИЙ, К. В. ГОРШКОВА,
В. П. ДАНИЛЕНКО, В. Я. ДЕРЯГИН, И. Г. ДОБРОДОМОВ,
В. А. ЕРЕМИН, Л. П. ЖУКОВСКАЯ, Л. М. ЛЕОНОВ, А. И. ОВЧАРЕНКО,
И. Ф. ПРОТЧЕНКО (зам. главного редактора), Л. И. СКВОРЦОВ,
Ю. С. СОРОКИН, Ф. П. СОРОКОЛЕТОВ, Ф. П. ФИЛИН

и. о. отв. секретаря В. М. ПАНЬКИН

Адрес редакции: 121019, Москва, Г-19, Волхонка, 18/2,
Телефон: 202-65-25

Зав. редакцией И. М. Беспалова
Художественный редактор Т. А. Михайлова
Корректоры В. В. Беляев, Н. М. Кузьмина

Сдано в набор 12/ХІІ-1973 г. Подп. к печ. 25/ІІ-1974 г. Т-01971 Тираж 80 000
Формат бумаги 84 × 108¹/₃₂. Усл. печ. л. 8,4. Бум. л. 5. Уч.-изд. л. Зак. 3263
2-я типография издательства «Наука», Москва, Шубинский пер., 10

РУССКАЯ ФИЛИГРАНЬ

Промышленное производство бумаги в России было организовано в начале XVIII века по инициативе Петра I. В отдельных губерниях создавались свои бумажные мануфактуры. Одна из них была основана в 1727 году в Ярославле купцом Максимом Затрапезновым. В 1764 году его внук Алексей Затрапезнов продал предприятие Савве Яковлеву. Есть сведения, что до 1774 года С. Яковлев носил фамилию Собакин. В 1774 году он был замешан в какой-то неблагоприятной истории и подлежал наказанию. Екатерина II помиловала его с условием перемены фамилии. Он выбрал фамилию Яковлев. Савва Яковлев умер в 1784 году. После его смерти

мануфактура перешла к его детям. В состав водяного знака С. Яковлев включил литеры «ЯМ», обозначающие название Ярославской мануфактуры, и «СЯ» — его имя и фамилию. В эмблематической части помещался, как правило, герб Ярославской губернии — медведь, стоящий на задних лапах с алебардой на плече. Мы публикуем один из вариантов знака наиболее интересной композиции. Литеры «СЯ» в овале под короной. Овал находится на постаменте с четырьмя гнутыми ножками. Справа овал поддерживает медведь, слева — лавровая ветвь. Филигрань имеет дату — 1789.

(Продолжение следует)

